Н.К.Радина, А.А.Никитина

Социальная психология мужественности:

социально-конструктивистский подход

МОСКВА • 2011

УДК
ББК

Радина Н.К., Никитина А.А. Социальная психология мужественности: социально-конструктивистский подход. – М., 2011.– 168с.

Данное учебное пособие представляет новое направление в социальных науках – «гендерные исследования», открывающее возможность развития «мужских исследований» в социальной психологии. Пособие включает методологическое и теоретическое обоснование основных идей в русле «мужских исследований», описывает конструирование нового опросного инструмента, излагает алгоритм его апробации и дает полный набор материалов (опросный бланк, ключи, «возрастные нормы», интерпретации) для проведения исследования.

Согласно гендерному подходу, применяемому в опроснике и пособии в целом, мужская идентичность предстает перед исследователем как уникальный процесс и результат выбора, реализующий субъектность каждого мужчины при усвоении социокультурного материала гендерной социализации.

Рекомендовано для психологов – исследователей и консультирующих практиков, ориентированных на изучение проблем мужской гендерной группы.

Информация об авторах

Радина Надежда Константиновна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Нижегородского государственного педагогического университета, профессор кафедры социальной психологии Нижегородского института менеджмента и бизнеса. Автор более 150 публикаций, в том числе в журналах «Вопросы психологии», «Психологическая наука и образование», «Мир образования – образование в мире» и др. Грантополучатель Фондов Й. Якобсона, К. и Дж. Макартуров, Форда, Э. Гагарина. Стипендиат программ CRC CEU (Венгрия), USAID (США), Женской сетевой программы Института «Открытое общество».

Никитина Александра Александровна – магистр психологии, аспирант кафедры возрастной и педагогической психологии Нижегородского государственного педагогического университета. Автор более 15 публикаций. Лауреат стипендиальной программы им. академика А.Г. Разуваева. Грантополучатель Фонда Г. Белля.

ISBN: XXX-XXX

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Гендерные исследования в науках об обществе – одно из новых направлений, активизировавшееся в последней трети XX века, – опираются на социально-конструктивистское понимание социальной реальности.

«Мужские исследования» в рамках гендерных как самостоятельное направление определились в 80-е годы XX века. В России они представлены работами социологов (Н. Данилова, Е. Здравомыслова, М. Котовская, Е. Мещеркина, Е. Омельченко, И. Тартаковская, А. Темкина, Ж. Чернова и др.), социальных философов (С. Жеребкин, И. Кон и др.), антропологов (Д. Громов, С. Ушакин и др.), психологов (Д. Воронцов и др.). Ключевые темы «мужских исследований» – место мужчины в структуре гендерного порядка общества, гендерная социализация мальчиков и мужчин во всем ее многообразии, построение мужской идентичности – обусловлены динамичными культурными изменениями и развитием социальных наук.

До настоящего времени в российских гендерных исследованиях в психологии преобладал etic-подход, в рамках которого проводились сравнительные исследования психологических особенностей двух разных гендерных групп – мужской и женской. При этом достаточно часто гендерный подход использовался формально, а исследователи при анализе время от времени поддавались искушению социально обусловленные различия между мужской и женской группами объяснять как биологически детерминированные.

В данном учебном пособии применяется emic-подход, так как в фокусе научного анализа оказались представители одной культуры – мужской. Это позволяет получить уникальное знание, дающее более полное и глубокое понимание того, как современные противоречивые культурные дискурсы, определяющие содержание мужской социализации, реализуются на уровне личности мужчины в различных формах его мужской идентичности.

Мы присоединяемся к мнению Деборы Таннен о социокультурных различиях между группами мужчин и женщин, о принципиальных различиях в содержании социализации этих групп, так же, как и Дебора Таннен, считая, что коммуникация между мужчинами и женщинами по сути есть межкультурное взаимодействие [Tannen D., 1990].

Кросс-культурные исследования, посвященные сравнительному анализу тех или иных особенностей у представителей различных этнических культур, стали привычными для современной социально-психологической практики. Однородность же «собственной культуры», как правило, исследователями не подвергается сомнению. Гендерные исследования представляют особый интерес именно с точки зрения понимания культурных различий между индивидами (мужчинами и женщинами) – теми, кто культурно, может быть, и далек, но физически близок, буквально находясь «на одном пятачке» социального пространства.

В данном учебном пособии, представляющем мужские исследования в социальной психологии, в качестве ключевого будет использоваться термин «мужественность» (русифицированный вариант) в отличие от латинизированного термина «маскулинность». Выбор в пользу русифицированного варианта обусловлен нашими методологическими координатами: различая мужественность как личностную характеристику и мужественность как характеристику принадлежности к мужской группе, мы сосредоточиваем свое внимание на втором значении термина «мужественность». Мы не вкладываем другого смысла в данный термин (а также в производные от него – «мужской», «мужские» и т.п.), кроме указания на групповую (гендерную) принадлежность и социокультурные последствия данной принадлежности.

Структурно пособие состоит из трех частей.

В первой части затрагиваются методологические основания гендерных исследований, разбираются основные понятия и концепции. В смысловом центре первой части находится вторая глава, где подробно описывается мужская культура как основа мужской социализации и собственно мужская социализация, включая ее институты, агентов и механизмы.

Вторая часть сосредоточена на организационных проблемах гендерных исследований, в ней рассматриваются качественный и количественный подходы в реализации мужских исследований, возможные в социальной психологии. Главное в данной части – представление новой методики изучения мужской идентичности.

До настоящего времени для изучения уникальности одной гендерной группы в «психодиагностическом багаже» российского психолога не было стандартизированных инструментов. Качественный под-

ход, доминирующий в гендерных исследованиях, без сомнения, давал полную и существенную информацию, однако, например, результаты и фокус-групп, и интервью требовали при обработке и интерпретации особой квалификации, создавали определенные трудности при анализе, поиске закономерностей и корреляций.

Также правила социального конструктивизма [подробнее о социальном конструктивизме в психологии: Бергер П., Лукман Т., 1995; Макаров М.Л., 2003; Петренко В.Ф., 2002; Улановский А.М., 2009, 2010, и др.], в русле которого методологически обосновались гендерные исследования, предполагали поиск «золотой середины» между пониманием и измерением, между творчески субъектным и воспроизводимым в процессе изучения гендерной социализации личности, что затрудняло создание стандартизированного опросного инструмента.

Представляемый опросник «Изучение развития мужской идентичности (ИРМИ) ″Я и другие мужчины‶» является первым психодиагностическим инструментом на пространстве российских гендерных исследований, ориентированным на изучение особенностей мужской гендерной группы, а именно различных вариантов развития мужской идентичности современного мужчины.

Вторая часть пособия содержит как описание опросника ИРМИ, так и показатели его апробации.

Третья часть представляет некоторые возможности опросника ИРМИ. В ней анализируются распространенность тех вариантов развития мужской идентичности, которые возможно идентифицировать при помощи нового опросника, а также результаты изучения социально-психологической адаптированности представителей разных вариантов развития мужской идентичности, дискутируются популярные в «мужских исследованиях» идеи, например о существовании особой «российской мужественности» в лице сказочного Иванушки-дурачка.

В приложении к пособию дается опросник «Изучение развития мужской идентичности (ИРМИ) "Я и другие мужчины"» с ключами и схемами обработки и интерпретации данных.

Мы надеемся, что данное пособие достигнет главной цели – будет способствовать развитию «мужских исследований» в российской социальной психологии, поскольку мужественность в нем представлена как социальный проект (достигаемый посредством мужской социализации), кроме того, в пособии предлагается психодиагностический ин-

струмент, адекватный решению задач «мужских исследований» в социальной психологии.

Мы благодарны Центрально-Европейскому университету (CEU, Будапешт, Венгрия), Московскому центру гендерных исследований (МЦГИ, Москва), Центру независимых социологических исследований (ЦНСИ, Санкт-Петербург), Харьковскому центру гендерных исследований (ХЦГИ, Украина), представительствам в России Фондов Дж. и К. Макартуров, Форда, Белля за многолетний труд по содействию развитию гендерных исследований в российских социальных науках.

Хотелось бы отметить вклад в развитие гендерных исследований российского академического журнала «Вопросы психологии», на страницах которого были опубликованы многие материалы, значимые для российской гендерной психологии.

Мы также хотели бы выразить признательность коллегам из Университета г. Ювяскюля (Финляндия) и лично профессору Л. Пулкинен за консультации по конструкторским особенностям современного психодиагностического инструмента и коллегам из Лаборатории психологии развития Института психологии РАН (руководитель – профессор Е.А. Сергиенко; главный научный сотрудник лаборатории – профессор В.В. Знаков) за доброжелательную критику и рекомендации при апробации опросника ИРМИ.

ЧАСТЬ I. ГЕНДЕРНАЯ ТЕОРИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

ГЛАВА 1. Гендерные исследования – основа социальной психологии мужественности

1.1. Гендер как социальная категория

В поисках ответа на вопрос, почему современная научная российская психология в целом очень ограниченно представляет, что значит «быть мужчиной», закономерно возникает интерес к тем научным пространствам, где «мужественность» расшифровывается, интерпретируется – исследуется. Научное пространство изучения мужественности в современных социальных науках – это гендерные исследования (Gender Studies), включающие «мужские исследования» на основе гендерной методологии (Men's Studies, но есть и Women's Studies).

Гендер и гендерные исследования

Существует точка зрения, согласно которой впервые термин «гендер» был использован американским психоаналитиком Робертом Столлером (1968 год, работа «Пол и гендер» о развитии мужественности и женственности) [Пушкарева Н.Л., 1999].

По мнению Р. Столлера, гендер – это понятие, которое основывается на психологических и культурных объяснениях вне биологического детерминизма [Stoller R., 1968]. Такой подход в рассмотрении социального поведения людей в дальнейшем был поддержан многими исследователями и дал начало новому направлению социальных исследований – «гендерные исследования».

Гендерные исследования в российской психологии в последние годы становятся все популярнее, несмотря на то, что даже некоторые авторы «гендерных материалов» не смогут сформулировать четкий ответ на вопрос: что же такое гендерные исследования и гендер как ключевой термин?

Складывается впечатление, что гендерными в настоящее время называют все исследования, которые ранее опирались на термин «пол»

и активно использовали дихотомию «мужское – женское» в качестве исследовательского конструкта, при этом разделение на мужское и женское носило сугубо «анатомический», биологический характер [Клецина И.С., 2003].

Однако считать исследования, центрированные на анатомии и биологическом поле, гендерными – значит делать принципиальную ошибку, так как гендерные исследования – не о биологических различиях между мужчинами и женщинами.

Гендер в научном дискурсе определяют как социальный конструкт, набор характеристик, определенных культурой общества, которые «направляют» социальное поведение мужчин и женщин, в итоге детерминируя отношения между ними [Воронина О.А., 2002]. При этом поясняется, что гендер конструируется через определенную систему социализации, разделения труда, принятые в обществе культурные нормы, роли и стереотипы, то есть гендер – инструмент для понимания *социальных* процессов.

В этой интерпретации биологический пол определяет причину разделения социальных групп на мужчин и женщин, а гендер анализирует социальные последствия подобного различения (см., например, известное высказывание американской исследовательницы Суламифи Файерстоун: «Природа сделала женщину отличной от мужчины, а общество – от человека»).

Гендерная методология и теории Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна

Необходимо отметить, что гендерные исследования не противоречат основным теориям советской (а ныне российской) психологии, поскольку отечественные психологические теории принимают значимость социального и культурного в становлении человека. Так, Л.С. Выготский, анализируя активное вхождение ребенка в культуру, особую роль отводил культурным знакам и значениям. Следовательно, в рамках культурно-исторической теории гендер может быть рассмотрен как «культурный знак», который присваивается (интериоризируется) ребенком в процессе личностно-

го развития [Культурно-историческая теория высших психологических функций, 1997].

Согласно субъектному подходу С.Л. Рубинштейна, психика «любого человеческого индивида» всегда социальна, следовательно, различия в особенностях поведения и самопрезентации мужчин и женщин также детерминированы социально – не биологически [Исходные основания психологии субъекта и его деятельности, 1997].

Какие же трудности возникли и с какими проблемами столкнулась российская психология, принявшая термин «гендер» в свой академический язык? Первая ошибка произошла при трансляции гендерной методологии в российские социальные науки, поскольку некоторые интерпретаторы, пытаясь «упростить» новую методологическую матрицу, определили новый термин через старый, назвали гендер – «социальным полом».

Это упрощение оказалось драматичным, поскольку новые исследователи, сталкиваясь с таким определением «гендера», были уверены, что им все понятно без изучения «гендерной методологии» (социальный пол – это тот же пол, но в обществе). Однако даже обычное определение «гендера» – термина, порожденного западными социальными науками, которое было представлено выше, отсылает нас не столько к понятию «пол», сколько к понятию «культура», что абсолютно теряется при упрощенческой интерпретации гендера как социального пола.

Вторая ошибка стала результатом поспешного распространения термина на фоне игнорирования трансляции гендерной методологии. Проблема заключалась в том, что в английском языке термин «gender» был предложен в оппозиции термину «sex» (что и есть в переводе на русский – пол), однако при трансляции «гендера» в русскоязычное пространство все оказалось сложнее. В языке российских исследователей оказались в ходу все три термина – секс, пол и гендер, а уход от дискуссии в определении семантики понятий деформировал границы между терминами.

С приходом нового термина семантика знания «об этом» как бы очевидно разделилась: секс – это о сексуальных отношениях, гендер – это о социальных отношениях, а пол – о «глубинных» биологических различиях между мужчинами и женщинами, которые отражаются на их психологии и поведении.

Новый термин «гендер» автоматически не расшифровал и не обезоружил российский «пол», позволил ему скрыться под новыми одежда-

ми биологической обоснованности, что крайне разочаровало некоторых исследователей [Ушакин С., 2002; Бранд Г., 2003; Гапова Е., 2009, и т.д.]. Однако подобные метаморфозы, на наш взгляд, следует относить не к слабости «гендера» как методологического и исследовательского конструкта, а к социокультурным особенностям, от которых не свободны и российские социальные науки.

Известный французский философ Бруно Латур высказывает предположение о существовании двух основных стратегий познания окружающего мира, рожденных Новым временем, – разделение природного и социального и объединение природного и социального [Латур Б., 2004].

Принимая «гендер» за «социальное», а «пол» за «природное», можно с удивлением обнаружить, что современные российские социальные науки, и психология не исключение, не используют ни одну из нововременных стратегий понимания человека (не говоря уже о постнововременных), упрощая, редуцируя «социальное» («гендер») до «природного» («пол»).

Парадоксальность положения психологии обнаруживается и в том, что, провозглашая в качестве ведущих социально ориентированные методологические матрицы понимания реальности (например, культурно-историческую теорию или субъектный подход), в реальности психологическая практика интерпретируется вне ведущих методологических ориентиров.

Гендер и анализ властных отношений

Известная исследовательница Джоан Скотт в статье «Гендер: полезная категория исторического анализа» дает два определения гендера: элемент в системе социальных отношений, основанный на воспринимаемых различиях между полами и базовый способ реализации отношений власти [Скотт Дж., 2000].

Первый вариант определения Дж. Скотт созвучен другим описаниям гендера, однако второй акцентирует иерархическую стратификацию социума, участие гендера в реализации властных отношений и потому может быть интересен как новый инструмент в поиске ответа на

вопрос о сложной судьбе понятия «гендер» в России. Здесь в качестве объяснения настороженного и даже негативного отношения к гендерным исследованиям со стороны некоторых представителей российских социальных наук можно применить более сложную систему интерпретаций.

Если рассматривать гендер в качестве инструмента анализа реализации отношений власти, уместен вопрос: в каком случае данный инструмент будет отторгаться или игнорироваться? В том случае, если мы изучаем социальные пространства, обладающие сверхценным, особым отношением к власти, фактически табуирующие анализ властных отношений, дискриминации, угнетения.

Социальная психология малых групп определенно указывает, что в «закрытых группах» властные отношения оказываются ключевыми, детерминирующими любые другие отношения (референтные, эмоциональные отношения в закрытой группе обусловлены властными: кому подчиняются, того и любят) [Кондратьев М.Ю., 1997].

Следовательно, в сообществах, обладающих признаками «закрытых групп», мы можем столкнуться с тем особым – трепетным – отношением к власти, которое будет препятствовать ее изучению, анализу. Таким образом, можно предположить, что настороженное отношение к «гендеру» как инструменту анализа социальной реальности, попытки его «обезопасить», редуцировать до «пола» свидетельствуют в пользу версии, что изучаемое социальное пространство и его исследователи несут на себе отпечаток характеристик «закрытых социальных организаций», отпечаток «закрытых групп» [Радина Н.К., 2009]. То есть если мы находимся в «закрытом социуме», значит, табуируем объективный анализ властных отношений, поэтому отторгаем и понятие «гендер» как исследовательский, аналитический инструмент.

Толкования гендера в системе социальных отношений

Необходимо отметить, что Дж. Скотт предлагает широкое и содержательное толкование гендера как аспекта социальных отношений. Как аспект социальных отношений гендер включает в себя [Скотт Дж., 2000]:

1. «Культурные символы», описывающие в культуре «мужское» и «женское» (например, образы Адама и Евы).
2. Нормативные концепции, при помощи которых в обществе утверждается бинарная оппозиция «мужского» и «женского» (противопоставление); мужчинам и женщинам предписывается иметь различные и даже противоположные системы ценностей, внешние образы, поведение и т.д.
3. Реализацию во всех социальных, в том числе и политических, институтах (в семье, на рынке труда и образования, в политике и т.д.).
4. Гендерную идентичность, то есть принятие женщинами и мужчинами своей позиции в социуме, выполнение предписанных ролей или сопротивление им.

Джоан Скотт утверждает, что все четыре элемента гендера как части социальной системы тесно связаны и не действуют в отдельности. С точки зрения социальной психологии все четыре элемента гендера могут быть прочитаны в социально-психологических терминах.

Так, культурные символы могут быть исследованы в контексте концепции социальных представлений С. Московичи; нормативные концепции – в контексте социальных установок и социальных ожиданий; реализация гендера в социальных институтах – в контексте ценностных систем и социальных практик, навязываемых индивидам обществом; гендерная идентичность – в контексте концепции Г. Тэджфела и Д. Тернера о социальной идентичности личности.

Фактически понятие «гендер» пронизывает всю систему социально-психологического знания, демонстрируя ресурсы гендерного влияния, социальную машину для «создания гендера», поскольку одно из центральных утверждений в рамках гендерной теории – то, что гендер постоянно воссоздается обществом на различных уровнях социальной организации, в том числе он постоянно и принудительно создается мужчинами и женщинами для собственного «использования» под давлением общественных норм и социального контроля.

Использование гендерной методологии в психологии позволит более тонко и глубоко изучить круг важнейших тем, начиная от особенностей социализации личности (анализируя гендерную социализацию), закономерностей формирования тех или иных систем ценностей («мужских» и «женских») заканчивая проблемами становления ген-

дерной идентичности и моделирования человеком своего жизненного пути как «мужского» или «женского».

Итак, гендер как социальная категория и инструмент социального анализа оказывается и продуктивным, и инновационным, позволяя описывать и анализировать социально-психологическую реальность как социально и культурно обусловленную.

1.2. Гендерная система общества

Определяя гендер как социальную категорию, оптимальную при осуществлении социального анализа, необходимо реконструировать и следующий пласт исследовательской интервенции, а именно социальные пространства, подлежащие изучению при помощи категории «гендер». В данном случае гендер будет представлен одним из измерений социальной системы общества.

Термины «социальная система» и «социальный порядок»

Понятие «социальная система», близкое по содержанию к понятию «социальный порядок», имеет продолжительную историю развития, наиболее продуктивную с точки зрения разработки понятия в XIX-XX веках. Огюсту Конту, Герберту Спенсеру, Карлу Марксу, Максу Веберу, Питириму Сорокину, Толкотту Парсонсу принадлежит заслуга в детальной проработке понятия «социальная система», ключевыми концептами которой в настоящее время признаны элемент («строительный материал» социальной системы), отношения и взаимосвязи между элементами и структура этих отношений.

Одно из наиболее известных прочтений социальной системы общества через анализ социальной структуры было произведено Карлом Марксом, который, развивая теорию исторического материализма, показал зависимость политической, культурной и религиозной жизни общества от способа производства.

В социальной теории также получило известность понимание социальной структуры общества по Г. Спенсеру, М. Веберу, Ф. Теннису, Э. Дюркгейму, Г. Зиммелю и Т. Парсонсу и др.

Согласно Джоан Скотт, в структуре социальной системы общества на основании класса, пола, расы и возраста происходит конструирование социальных иерархий и дискриминационных практик [Воронина О.А., 2002]. В контексте понимания сложного строения социальной системы возможно в качестве элемента анализа взять гендер и реконструировать гендерную систему, рассмотрев гендерные отношения в обществе, проанализировав гендерные иерархии и гендерную структуру общества, что и было сделано гендерными исследователями [Российский гендерный порядок, 2007, и др.].

Поло-гендерная система Гейл Рубин

Существует мнение, что впервые термин «поло-гендерная система» был использован в работе известного антрополога Гейл Рубин («Торговля женщинами»; «Traffic in Women», 1974). Рубин определяет поло-гендерную систему как набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности.

Включение понятия «гендер» в анализ социальной системы оказалось чрезвычайно продуктивным и позволило осмыслить сложные связи между элементами социальной системы, асимметричную социальную структуру общества. Значительное число гендерных исследований, посвященных анализу социальной системы, фокусируется на разделении труда по половому признаку. Считается, что примерно пять-семь тысяч лет тому назад, на этапе возникновения типа общественной организации, которую в социологии определяют как «традиционное общество», патриархат определился в качестве идеологии и узаконенной системы отношений между мужчинами и женщинами: мужчине отдан на откуп внешний мир и власть, женщине – дом и подчинение [Введение в гендерные исследования, 2001].

Сохранившееся и типичное для социального познания и современной повседневной жизни разделение мира на публичную и приватную сферы, по Д.Б. Элштайн, есть механизм исключения женщины из публичного мира и политического дискурса, в результате которого она оказывается «умалчиваемой», «немой». Разделение приватного и пу-

бличного, характерное для всех современных обществ, является, по мнению ряда исследователей, структурным основанием гендерных отношений [Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2000].

Использование понятия «гендер» при анализе разделения труда в обществе способствовало рождению ряда новых концепций, например концепции тройственной социальной функции женщин при анализе гендерного разделения труда Кэролайн Мозер [Мезенцева Е.Б., 2001].

Женщины, с точки зрения К. Мозер, в отличие от мужчин включены в производственную деятельность, воспроизводственную (репродуктивную) и деятельность по поддержанию социальной интеграции (в рамках локального сообщества или социальной группы), в то время как мужчины – только в производственную и интеграционную деятельности.

Производственная деятельность включает в себя как рыночное, так и натуральное производство и традиционно является предметом экономического анализа (как правило, в «рыночной части», так как оценка «нерыночной части» имеет определенные методологические трудности).

Деятельность по поддержанию социальной интеграции (церемонии, праздники, общественная и политическая деятельность) практически никогда не попадает в сферу внимания экономистов и политиков.

Воспроизводственная деятельность включает воспроизводство человеческой жизни (рождение детей и уход за ними), обслуживание членов семьи и ведение домашенго хозяйства. Этот труд обладает низким социальным статусом и часто вообще не считается трудом, так как является неоплачиваемым.

Таким образом, «гендерный фокус» в понимании исследуемой проблемы позволил расширить рамки экономических исследований, придал гендерному разделению труда статус междисциплинарной проблемы, показал невозможность полноценного анализа без привлечения как минимум социологического и антропологического знаний.

В настоящее время Н. Римашевская называет три основные исходные концепции для включения гендерного подхода в макроэкономический анализ [Римашевская Н., 2002]:

- социальные институты на поверхности могут выглядеть как гендерно-нейтральные, на самом деле они воздействуют на гендерную асимметрию, воспроизводят ее, а также могут усиливать гендерное неравенство;

- затраты на воспроизводство и поддержание рабочей силы остаются невидимыми для экономики, пока репродуктивный труд не учитывается и не оплачивается, следовательно, необходимо разработать инструменты для подобной оценки;
- гендерные отношения играют важную роль в разделении труда, распределении доходов, дифференциации благосостояния; экономическое поведение не является гендерно-нейтральным.

Гендерная система общества

Е. Здравомыслова и А. Темкина, известные исследовательницы в области гендерной социологии, придерживаются точки зрения, согласно которой гендерная система – это институты, поведение и социальные взаимодействия, которые предписываются индивиду в соответствии с полом [Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 1996]. Гендерная система включает:

1. *Конструкцию гендерных категорий* на основе биологического пола.
2. *Половое разделение труда*, в соответствии с которым мужчинам и женщинам предписываются разные задачи.
3. *Социальную регуляцию сексуальности*, позитивно оценивающую одни формы сексуальности и негативно – другие.

Так, в «классическом капитализме» первой половины XX века публичная сфера была преимущественно сферой мужской активности, в то время как частная сфера – женской. Рыночные ценности определяли, соответственно, «мужскую сферу» как главную, а «женскую» – обслуживающую, вторичную. Базовым гендерным соглашением для женщины был контракт «домохозяйки», для мужчины – контракт «кормильца».

В постиндустриальном обществе изменяются ценности культуры и вслед за ними изменяется гендерная система. Базовый гендерный контракт вытесняется контрактом «равного статуса», в соответствии с которым приходит выравнивание прав и возможностей мужчин и женщин как в публичной сфере (политика, образование, профессиональная деятельность, культурная жизнь), так и в сфере приватной (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, сексуальность и др.).

Гендерная система по Р. Коннеллу

Среди исследователей, изучающих гендерные системы, наиболее известен Роберт Коннелл (R. Connell). В своих работах «Гендер и власть» и «Мужчины и мальчики» он предложил четыре независимые структуры гендерных отношений для адекватного анализа и понимания гендерной системы общества:

1. Структура профессии.
2. Структура власти.
3. Структура катексиса, или эмоциональных отношений.
4. Структура символических репрезентаций [Тартаковская И.Н., 2007].

Структура, или сфера, профессии. В этой области существует жесткое разделение на «мужские» и «женские» профессии, при котором женщины заняты в непрестижных и малооплачиваемых областях. Кроме того, происходит вытеснение женщин из профессий, требующих квалификации: большая часть женщин по сравнению с мужчинами выполняют работы, не требующие высокой квалификации. Также важно, что за одинаковый труд женщины по сравнению с мужчинами получают меньшую заработную плату.

Структура, или сфера, власти. Под структурой власти, подчеркивает И. Тартаковская, Коннелл понимает не только государство, но и все иерархические составляющие производственных, властных отношений и отношений катексиса. Центральную ось силовой структуры гендера составляет генеральная связь власти с маскулинностью.

Р. Коннелл описал «ядро» структуры власти, состоящее из четырех компонентов:

1. Иерархии и институты институционализированного насилия – военные силы, полиция, система тюрем.
2. Иерархии трудовых организаций в тяжелой промышленности (например, сталелитейные компании) и иерархия индустрии высоких технологий (компьютеры, аэрокосмическая промышленность).
3. Аппарат планирования и контроля централизованного государства.
4. Среда рабочего класса, делающая акцент на физической силе.

Структура, или сфера, катексиса (эмоциональных отношений). Здесь речь идет об эмоционально окрашенных социальных отношениях, связанных с другими людьми. Расшифровывая содержательные характеристики данной сферы, в своей концепции Р. Коннелл активно использует психоаналитическое понимание эмоциональных отношений. Так, он поясняет, что «объекты желания» всегда находятся в дихотомии, в оппозиции фемининного и маскулинного. Кроме того, в гетеросексуальной паре в процессе организации сексуальных практик всегда присутствует «двойной стандарт» поведения: то, что ожидается от женщин, не одобряется у мужчин, а эротическая взаимность базируется на «неравном обмене».

Структура, или сфера, символических репрезентаций. Структуры символических репрезентаций гендерной системы общества проявляются в коммуникации. Отношения власти и подчинения могут воспроизводиться через культурные и лингвистические практики, например через присваивание замужней женщине фамилии мужа. Символическая репрезентация пола происходит с помощью одежды, макияжа, жестикуляции, тональности голоса, стиля речи и т.п.

Таким образом, согласно Р. Коннеллу, гендерная система – многоуровневый феномен, объединяющий в себе социальные, институциональные и символические практики, через посредство которых мужчины и женщины разделяются по половому признаку и оказываются в асимметричных отношениях с обществом и друг с другом.

Патриархат как форма гендерной системы

Очевидно, что одни из ключевых характеристик гендерной системы большинства современных социальных систем – ее иерархичность и дискриминационный характер, определяемые в терминах патриархата.

Патриархат, по определению Хейди Хартман, – отношения между мужчинами, обладающими материальными ресурсами, которые создают или устанавливают иерархическую взаимозависимость и солидарность между мужчинами, позволяя им доминировать над женщинами [Синельников А., 1998]. И.С. Кон как бы акцентирует социальное в этом определении, утверждая, что патриархатные отношения предпо-

лагают не только доминирование мужской гендерной группы над женской, но также иерархические дискриминационные отношения внутри мужской группы: «маскулинность белых гетеросексуальных мужчин среднего и высшего класса конструируется в противовес не только феминностям, но и подчиненным (расовым, сексуальным и классовым) маскулинностям» [Кон И.С., 2002].

С другой стороны, Джульетт Митчелл представляет патриархат как сферу идеологии, которая определяет место индивидов в мире производства [Коннелл Р., 2000]. Таким образом, особенности аналитического взгляда на патриархат как форму устройства социальной (а именно – гендерной) системы могут быть обусловлены уровнем анализа – социологическим и социально-психологическим (уровень межгрупповых и внутригрупповых отношений) или экономическим (уровень собственности на средства производства).

Гендерная компетентность специалистов

Однако независимо от того, какой уровень измерения, анализа, изучения социальной системы предпочитается конкретным исследователем, по мнению И.С. Клециной, любой профессионал, работающий с людьми, должен обладать знаниями в области гендерной системы общества, быть «гендерно-компетентным».

И. Клецина рассматривает «гендерную компетентность» в терминах анализа гендерной дискриминации и поясняет, что профессионалы в сфере «человек – человек» должны преодолевать в себе гендерные предубеждения и гендерные предрассудки (предвзятое мнение по отношению к представителям другого пола).

Основой «гендерной компетентности» являются базовые гендерные знания, а именно [Клецина И.С., 2007]:

1. Отсутствие оснований для жесткой дифференциации мужских и женских ролей; социальные роли мужчин и женщин взаимозаменяемы и похожи.
2. Ни один пол не имеет права доминировать над другим, отношения между представителями разных полов должны выстраиваться на основе паритета, равенства прав и возможностей.

3. Биологические особенности каждого пола не могут быть оправданием ситуаций гендерного неравенства.

И. Клецина также уверена, что специалистам в области социальных отношений необходим тренинг, закрепляющий «гендерную компетентность» на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровне.

1.3. Психология межгрупповых отношений: гендерный аспект

Определив гендер как социальную категорию и выяснив, что данная категория играет ключевую роль в оформлении социальных отношений (формируя гендерную систему общества – гендерный порядок, – включающую патриархат как одну из форм существования гендерной системы), используем стандартные социально-психологические рамки и концепции для анализа «гендерного материала».

Межгрупповые отношения в социальной психологии

В социальной психологии одно из популярных направлений исследований – изучение межгрупповых отношений, которые складываются между самыми разными группами, разделенными, например, на основе этничности, гендера, наличия собственности и т.д., в том числе и между группами, разделенными произвольно, например в процессе лабораторных экспериментов [Тернер Дж., 2003].

Именно в этом направлении действует И.С. Клецина, когда выбирает межгрупповые отношения для анализа гендерных отношений в контексте классических концептов социальной психологии, а именно как отношения между большими социальными группами мужчин и женщин [Клецина И.С., 2004]. В этом случае гендерные отношения могут быть проанализированы:

- на макросоциальном уровне (гендерные отношения анализируются в системе «группа мужчин или женщин – общество (государство)»);
- на уровне межгруппового взаимодействия (гендерный анализ осуществляется в системе «группа мужчин – группа женщин»);

- на уровне межличностных отношений (в качестве объекта анализа фигурирует взаимодействие лиц разного пола);
- на внутриличностном уровне (анализируется развитие гендерной идентичности на основе категоризации и принадлежности к какой-либо гендерной группе) [Социальная психология, 2002].

Основные подходы в изучении межгрупповых отношений

История развития проблематики межгрупповых отношений в психологии насчитывает около ста лет, в рамках этой истории определились четыре основных подхода, задающие организационные и интерпретационные границы исследований по проблематике межгрупповых отношений, а именно:

- мотивационный подход, разработанный в классическом психоанализе З. Фрейда;
- ситуативный подход, сформулированный благодаря экспериментам М. Шерифа;
- когнитивный подход, представленный рядом исследователей, среди которых в последние годы, как правило, упоминают эксперименты Г. Тэджфела по выявлению неизбежности межгрупповой дискриминации;
- деятельностный подход, разрабатываемый в российской социальной психологии В.С. Агеевым, согласно которому проблема отношений между группами – внутренняя психологическая категория, а межгрупповое взаимодействие зависит от адекватности совместной деятельности (таблица 1) [Агеев В.С., 1989].

Строго говоря, каждое из этих направлений может представить теоретические концепты, адекватные решению задач, сформулированных в границах гендерных исследований.

Так, интерпретации мотивационного направления могут использоваться для объяснения центральной характеристики маскулинности – нормы «антиженственности». Ситуативное направление убедительно вскрывает причины стресса «мужской гендерной роли» (О'Нил), когда следование гендерным нормам со стороны представителей мужской гендерной группы буквально разрушает физическое и психологическое здоровье мужчины.

Таблица 1.
Основные подходы к анализу межгрупповых отношений

Направления и представители		Содержание	Критика
Мотивационное	Фрейд Доллард Бандура Берковитц Адорно	1) Неизбежность и универсальность аутгрупповой враждебности в любом межгрупповом взаимодействии; 2) функция враждебности (главное средство поддержания сплоченности и стабильности группы); 3) механизм формирования враждебности к «чужим» и привязанности к своему (своеобразный Эдипов комплекс во взрослом возрасте)	Нечувствительность «детских сценариев» к изменившемуся социуму, психологический редукционизм
Ситуативный подход	Шериф Кэмпбелл	Реальный конфликт интересов между группами и отношения конкуренции обусловливают: 1) враждебность к источнику угрозы; 2) усиление внутригрупповой солидарности; 3) осознание членства в группе; 4) увеличение непроницаемости границ группового членства; 5) уменьшение степени отклонения от соблюдения групповых норм; 6) усиление меры наказания за нарушение этих норм	Взаимодействие рассматривается безотносительно к индивидуальным мотивационным структурам, люди как куклы-марионетки, детерминированные только ролью
Когнитивный	Фергюссон Г. Келли Тэджфел Тернер	Процесс межгруппового взаимодействия выглядит как логическая цепочка: • социальная категоризация; • социальная идентификация; • социальное сравнение; • межгрупповая дифференциация; • межгрупповая дискриминация	Психологический редукционизм: реальная жизнь отражается в восприятии, но не сводится к нему
Деятельностный	Агеев	Зависимость межгруппового поведения от социальной идентичности и обусловленность их рядом факторов – объективных условий, в которых существуют и взаимодействуют те или иные социальные группы. В рамках данного направления анализируется опосредующая роль совместной деятельности в процессе социальных отношений.	Недостаточная разработанность данного подхода, небольшой объем эмпирических исследований

Когнитивный подход доказывает наличие дискриминации со стороны более статусной мужской группы в отношении женской. Деятельностный подход дает информацию для размышления о возможностях «гендерного творчества» в совместной деятельности, трансформирующего непроницаемые рамки мужской культуры.

Психология межгрупповых отношений позволяет найти соответствие между традиционными социально-психологическими феноменами и феноменами, анализируемыми гендерными исследователями. Так, ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая враждебность оказываются вполне созвучными сексизму, а посредством «нарциссизма малых различий» (обострение враждебности по отношению к сходным группам) можно попытаться объяснить особое напряжение со стороны гендерных групп в области гомосексуальности и т.д.

В.С. Агеев еще в конце 80-х годов использовал матрицу межгрупповых отношений для анализа стереотипов, которые он тогда называл «полоролевыми», фактически обращаясь к гендерным исследованиям, поскольку в своих работах осуществлял то, что присуще именно гендерным исследователям, – рассматривал отношения между мужчинами и женщинами как между социальными группами в широком социальном контексте [Агеев В.С., 1989].

Мы полагаем, что в современной российской социальной психологии теоретический и методологический ресурс межгрупповых отношений оказался практически невостребован для анализа отношений и взаимодействий социальных групп мужчин и женщин, несмотря на то что в последнее время появляются не только интересные исследования в области межгрупповых отношений, но и детализированные, глубокие учебные пособия, касающациеся данной области социального знания [см., например: Гулевич О.А., 2008].

Тем не менее социальной психологии есть что предложить гендерным исследованиям с точки зрения общих концепций и теорий. Так, известная концептуальная схема С. Московичи «влияния меньшинства» [Тернер Дж., 2003; Социальная психология, 2002, и др.] может быть весьма продуктивна для построения социальных и политических стратегий активности групп женщин. Следовательно, стратегии женского участия в общественной жизни и политике можно исследовать путем наложения теоретической схемы «влияния меньшинства» на «гендерные практики», выясняя практическую, «внелабораторную» валидность данного теоретического конструкта.

Общественное и межличностное: гендерный аспект

Другая проблема, значимая для социально-психологических исследований вообще и особенно жестко представленная в контексте гендерных исследований, – взаимозависимость и взаимопроникновение общественных и межличностных отношений. Ролевой и объектный характер взаимодействия с любимыми людьми (например, с членами семьи), обусловленный гендерными диспозициями, обсуждается в ряде работ, которые в гендерных исследованиях считаются классическими.

Так, в работе Гейл Рубин «Обмен женщинами: заметки о "политической экономии" пола» разъясняется, как объективируется воспроизводящая функция женщины, благодаря которой женщина используется как особо ценный дар, конституирующий системы родства, создающий и поддерживающий социальные связи между мужчинами – участниками обмена [Рубин Г., 2000].

Г. Рубин рисует мужской социальный мир, где женщины выступают в качестве инструмента создания «мужских коалиций» (самый яркий пример – брак, инициирующий родственные отношения между отцом невесты и ее будущим мужем). Создаются сложные, эмоционально амбивалентные и недостаточно описанные в социальных науках ситуации (например ситуации сговора между отцом и будущим зятем, влюбленным в невесту, но создающим новую семью с помощью выкупа, без согласия невесты).

В более современной интерпретации столкновение «межличностного» и «общественного» может проявляться в привычной форме практики гендерных стереотипов в отношении эмоциональнозначимых людей противоположного пола (критика возлюбленного как «ненастоящего мужчины», сомнения в жене, преуспевающей в карьере, с точки зрения ее «женского предназначения» и т.п.).

Противоречивость и амбивалентность гендерных отношений как межгрупповых, конструирование конфликтных гендерных социальных представлений и гендерных стереотипов вытекают из анализа теоретико-методологических конструкций социальных психологов. Следование гендерным стереотипам в поведении и построении гендерной идентич-

ности связано с механизмом долженствования, в то время как, например, К.А. Абульханова-Славская (методолог субъектно-деятельностного подхода) указывает, что самореализация личности невозможна, если деятельность предписывается и четко регламентируется. Долженствования подавляют творческий потенциал личности, существенно ограничивая субъектность [Абульханова-Славская К.А., 1991].

Гендерный анализ и исследования в области межгрупповых отношений

В качестве примера адекватности инструментов стандартного для социальной психологии межгруппового анализа с целью дальнейшего использования интерпретационных матриц гендерной методологии, проанализируем исследование, посвященное изучению ауто- и гетерогендерных стереотипов, проведенное нами ранее [Радина Н.К., Конода И.В., 2004].

Качественный и количественный контент-анализ 60 текстов проблемно-ориентированного неструктурированного интервью взрослых и социально успешных мужчин и женщин на тему «История жизни незаурядного мужчины (второй вариант – незаурядной женщины)» позволил реконструировать «строительный материал историй» – конструкты, при помощи которых создаются и оцениваются истории жизни (таблица 2).

Таблица 2.
Конструкты историй жизни «незаурядных» мужчин и женщин (%)

Сценарные конструкты	Жизнь мужчины		Жизнь женщины	
	мужской взгляд	женский взгляд	мужской взгляд	женский взгляд
Авторитет в своей группе	20,9	–	–	–
Гражданская позиция	9,4	–	–	–
Социальная компетентность	14,4	–	–	–
Социальный статус	–	17,6	7,5	11,9
Требования к партнеру	–	8,8	–	17,2
Уровень образования	–	8,5	–	–
Взаимоотношения с партнером	–	10,3	15,7	–
Преодоление трудностей	8,3	9,9	12,8	–
Достижения	12,4	9,3	14	–
Наличие семьи	11,9	10,5	13,7	17,9
Личностные качества	12,2	15,7	12,8	13,5
Проф. компетентность	10,5	9,4	9,8	9,2
Жизненные испытания	–	–	13,7	8,8
Требования к внешности			–	12,9
Эмоциональная отзывчивость			–	8,6

Рассмотрим способы построения «незаурядного жизненного пути» мужчин и женщин, используя гендерный анализ и стратегии ауто- и гетеро-группового стереотипизирования на основе проведенного исследования.

Анализ таблицы показывает, что интерпретация социальной «встроенности» и социальной компетентности – собственной и аутгрупповой – у мужчин и женщин различна. Мужчины реконструируют «мужской сценарий» и «мужскую идентичность» посредством включения и уважения в мужской группе (мы-идентичность), посредством социальной компетентности, гражданской и профессиональной активности, достижений и ответственности (перед мужской группой и семьей).

«Объектный характер» гендерных (межгрупповых) отношений

Реконструкция «мужского сценария» жизни со стороны женщин происходит как бы с точки зрения подруги мужчины (пятая часть описаний жизни мужчины состоит из пояснений его отношений с женой или возлюбленной). Однако этот образ в большей степени содержит формальные требования к «хорошей жизни», построенной мужчиной: успешность, хорошее образование, высокий статус в обществе, – и в целом носит объектный характер.

В том случае, когда мужчины описывают «впечатляющую» жизнь женщины, они прочитывают ее жизненные события посредством своих ценностей и стандартов: жизнь бросает ей вызов – и женщина побеждает, достигает успеха и социального признания. Как и выдающийся мужчина, она обладает незаурядными личностными качествами, ценит семью, но, «будучи женщиной», не ограничивается семьей, реализует себя в профессии и обществе. Необходимо отметить, что испытания – обязательное условие для создания «особенного сценария» женской жизни: ни мужчины, ни женщины для «значительного сценария» мужской жизни не использовали события, связанные с особыми испытаниями.

С другой стороны, именно женщины охотно воспроизводят наиболее традиционные стереотипы в конструировании жизни, как для мужчин, так и для женщин. Женщины в их историях – следят за внешностью и чувствительны, зависимы от партнера, мужчины обладают высоким положением в обществе и особыми личностными качествами. Таким образом, менее статусная в обществе гендерная группа женщин оказалась более склонной сохранять гендерные стереотипы как относительно своей группы, так и относительно более высокостатусной – мужской.

В данном случае мужчины проявили себя как «нормоопределяющая», а женщины как «нормосохраняющая» группа, поскольку социальное сравнение было разнонаправленным. Признание женской активности со стороны мужчин здесь случае очень напоминает признание «по доверенности» П. Бурдье: если женщина восхищает «зрителя» (читай: «судью») не поступками своего мужа или сына (читай: «своими поступками»), то ее поступки могут быть признаны мужественными

[Бурдье П., 2005]. На уровне функционирования макроструктуры данный феномен можно объяснить культурными традициями андроцентризма [Рабжаева М.В., 2002; Бем С., 2004]: достойная женщина в большей степени похожа на мужчину.

Кроме того, в процессе исследования была идентифицирована сложная форма социального функционирования мужской группы, которая обозначилась не только как иерархическая социальная конструкция, но и как сетевая (речь идет о роли друзей, мужской группы, влияние которой оказывается решающим для российского мужчины).

И.С. Кон мужские коалиции в виде иерархического мужского сообщества называет «социальным институтом», поддерживающим специфические маскулинные ценности (а значит – конкуренцию). Тем не менее можно предположить, что локальная мужская ингруппа («свои», друзья) для своих членов в большей степени ориентирована на взаимопомощь и сотрудничество, а конкурентна – вовне. Вероятно, именно эта поэтизация внутригруппового сотрудничества и является феноменом пресловутой российской «мужской дружбы»[1].

Женщины и социальные изменения

Анализируя в контексте межгрупповых отношений гендерные стереотипы и подчеркивая традиционный, нормосохраняющий характер женской группы, необходимо отметить, что реальное изменение гендерных стереотипов, например в поведении, чаще демонстрируют представители женской группы, они более склонны экспериментировать с границами, разделяющими «мужское» и «женское». И.С. Кон называет женщин инициаторами социальных перемен: именно они изменяют стандарты отношений со своими мужчинами, что неизбежно ведет к трансформациям мужской идентичности [Кон И.С., 2001].

Отвечая на вопрос, кто изменяет гендерные отношения, в том числе и гендерные стереотипы, мы придерживаемся иного мнения. Действительно, и мужчины, и женщины как гендерные группы включены в сложную систему социальных, экономических и поли-

[1] Необходимо отметить, что, например, в рамках психоанализа доминанта «мужской дружбы» в жизни взрослого мужчины (гомосоциальные связи), противопоставленная семейным отношениям (гетеросоциальные связи), считается признаком «мужской незрелости».

тических отношений, зависят от этой системы и своими личностями встраиваются, поддерживают ее. Но изменения в гендерных отношениях инициированы не самими гендерными группами (никто из них не является «источником»), а дисбалансом в этой системе, при этом именно женщины более «чувствительны» к изменениям и демонстрируют изменения в собственном поведении, как только эта система приходит в движение, изменяется, дестабилизируется, трансформируется.

Почему именно женщины?

Если положения психологии межгрупповых отношений применить к гендерным отношениям в обществе («стратификационный аспект» гендера как аналитического инструмента), выясняется, что женская гендерная группа обладает многими психологическими признаками «низкостатусной группы», однако теми же признаками обладают, например, низкостатусные этнические группы (неслучайно социальную стратификацию связывают с гендером, этничностью и классом) [Агеев В.С., 1989; Введение в гендерные исследования.., 2001]. Так, женщины как представители той социальной группы, которая в обществе обделена ресурсами, согласно выявленными социально-психологическим закономерностям могут демонстрировать аутгрупповой фаворитизм (считать мужчин более достойными).

Источники социальных изменений

Но именно эти же социально-психологические закономерности будут определять более динамичное поведение женщин при изменениях в окружении: член низкостатусной группы неочевидно проигрывает в ситуации изменений, но проявляет более очевидную готовность выиграть – изменить свое невысокое социальное положение (например, в салоне автобуса освободившееся место займет тот, кто считает свое прежнее положение хуже).

Мы полагаем, что женщины – не источники изменений, скорее, их «нестандартное поведение» – своеобразный маркер социальных перемен (так зима наступает не потому, что улетели скворцы, а скворцы улетают при приближении морозов). Женщины не источники, а первопроход-

цы, поскольку представляют низкостатусную группу и нуждаются в социальных изменениях, и в этом контексте они – целевая группа для продвижения ценностей демократизации общества. Женщины оперативнее реагируют на объективные процессы в экономике, политике и социальной практике, поскольку находятся в более незащищенной, уязвимой социальной позиции (реагируют, но не определяют изменения).

Для исследователей интересно и то, что женщины как социальная группа, демонстрируя весьма эмансипированное поведение, на уровне опросов могут по-прежнему выполнять «нормосохраняющую функцию», воспроизводя прежние, неработающие в реальности их жизни стереотипы, что в очередной раз доказывает: «женское лидерство» и женская инициатива в обществе с патриархатными ценностями в большинстве случаев – не от «злого умысла» женщин, это поиск оптимальной стратегии выживания.

Женщины – независимо от того, осмысленно это или нечаянно, – становятся первопроходцами в области социальных перемен. Изменив собственную позицию, они делают противоречия видимыми, как бы «озвучивая» действиями динамику общей ситуации, вынуждая к изменениям мужчин, как правило тех, кто не считает себя носителем нормативной «гегемонной мужественности» и тоже готов к переменам.

Итак, представляя гендерные исследования в контексте психологии межгрупповых отношений, мы убедились, насколько продуктивны, глубоки и интересны могут быть научные проекты, использующие для гендерного анализа концепты межгрупповых отношений.

Гендерные исследования методологически основываются на социальном конструктивизме, однако теоретическая схема межгрупповых отношений не противоречит основным положениям конструктивизма, может быть прочитана в контексте социальногоконструктивизма и использована для планирования, проведения и интерпретации гендерных исследований.

ГЛАВА 2. Гендерная социализация: мужская версия

2.1. Гендерная культура общества: мужская культура

В обыденной речи часто употребляют термины «мужское»/«женское», упуская важное добавление – «культура» («мужская культура», «женская культура»), как бы предполагая, что мужское и женское имманентно присуще и биологически задано мужчинам и женщинам[2]. Продолжая линию гендерного анализа, подвергнем психологической рефлексии социокультурный феномен «мужская культура».

Культура в контексте социально-психологического анализа

Традиционно считается, что культура – междисциплинарная область исследований, наиболее активно изучаемая этнографами, археологами, историками, антропологами, социологами, культурологами и психологами.

Т.Г. Стефаненко наиболее кратким и емким считает определение культуры М. Херсковица («Культура – это часть человеческого окружения, созданная самими людьми» [Стефаненко Т.Г., 1999., с. 33]), упоминая, однако, что в разных областях науки сформулировано более 250 определений культуры. Т.Г. Стефаненко рекомендует, пользуясь классификацией А. Кребера и К. Клакхона, представлять определения культуры в виде шести основных блоков:

- Культура слагается в целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей

[2] В данном учебном пособии выступают как самостоятельные, но связанные по содержанию термины «маскулинность»/«мужественность» и «мужская культура», «феминность»/«женственность» и «женская культура». Данное различение необходимо, поскольку мы считаем, что, признавая социальное конструирование «мужского» и «женского», уместнее говорить не о мужских и женских характеристиках, а о нормах (требованиях) «мужской» и «женской» культур, которые предлагаются индивиду для интериоризации в процессе социализации, подчеркивая их не-биологическое значение. Тогда, взрослея в границах «мужской культуры», субъект взросления находит, по Роберту Левайну, некое равновесие между требованиями культуры и личными характеристиками, воспроизводя в своих ценностях, реакциях, выборе, поведении «маскулинные характеристики».

и привычек, усвоенных человеком как членом общества, – описательные определения.

- Культура как наследование, традиции – исторические определения.
- Культура как образ жизни, как ценности и идеалы, материальные и социальные ценности людей, в т.ч. институты, обычаи, установки, поведенческие реакции, – нормативные определения.
- Культура предполагает приспособление к жизненным условиям, соответствующие формы поведения – психологические определения с акцентом на адаптацию.
- Культура с позиций ее происхождения – генетические определения.
- Структурные определения, где акцент делается на структурной организации культуры.

Можно сказать, что данные определения в совокупности и реализуют междисциплинарный подход в изучении феномена «культура», представляя данный феномен в структурных, функциональных и генетических связях. Содержательные характеристики культуры высвечиваются в том случае, если мы, демонстрируя всю ее сложность, вводим дополнения: «городская/сельская культура», «мужская/женская культура», «этническая культура» и т.д.

В последние десятилетия исследования, посвященные психологическому анализу культуры, направлены на осмысление вопросов детерминации опыта личности культурными нормами и ценностями, взаимообусловленности индивидуально-бессознательного и социокультурного, а также на осмысление «немонолитного» характера культуры (существование вариантов в контексте некой единой системы) [Лурье С.В., 2005].

Описывая культуру, в психологической антропологии анализируют коммуникационные процессы, традиционные представления и ценности, нормы и ритуалы поведения, нормы отношений с другими людьми. Считается, что именно культура во многом определяет «картину мира» («ментальность») ее носителя.

Бинарные оппозиции культуры: мужское и женское

Изучая «мужскую культуру», любой исследователь сталкивается с характерными проблемами, и в первую очередь с трудностями выч-

ленения «мужской культуры» из общей «культурной ткани». Так, Георг Зиммель считал, что человеческая цивилизация – это цивилизация мучкульная: государство, закон, мораль, религия, наука – творениями мужчин. Мужское является главным, ядром, центральным звеном, «нормой» общества [Зиммель Г., 1996].

При таком измерении культуры понятия «человеческая культура» и «мужская культура» тождественны, что, без сомнения, является очевидным упрощением. Возможно, бинарная оппозиция «мужское – женское» поляризирует и также упрощает мир, однако два полюса («мужское» и «женское») позволяют рассмотреть мир как более сложный и многомерный, чем мужественно-центрированный.

В анализе мы используем конструкт «мужское – женское» для того, чтобы определить исходные точки различений полюсов, чтобы выяснить, как различение из жесткодетерминированного принципами выживания человеческого рода превратилось в различение, обеспечивающее дискриминацию и эксплуатацию, обусловленные социальными иерархиями.

Так, еще Ксенофонт отметил, что бог приспособил женскую природу для домашних трудов, а природу мужчин для трудов внешних, объясняя социальное разделение различиями в репродуктивных функциях. Однако даже у животных есть виды, где самцы, руководствуясь инстинктами, принимают активное участие в заботе о потомстве, а также виды, где только самка заботится о детенышах. Следовательно, факт различий в репродуктивных функциях не позволяет однозначно определить дальнейшее поведение животных (в данном случае – заботу о потомстве). Тем более нельзя сводить к анатомическим и физиологическим различиям поведение человека, возможно, в какой-то части и обусловленное инстинктами, но все-таки сложное и детерминированное не только социальным, но также – сознанием, субъектным. В противовес знаменитому тезису З. Фрейда «Анатомия – это судьба» Джудит Батлер утверждает, что не биология, а именно культура становится «судьбой человека».

Размышляя об особенностях «мужского как социального», о становлении «мужской культуры», необходимо, по мнению социальных исследователей, рефлексировать два факта:

- цель «мужской гегемонии» как цель мира, центрированного на «мужском», в интерпретации Г. Зиммеля;

- постоянная динамика, более или менее очевидные изменения «мужского мира», «мужской культуры» под гнетом достижений социализации и развития общества.

Проблемы концептуализации «мужественности»

Дэвид Гилмор назвал маскулинность бесконечно вариабельным и не всегда необходимым символическим культурным сценарием, подчеркивая роль самих мужчин, «носителей сценария», без включения, без «работы» которых никакая культура не может быть воспроизведена [Гилмор Д., 2005]. Точно так же, как «короля делает свита», «мужская культура» воспроизводится во многом благодаря активности тех, кто причисляет себя к «мужской группе» и действует на основе прошлых указаний, текстов, норм, обычаев и т.д., восстанавливая своими действиями не столько мир и справедливость, сколько предсказуемость и узнаваемость социокультурного окружения.

В трактовке маскулинности (в нашей трактовке – «мужской культуры») известный социальный философ И.С. Кон, как и другие западные исследователи, например Шерон Берд, называет четыре основных подхода: биолого-эволюционный, психоаналитический, социально-психологический и постмодернистский [Кон И.С., 2001].

Соответственно, биолого-эволюционный подход прочитывает культуру в терминах фенотипа, генотипа, жесткой гормональной обусловленности человеческого поведения и т.д. Психоанализ интерпретирует «мужскую культуру» как расширение детско-родительских отношений до границ внесемейного социума и представление «мужских конфликтов» в контексте борьбы мальчика за любовь матери перед лицом всесильного доминирующего отца, обладающего не пенисом, как мальчик, а «фаллосом» – символом власти.

Социально-психологические подходы И.С. Кон представляет как ищущие ответов и описывающие культуру, в том числе и «мужскую культуру». Постмодернистское прочтение «мужской культуры» И.С. Кон связывает с феминистскими исследованиями, комплексным подходом к описанию культуры во многом благодаря проведенным ранее полевым исследованиям антропологов и социологов, с методом деконструкции

классического постмодернизма, использованным для анализа гендерных отношений в обществе, и вниманием исследователей к множественности «мужской культуры», включающим анализ гомосексуальности.

В социологических исследованиях, посвященных гендерным исследованиям, как правило, анализируют социальное неравенство полов (социально-структуралистский подход) либо различия (дифференциации) полов в повседневной интеракции (интеракционизм) [Мещеркина Е., 2002]. В собственно «мужских исследованиях» Е. Мещеркина выделяет три основных дискурса, концептуализирующих мужественность: дискурс дефицита, дискурс маскулинизма, дискурс различий.

Дискурс дефицита превращает «мужественность» в предмет рефлексивной терапевтизации, два других дискурса, по мнению исследовательницы, – реакция на первый и выступают с целью компенсировать мужчине чувство неуверенности, возникающее в ходе рефлексии по поводу новых форм взаимоотношения полов в обществе.

«Мужская культура» по Дэвиду Гилмору

Представляя описания «мужской культуры», рассмотрим исследования, посвященные данной проблематике.

Д. Гилмор («Загадка мужественности») представляет такое прочтение «мужской культуры», которое в типологии И.С. Кона относится в большей степени к постмодернистскому варианту, а в классификации Е.Ю. Мещеркиной отражает дискурсы маскулинизма и различий.

По Гилмору, «мужская культура» задает для любого мальчика, рожденного в определенном социуме, социальноодобряемый стандарт взросления, при этом большинство обществ предлагает стандарт мужественности, достижение которого сопряжено с борьбой и опасностью, требующий прохождения многих испытаний. Данный стандарт применяется ко всем мальчикам без исключения, независимо от того, созвучен ли он психологическим особенностям конкретного ребенка: отказ мальчика от следования «мужскому идеалу» воспринимается окружением отрицательно.

В своем исследовании Д. Гилмор «путешествует» от культуры к культуре, более или менее подробно затрагивая «мужское» в современных

и традиционных культурах, перемещаясь то в викторианскую Англию, то в сельскую Канаду, то в современное Средиземноморье или обращаясь к культуре народов неиндустриальных обществ. По его признанию, выясняя, как «куется» возмужание, он надеется ответить на вопрос, почему культура преувеличивает биологические различия между «мужским» и «женским».

«Мужская культура», по Гилмору, содержит в себе в качестве ключевых ряд важнейших характеристик. Это «ненасытная вовлеченность» и инициатива, сопряженная с обязательным представлением «мужской деятельности» на сцене общественной жизни. Это также демонстрация сексуальной активности и борьба за женщин как социальный и фактически биологический ресурс, обязанность защищать и содержать свою семью.

«Мужская культура» часто включает «культ размера», личные достижения и «маску всемогущества» (за которой может скрываться «трепещущий ребенок»), а также готовность умереть, выполняя свой «социальный долг».

Сопоставляя различные этнокультурные сообщества, Д. Гилмор описывает и такие социальные образования, где «мужская культура» определенно обладает иными чертами (несколько неиндустриальных обществ). Пытаясь объяснить, почему существуют культуры, отрицающие привычный «стандарт маскулинности», он обращается к биологическим интерпретациям, поясняя, что суровая идеология мужественности сформировалась в культурно-исторических условиях конкуренции, постоянной борьбы за скудные ресурсы, в «условиях боя». Противопоставляя «бою» «бегство» (отход от «боевой маскулинности»), он подчеркивает: «Семаи и таитяне по каким-то историческим причинам выбрали стратегию уклонения от конфронтации. Объяснение отсутствия у них идеологии мужественности, возможно, заключается в следующем: они выбрали бегство» [Гилмор Д., 2005, с. 225]. Незначительное число культур с «небоевой мужественностью» он объясняет правилом эволюционной адаптации, считая, что бой – более успешная стратегия группового выживания, чем бегство, а следовательно, культуры с «небоевой мужественностью» как бы более отсталые.

Бой или бегство?

Однако жесткое противопоставление: «бой – бегство», - представляется неочевидным. Почему именно бегство, а не соглашение, договор, компромисс, мир и гармония, наконец? Д. Гилмор ссылается на данную дихотомию, обращаясь к биологической детерминации (что вряд ли обоснованно, когда анализируешь культуру), тем не менее используем, следуя логике Гилмора, подходы этологов для понимания общего и различного в биологии и культуре «мужского».

Так, Виктор Дольник поясняет, что с точки зрения биологии, у разных полов – разные цели, отражающиеся в различии инстинктов, обусловливающих поведение самцов и самок [Дольник В.Р., 2004]. Однако у каждого вида животных функционирует определенный набор вариантов инстинктивного поведения, в то время как в человеческом поведении присутствуют «обрывки» инстинктивных программ как родственных, так и неродственных человеку животных видов. В. Дольник связывает эту неопределенность с тем, что люди не освоили должным образом естественный набор вариантов, поскольку на определенном этапе развития ключевую роль в выживании стал играть интеллект, то есть не произошло отработки набора определенных инстинктов, которые бы жестко детерминировали поведение человека.

Все характеристики «мужской культуры» Д. Гилмора созвучны инстинктивной программе «альфа-самца» по В. Дольнику (инициатива, сексуальная активность, готовность к бою и т.д.) или «программам отцовства», которые есть у некоторых видов животных («концепция кормления» у Гилмора), и т.д., что определенно заставляет задуматься, насколько создаваемая людьми культура в этих интерпретациях принципиально отлична от биологического программирования.

В. Дольник уверен, что все «культурные» достижения человечества созданы именно разумом (следовательно, культурой), например демократия, равноправие и т.д., в то время, как тоталитарные проявления людей имеют под собой целый ряд инстинктивных программ. Тем не менее в гилморовском представлении «мужской культуры» осознанности, разуму, выбору – места определенно не нашлось. Точка зрения этологов об отсутствии жесткой «укомплектованности» человеческого набора врожденных программ поведения и одновременно артикуляция

ценности «женского как материнского» в природе также не объясняеют, почему в культуре в качестве доминирующего варианта социокультурной организации утвердился именно патриархат, предполагающий возвышение практик насилия и отвергающий «человеко-центрированное» измерение в культуре.

«Боевитость» «мужской культуры», характерная для многих современных социокультурных групп, выражающаяся в том, что мальчика с детства готовят стать убийцей (воином, солдатом, защитником или киллером – посредством игрушек, доминирующих нарративов, боевых мужских практик) и/или умереть, служит обострению конфликтов, нарастанию напряженности в социальном мире.

Представление «мужской культуры» Дэвида Гилмора весьма романтично, особенно на этапе формулирования мужской «концепции кормления», согласно которой мужчина отдает (семье, обществу) больше, чем получает, а мужественность – единственный барьер перед врагами и силами природы.

Однако показатели современной гендерной статистики по обладанию собственностью, невыплатам алиментов, физическому насилию со стороны мужчин как гендерной группы общества – не подтверждают идеалистический образ «мужской культуры» [см., например: Малышева М.М., 2001; Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М., Куббинс Л., Мещеркина Е., Писклакова М., 1999, и др.]. Следовательно, описывая любую культуру в надежде дать реалистичный ее образ, нельзя акцентировать одни характеристики и игнорировать другие, возможно, весьма деструктивные.

Вероятно, необходимо самостоятельно рассматривать «культуру отцовства» в общем контексте «мужской культуры» (многие позитивные характеристики мужественности Д. Гилмор описывает в контексте заботы о семье и близких) [Клецина И.С., 2009]. Кроме того, характеризуя «разные мужественности», присущие разным сообществам, Д. Гилмор не озвучивает идею, согласно которой в одном сообществе возможно существование нескольких, в том числе и, альтернативных, вариантов «мужской культуры».

«Мужская культура»: иные варианты прочтения

В исследовании, выполненном Андреа Дворкин, «мужская культура» описывается иначе, а именно в контексте социальной стратификации общества, где мужская группа доминирует, и определяется посредством семи основных проявлений власти. Первоначально исследовательница отмечает право забирать все, что угодно, для «поддержания мужской самости». А. Дворкин называет это «крайним дорефлексивным паразитизмом» [Дворкин А., 19[illegible]]. Далее следует власть «физической силы». В качестве третьего признака представлена власть терроризировать («вызывать страх»). Исследовательница подчеркивает, что культурные пласты содержат множество историй, в которых герои-мужчины «топят землю в крови»: в этих легендах о «мужском насилии» мужчины невероятно удачливы, являются носителями ценностей и слывут «опасными».

Четвертым признаком власти А. Дворкин называет право «мужской культуры» давать имена, маркируя на свой лад предметы и явления. Пятый признак власти – право владеть (женщиной и всем, что вытекает из этого права), шестой – право на деньги (деньги «*в руках мужчины символизируют благополучие и достижения. Деньги в руках женщины являются признаком «...» неженственных амбиций или алчности*» [Дворкин А., 19[illegible]].

Седьмой признак власти – власть секса, а точнее – сексуального насилия. «*Чествование насилия в литературе, песнях и в науках,* – пишет А. Дворкин, – *является парадигматической артикуляцией мужской сексуальной власти как культурного абсолюта*» [Дворкин А., 19[illegible]].

Очевидно, что в данном исследовании, напротив, наиболее тщательно описываются деструктивные характеристики «мужской культуры», хотя в целом идеи Д. Гилмора и А. Дворкин созвучны (сексуальная активность, готовность к бою, физическая сила и размер, инициатива и т.п.).

Мужская культура, власть и сексуальное насилие

Особое место сексуальности, и именно сексуального насилия, в представлении традиционной «мужской культуры» можно обнаружить в исследовании С. Жеребкина, анализирующего практики идентификации украинского казачества: «*В идеале изнасилованию – как символической замене убийства в ходе номадического набега – должно подвергнуться все население захваченной территории. Такой тип политик Делез и Гваттари называют "зоосексуальным эросом", поскольку в этом случае воины использовали свое собственное тело подобно тому, как животное использует свою сперму, маркируя ею границы освоенной территории*» [Жеребкин С., 1998; с. 234].

Необходимо отметить, что С. Жеребкин сексуальное поведение казаков рассматривает как производное от отношений власти, подчеркивая роль сексуальных политик в укреплении института политической власти.

«*Согласно политике номадического мышления, объединяющей насилие и сексуальность, индивид, по отношению к которому совершается половой акт, подвергается дискредитации, "опускается", а тот, кто его совершил или способен совершить, удостаивается уважения и почета. Этот тип сексуальных политик идеально моделируется в условиях тоталитарного тюремного заключения, в сталинской зоне, где человеческая жизнь рассматривается как ничто, тогда как мужская честь – как всё*» [Жеребкин С., 1998, с. 235].

Сергей Жеребкин считает, что мужской гомосексуальный эрос регулирует социальные отношения в группе мужчин посредством особого механизма сексуальной дискредитации, то есть используется как инструмент реализации власти.

Р. Бреннон также в качестве ключевых норм мужской культуры называет необходимость отличаться от женщин, быть лучше других, быть независимым и обладать властью [Тартаковская И., 2003].

Вообще власть и «мужское доминирование» оказываются в центре внимания исследователей, как только речь заходит об анализе «мужской культуры». Так, П. Бурдье в работе «Мужское господство» подчеркивает сложившееся представление о мужчине как об «универ-

сальном человеке» – носителе всех форм человеческого существования [Бурдье П., 2005]. Легитимация мужских и женских социальных практик предполагает обесценивание всего, что относится к «женскому», в том числе воспитание детей, закрепляя женскую «негативную идентичность», само же мужское господство осуществляется в первую очередь как символическое насилие – реализация отношений власти. Вместо понятия «культура» П. Бурдье использует более узкое и динамичное понятие «габитус»[3], описывая взаимоотношения между мужчинами, а также между мужчинами и женщинами. Центральная характеристика мужского габитуса – именно идеология доминирования: «*Блеск и нищета мужчины, в смысле vir, состоит в том, что его libido формируется обществом как libido dominandi, как желание господствовать над другими мужчинами, и уже во вторую очередь – над женщинами, которые понимаются как инструмент символической борьбы. Символическая борьба управляет миром*» [Бурдье П., 20

Шерон Берд («Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках») подчеркивает, что в работах современных исследователей маскулинность («мужская культура») зачастую описывается в контексте фрагментарных и противоречивых практик и значений [Берд Ш., 2006]. Анализируя современные профеминистские концепции, исследовательница представляет маскулинность как множественную и требующую непрерывной воспроизводимости, реконструирования в отношениях, а также «гегемонную».

Жестокость, насилие над женщинами, загрязнение окружающей среды, бездумное использование природных ресурсов и угрозу ядерной войны в ряде исследований объясняют личной агрессивностью и жестокостью типичного мужчины, тем не менее Р. Коннелл предостерегает от однозначного толкования «деструктивности» мужественности, считая деструктивной не саму мужественность, а «социальную машину», извлекающую из мужественности деструктивное, «социальную машину», которая работает как на разрушение в целом, так и на гибель самого мужчины («герои долго не живут») [Коннелл Р., 2000, с. 270].

[3] Габитус, по П. Бурдье, – система приобретенных схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания или как принцип распределения по классам и в то же время – как организационный принцип действия [Громов И.А., Мацкевич И.А., Семенов В.А., 2003].

Субъективное прочтение норм мужественности

Ш. Берн, автор известного в России переводного учебника по гендерной психологии, в связи с «работой» «деструктивной социальной машины» анализирует очень важный вопрос – о субъективном прочтении норм мужественности конкретными мужчинами, которые в той или иной степени ориентированы на общепринятые стандарты «гегемонной маскулинности», но в силу объективных или субъективных причин не могут им соответствовать [Берн Ш., 2001].

Дэвид Гилмор утверждал, что мудрость культуры состоит в том, что в процессе вхождения в нее субъекта взросления всегда находится некий компромисс между целями культуры и целями человека.

Закономерно возникает вопрос: «мужская культура» настолько многогранна и многослойна («мудра», по Гилмору), что может предложить каждому свой вариант для социализации, или каждый субъект взросления иначе, «по-своему» прочитывает требования «мужской культуры» и, социализируясь, имеет возможность изменять ее, например «раскалывать», расщепляя на «гегемонную маскулинность» (которую практикуют другие мужчины) и «альтернативную» («для себя»), создавая новые «мужские миры»?

Ш. Берн представляет различные точки зрения на проблему функционирования, определения и изучения «мужской культуры» (маскулинности), в том числе столкновение идей Р. Коннелла о гендере как «личном проекте» в рамках доминирующего гендерного порядка и Г. Уайтхед, рассматривающей маскулинность как дискурсивную практику [Ушакин С., 1999]. Согласно идеям Г. Уайтхед, концепция «личного проекта» Р. Коннелла – вне дискурсивного анализа социальных практик и не позволяет понять, как происходят изменения гендерного порядка, соответсвенно, исследователи становятся неспособными идентифицировать и изучать иные варианты «мужской культуры».

Анализ другой важной характеристики, которая нечасто оказывается в фокусе исследовательского внимания, представлен в работе Майкла Киммела «Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности», а именно анализ гомосоциальности и гомофобии [Киммел М., 2008].

Женщины как гендерная группа обладают в обществе таким низким социальным статусом, что их оценка и признание всегда вторичны, следовательно, утверждение мужественности происходит за счет конкуренции и побед исключительно в мужской группе. Анализ гомофобии М. Киммел производит на основе ортодоксального психоанализа З. Фрейда, согласно которому строгая оценка Отца преследует «западного мужчину» в лице учителей, тренеров, босса, коллег всю оставшуюся жизнь, так что социализированный по всем правилам в рамках «мужской культуры» мальчик боится других мужчин.

«Мужские» и «женские» страны: позиция Г. Хофстеде

Г. Хофстеде предлагает некоторые культуры считать «мужскими» на основе «мужских» ценностей, взглядов, стереотипов, которые в них доминируют. В «мужских культурах» господствующие ценности – материальный успех и прогресс, важны деньги и вещи. Симпатия – к сильным, нравится «большое» и «быстрое», внимание уделяется лучшим, им же принадлежат «социальные бонусы». В СМИ процветают секс и насилие. В социальном устройстве присутствует сегрегация полов. Доминирует установка: жить, чтобы работать. Это идеал общества высоких достижений, приветствуется поддержка сильных. Высший приоритет общества – экономический рост. Женщины находятся вне политики. Акцентируются различия между сексом и любовью, женский секс считается «пассивным». Вообще, секс существует в контексте эксплуатации, а общество в целом гомофобно.

Маскулинными Г. Хофстеде считает Японию, Австрию, Италию, Германию, США, Великобританию, Мексику, Венесуэлу, Колумбию, Эквадор, Южную Африку, Австралию, арабские страны, Филиппины [Кон И.С., 2001].

В зарубежных социально-психологических исследованиях при описании социокультурных норм мужественности также используют модель Э. Томпсона и Дж. Плека, которая описывает «стандарты маскулинности» посредством норм «мужской культуры»: нормы успешности/статуса, нормы твердости и нормы антиженственности [Берн Ш., 2001].

Нормы «мужской культуры» Э. Томпсона и Дж. Плека

Согласно *норме успешности/статуса* мужчина должен быть уважаемым, компетентным, обладать властью, общественным признанием. Норма статуса выражает гендерный стереотип, утверждающий, что социальная ценность мужчины определяется величиной его «социальных бонусов», который на бытовом уровне представляется как величина заработка и успешность на работе. В том случае, когда норма успешности оказывается недостижимой – формируется «компенсаторная мужественность». Компенсаторная мужественность заключается в контроле, уничижении и притеснении представителей низкостатусной женской гендерной группы, благодаря чему снимается страх перед собственной «мужской несостоятельностью».

Норма твердости включает в себя нормы физической, умственной и эмоциональной твердости:

- *норма физической твердости* предполагает, что мужчина должен обладать физической силой и высокой биологической активностью;
- *норма умственной твердости* – стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен быть знающим и компетентным;
- *норма эмоциональной твердости* предполагает, что мужчина должен испытывать мало чувств и быть в состоянии разрешать свои эмоциональные проблемы без помощи окружающих.

Согласно *норме антиженственности,* мужчина должен избегать специфически женских занятий и моделей поведения.

Ш. Берн считает, что норма антиженственности, как и норма статуса, вступает в конфликт с социальным функционированием мужчин, например мешает полноценному отцовству. Важная часть функционирования человека в качестве родителя – нежность, забота, постоянная эмоциональная поддержка, многим мужчинам они даются тяжело, так как связывают их с женственностью, а гендерные стереотипы подталкивают мужчин избегать любых проявлений женственности. М. Киммел, Дж. О'Нил и др. утверждают, что *фемифобия,* или страх женственности, встречающийся у мужчин, происходит из страха гомосексуальности.

Ш. Берн подчеркивает, что страх быть принятым за гомосексуала отрицательно влияет на уровень близости в отношениях между муж-

чинами. Этот страх сокращает количество взаимных прикосновений и увеличивает физическую дистанцию между гетеросексуальными мужчинами, затрудняет выражение дружеских чувств, не имеющих отношения к сексуальному влечению. Эмоциональные ограничения «мужской культуры» и страх женственности объясняют своеобразие в выражении «мужской дружбы».

На основе соответствия/несоответствия данным нормам мужчина приобретает тот или иной тип маскулинности. Роберт Коннелл вводит понятие «гегемонной маскулинности». «Гегемонная», культурно господствующая, самая престижная в данной среде маскулинность характеризует мужчин, стоящих на вершине гендерной иерархии.

Тот, кто не соответствует принятым стандартам мужественности, имеет подчиненную или маргинальную маскулинность, куда вытесняются мужчины с гомосексуальной ориентацией, безработные, инвалиды и т.д.

В описании «мужской культуры» и «гегемонной маскулинности» западные исследователи достаточно часто используют этнокультурное измерение, подчеркивая, что целый ряд этнических групп (итальянцы, ирландцы, евреи и т.п.), например в США, не могут претендовать на достижение идеала гегемонной маскулинности в силу разных причин (не соответствуют «нормам» – эмоциональной или физической «твердости» и т.п.).

«Мужская культура» в работах российских исследователей

Российский философ И.С. Кон, поддерживая идею «множественной мужественности», вносит иную социокультурную детерминацию – фактически классовую, утверждая, что нормативные каноны маскулинности варьируются в зависимости от социального положения и образовательного уровня людей. По мнению И.С. Кона, более образованные мужчины «стесняются» примитивной, грубой маскулинности, а, например, «в рабоче-крестьянской среде» традиционный канон маскулинности декларируется публично [Кон И.С., 2002].

И.С. Кон назвал следующие нормы доминирующей мужской культуры:

1. Необходимость достижений (согласуется с «нормой статуса» у Э. Томпсона и Дж. Плека).
2. Необходимость отличаться от женщин (согласуется с нормой антиженственности у Э. Томпсона и Дж. Плека).
3. Необходимость занять место в «мужской иерархии» (согласуется с «нормой статуса» у Э. Томпсона и Дж. Плека).
4. Гомосоциальность (согласуется с нормой антиженственности у Дж.Томпсон и Э.Плек).
5. «Мужские интересы» (согласуется с нормой антиженственности и нормами твердости у Э. Томпсона и Дж. Плека).
6. Агрессивность и склонность к насилию (согласуется с нормой антиженственности, нормами физической твердости и «статуса» у Э. Томпсона и Дж. Плека).
7. Особенности «мужской сексуальности» (согласуется с нормой физической твердости у Э. Томпсона и Дж. Плека).

При сопоставлении аналитических конструктов И.С. Кона и Э. Томпсона и Дж. Плека, описывающих феномен «мужская культура», очевидна их согласованность. Следовательно, можно предположить, что «гегемонная маскулинность», описанная западными исследователями и российскими (в лице И.С. Кона), вполне созвучна.

Итак, маскулинность, которая в большинстве приведенных исследований представлена как «социокультурный конструкт», мы определяем в терминах «мужской культуры», подчеркивая ее сложный и многовариантный характер, но признавая, что доминирующий вариант («доминирующий нарратив») мужской культуры – патриархатен [Фридман Дж., Комбс Дж., 2001].

Патриархатные основы «мужской культуры» вынуждают также и женщин, стремящихся к социальному успеху, демонстрировать обладание качествами, одобряемыми традиционной мужественностью, характерными для «лучших мужчин». Тем не менее патриархатный вариант «мужской культуры» в настоящее время все активнее подвергается не аналитической (в трудах исследователей), а реальной, «практической» деконструкции, разбиваясь на множество различных мужских культур, благодаря следующим причинам [Кон И.С., 2001]:

1. В сфере производственных отношений происходит размывание разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации муж-

ских и женских социально-производственных функций, ролей, занятий, сфер деятельности.

2. В политической сфере публичная власть перестает быть «прерогативой мужчин».
3. В семьях молодых и образованных мужчин эволюционируют брачно-семейные отношения: мужчины все охотнее решаются на более теплые и близкие эмоциональные контакты с детьми и женами.
4. Образование не предполагает половой сегрегации. Другие варианты мужской культуры перестают быть социальными мишенями, а носители негегемонной мужественности (мягкие, образованные, недоминантные и т.п. мужчины) воспринимаю обществом вполне толерантно.

Практика и понимание множественности мужественности

Однако понимание «множественности мужественности» (различных приемлемых сценариев существования мужественности), которое разделяют современные гендерные исследователи, стало возможным благодаря радикальным трансформациям не только общества, но и науки.

Только в постиндустриальном обществе вследствие социально-экономических перемен мужчина по-настоящему освобождается от норм традиционной мужской культуры (за счет равноправия мужчин и женщин, давления общества потребления и т.д.), традиционная мужественность «раскалывается», мужчины позволяют себе быть разными, разделять разные нормы и ценности. И одновременно только в постиндустриальном обществе знания, укоренившиеся постмодернистские идеи социального конструктивизма позволяют идентифицировать, принимать и изучать эту множественность, обусловливая развитие гендерных исследований.

Итак, гендерный порядок социума определяет сценарии взаимодействия гендерных групп на разных «социальных этажах» и в разных социальных сферах. Мужская культура – «палитра» гендерного порядка

в отношении мужской гендерной группы, детализирующая социальные требования, предъявляемые к мальчикам и мужчинам, а доминирующий вариант мужской культуры по-прежнему патриархатен в соответствии с «гендерными порядками» различных социумов.

При этом культура вообще (и мужская культура в частности) нуждается в сохранении, то есть в воспроизводстве. Воспроизводство культуры требуется постоянно, каждое новое поколение в социуме благодаря процессу социализации, которые в случае гендерной социализации обладает особой принудительной силой, дает культуре новую жизнь. То есть на уровне социума благодаря гендерной социализации воспроизводится гендерная культура, снова и снова реконструируется привычный гендерный порядок, а на индивидуальном уровне идет построение традиционной гендерной идентичности, в случае социализации мальчика – мужской идентичности.

2.2. Гендерная социализация и мужская идентичность

С момента рождения индивид, будучи отнесенным социальным окружением по анатомическому строению к той или иной гендерной группе, оказывается в условиях принудительной гендерной социализации, практически не предполагающей выбора [Уэст Д., Циммерман К., 1997]. Гендерная дифференциация в значительной степени определяет возможности индивидуума, задавая форму его участия в производственной, политической и экономической жизни общества [Клецина И.С., 2004].

Содержание гендерной социализации

Гендерная социализация – усвоение, воспроизведение и трансформация индивидом гендерной культуры общества (мужской культуры, если младенец – мальчик; женской – если девочка)[4]. На индивидуаль-

4 Мы, вслед за Е.П. Белинской и О.А. Тихомандрицкой, придерживаемся трехчленного определения процесса социализации как: 1) усвоения, 2) воспроизводства и 3) возможной трансформации некоего социокультурного содержания – то есть определения, учитывающего возможность социального творчества субъекта социализации [Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А., 2001].

ном уровне она проявляется в развитии гендерной идентичности, на групповом – в воспроизведении или трансформации гендерной системы общества.

Содержание гендерной социализации – гендерная культура общества, передаваемая посредством материальных и нематериальных «носителей» (одежды, украшений, стереотипов, норм поведения, присущих той или иной гендерной группе), – в современном обществе представлено:

- в виде содержания «традиционной патриархатной социализации»
- и в виде содержания «современной – альтернативной – социализации» [Нечаева Н.А., 1997].

Традиционная патриархатная социализация предполагает жесткое гендерное структурирование мира, в котором женские статусы и роли всегда маркированы как вторичные по отношению к мужским и более природно (биологически) детерминированные.

Традиционная патриархатная модель социализации имеет исторические корни, непосредственно связана с гендерным разделением труда и репродуктивной женской функцией, выполнение которой маркировало женщину как ответственную за сферу «человеческого воспроизводства», включающую уход за детьми и стариками [Малышева М.М., 2001]. Существование гендерных отношений в социальном контексте патриархата позволяет определять гендерные отношения как властные отношения, которые базируются на сегрегации и иерархии и обладают статусом «естественных» [Барчунова Т.В., 2002].

По данным социологов, патриархатное содержание гендерной социализации при всей его дискриминационной природе активно воспроизводится и даже в таких урбанизированных мегаполисах, как Санкт-Петербург, более половины (60%) жителей имеют патриархатные идеалы. При этом преимущественно патриархатную картину мира поддерживают представители «доминирующего» – мужского социального статуса (73% мужчин разделяют патриархатные идеалы) [Нечаева Н.А., 1997].

Содержание альтернативной гендерной картины мира в настоящий момент четко не определено. В исследованиях она может быть представлена как в качестве феминистской картины мира (причем позиционирована как более или менее жестко противоположная патриархатной картине мира), так и в качестве «переходной» модели (акцентиру-

ются индивидуальные способности мужчин и женщин на фоне стирания неравенства между мужским и женским социальным статусом)[5].

Институты гендерной социализации

Рассмотрим более подробно, как происходит гендерная социализация от рождения до старости, анализируя агентов и институты гендерной социализации.

Многочисленные институты социализации (семья, детский сад, школа, внешкольные группы, СМИ)[6] и агенты-проводники гендерной социализации («значимые» в развитии личности: родители, братья и сестры, учителя, ровесники, возлюбленные, в дальнейшем – дети) служат тому, чтобы воспроизводить доминирующую гендерную картину мира – патриархатную, позволяющую сохранять привычный гендерный порядок.

Институты гендерной социализации представляются в контексте макросредовых культурных факторов (идеологическая направленность общества, особенности культурной среды, язык и т.п.), а также микросредовых (роль в гендерной социализации родителей и других членов семьи, отношения со сверстниками и т.п.).

Микросредовые факторы в социально-психологических исследованиях являются более изученными. Роль семьи анализируется во многих исследованиях, посвященных полоролевой или гендерной социализации (Ю.Е. Алешиной, С. Бем, А.С. Волович, Т.В. Виноградовой, В.Е. Каган, И.С. Кона, И.С. Клециной и др.). В семье в процессе интериоризации и идентификации происходит усвоение гендерных ролей общества, соответствующих доминирующему гендерному порядку. Особая роль отводится матери как ведущему агенту гендерной социализации.

[5] Необходимо отметить, что обе трактовки согласуются и различия в определениях обусловлены скорее методологическими, чем содержательными причинами.

[6] В данном учебном пособии используется классическое понимание социального института как исторически сложившейся устойчивой формы организации совместной деятельности людей.

Агенты гендерной социализации

Так, в работах Н. Ходоров ведущие проблемы мужской и женской культур определяются в психоаналитическом контексте посредством анализа общения матери с младенцами разного пола [Ходоров Н., 2002]. Идентификация матери с дочерью обусловливает социализацию девочки через привязанность, близость к матери, восприятие мальчика как инакового ведет к его «отделению», воспитанию через автономию. Соответственно, проблемы в будущем у женщин будут сосредоточены в области автономии, а у мужчин – в области близких отношений и отношений зависимости.

Мать, согласно исследованиям, является не только первым транслятором гендерного порядка общества – она подкрепляет гендерно маркированное поведение (поощряет или наказывает ребенка), то есть гендерные представления матери становятся основой для дальнейшей гендерной социализации [Радина Н.К., Терешенкова Е.Ю., 2006].

Роль отца в гендерной социализации остается недостаточно исследованной, тем не менее можно отметить, что более эмансипированные («нетрадиционные») девочки вырастают в тех семьях, где отцы уделяют внимание воспитанию своих детей. Наличие братьев и сестер в качестве агентов гендерной социализации, напротив, определяет скорее выбор патриархатного гендерного порядка [Клецина И.С., 1998].

Детский сад, где воспитание специально организовано для поддержания доминирующего гендерного порядка, является активным транслятором самых жестких социальных стереотипов по целому ряду причин.

Общество динамично в своих изменениях, однако предметная, социальная и методическая среды детского сада изменяются медленно: неизменными остаются набор желательных ролей и игрушек для девочек и мальчиков, утвержденный список предпочитаемой детской литературы для чтения детям в группе, методические разработки по проведению тематических праздников и рекомендации по оформлению группы и предпочитаемым ролевым играм и т.п.

Так, детская литература (художественная литература для дошкольников и младших школьников, вошедшая в список обязательного чтения), согласно исследованиям, транслирует наиболее патриархатные

гендерные стереотипы [Здравомыслова Е., Герасимова Е., Троян Н., 1998; Семенова Л.Э., 2008, и др.]. Ровесники дошкольного возраста, осваивающие социальные правила, контролируют «гендерное соответствие» друг друга, высмеивая тех, кто отличается от общепринятых норм.

Школа (как и семья) – один из наиболее исследуемых институтов гендерной социализации. Ее изучают с точки зрения того, какие требования она предъявляет к мальчикам и девочкам, как дискриминирует и ограничивает развитие, а также с точки зрения влияния учителей или ровесников на гендерную социализацию. Внешкольные группы (спортивные секции, свободные объединения и т.п.) с позиции гендерной социализации исследованы в единичных работах [Цикунова Н.С., 2003].

Гендерная лингвистика о языке как факторе гендерной социализации

Макросредовые факторы впечатляюще представлены с точки зрения гендерных речевых практик в исследованиях гендерных лингвистов. Например, с точки зрения невербального взаимодействия различают мужское и женское невербальное поведение. Скажем, Г.Е. Крейдлин указывает, что мужскими являются такие позы и жесты, принятые в русско-язычном социуме, как сидеть развалясь в кресле; стоять, широко раздвинув ноги; чесать в затылке; потирать руки; стукнуть кулаком по столу [Крейдлин Г.Е., 2002]. В процессе гендерной социализации, осваивая язык, мальчик осваивает и определенную семантику действия, «должного мужчине».

Так, с точки зрения исследований лингвистов-русистов мужчина, встроенный в речевую и поведенческую мужскую культуру, должен «хотеть» в порядке преференции: женщину, денег, многого, всего и хотя бы чего-нибудь, при этом – «хотеть не вредно». В качестве синонима глаголу «хотеть» в мужском ассоциативном поле, по мнению известной гендерной исследовательницы Е.И. Горошко, корреспондирует глагол «получать». Необходимо отметить, что женщины прежде всего «хотят» семью, а также жить и выжить (что не наблюдается в мужской выборке информантов) [Горошко Е.И., 2002].

Анализируя мужскую и женскую письменную речь, современные гендерные лингвисты сформулировали некие схемы, на основе которых по тексту, не зная автора, можно определить гендерную принадлежность написавшего (таблица 3) [Кирилина А.В., 2004, с. 69].

Таблица 3.
Характеристики мужской и женской письменной речи

Признаки мужской письменной речи	Признаки женской письменной речи
Использование армейского и тюремного жаргона. Употребление нецензурных слов как вводных и однообразие используемых нецензурных слов, преобладание нецензурных инвектив и конструкций, обозначающих действия и процессы, а также преобладание глаголов активного залога и переходных	Склонность к употреблению престижных, стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики. В инвективах высокую частотность обнаруживают зоонимы, преобладают ругательства-существительные и глаголы в пассивном залоге
Частое употребление вводных слов, особенно имеющих значение констатации: очевидно, несомненно, конечно	Наличие множества вводных слов, определений, обстоятельств, местоимений, подлежащих и дополнений, а также модальных конструкций, выражающих различную степень неуверенности, предположительности, неопределенности
Употребление при передаче эмоционального состояния или оценки предмета или явления слов с наименьшей эмоциональной индексацией; однообразие лексических приемов при передаче эмоций. Сочетания официально и эмоционально маркированной лексики при обращении к родным и близким людям	Использование коннотативно нейтральных слов и выражений, эвфемизмов. Употребление оценочных высказываний с дейктическими лексемами вместо названия лица по имени. Большая образность речи при описании чувств, многообразие инвектив и их акцентуация при помощи усилительных частиц, наречий и прилагательных (отсутствует стертость значений, свойственная мужской речи)
Употребление большого числа абстрактных существительных. Использование газетно-публицистических клише. Несоответствие знаков препинания эмоциональному накалу речи	Высокочастотным является также использование конструкций наречие + наречие, простых и сложносочиненных предложений, синтаксических оборотов с двойным отрицанием; частое использование знаков пунктуации, высокая эмоциональная окраска речи в целом

Благодаря исследованиям гендерных лингвистов речь, как и одежда, становится осознаваемым маркером гендерной принадлежности.

Макросредовые факторы также наиболее изучены с точки зрения влияния СМИ на гендерную социализацию. Так, школьные учеб-

ники подкрепляют разное отношение учителей к мальчикам и девочкам. Как подчеркивают исследователи, в качестве главных действующих лиц в школьных учебниках преобладают мальчики и мужчины [Барчунова Т.В., 1995; Ярская-Смирнова Е., 2000]. Кроме того, на страницах данных обязательных для чтения текстов транслируются основные гендерные стереотипы, касающиеся разделения труда и личных качеств (мужчины и мальчики заняты «важной» работой, женщина занимается домашним хозяйством и детьми; мужчины – активные, предприимчивые, женщины – пассивны, ждут помощи со стороны). Таким образом, учебники подкрепляют установку на бóльшую социальную ценность и полезность мужчин, однако те образцы поведения, которые транслируются в книжках, еще более ограничивают возможности для социального творчества юноши, так как отказ от занятий «настоящего мужчины» будет восприниматься окружающими негативно.

В других исследованиях также можно встретить подтверждения тому, что учебники для старшеклассников транслируют патриархатные стереотипы. В работах Т.В. Виноградовой и В.В. Семенова отмечается тот факт, что даже те женщины-ученые, которые получили мировую известность и признание, в учебниках практически не представлены [Виноградова Т.В., Семенов В.В., 1993].

Современные исследования демонстрируют, что СМИ, как и другие агенты гендерной социализации, создают традиционные образы мужчин и женщин. Еще А. Бандура, один из авторов теории социального научения, отмечал, что телевидение может соперничать с родителями и учителями в качестве источника ролевых моделей для подражания. В гендерной психологии и гендерной социологии проводились исследования как разных продуктов СМИ (художественных фильмов, мультфильмов, журналов и др.) [Голик М., 2002; Ткач О., 2003; Чернова Ж., 2003, и др.], так и конкретного влияния рекламной продукции [Грошев И., 2000; Гусева Ю.Е., 2000; Юрчак А., 1997, и др.].

Как указывают исследователи, массовая рекламная продукция отражает доминирующую патриархатную тенденцию в культуре. Реклама транслирует узнаваемую традиционную модель «правильных» патриархатных семейных отношений: доминирующее положение занимают мужчины, женщины и дети милы и беспомощны, почитают мужчину и подчиняются ему. «Настоящие мужчины» в СМИ выглядят творческими, предприимчивыми, деловыми, в их руках находятся деньги, и

они являются профессионалами в своей сфере, «настоящие женщины» чаще всего зависимы, заботливы и думают только о «рубашках мужа» и проблемах семьи [Юрчак А., 1997].

Но следует заметить, что в последнее время меняется содержание «посланий» некоторых средств массовой информации. Телевизионные каналы, основной целевой аудиторией которых являются прежде всего подростки и юноши (Муз-ТВ, MTV и др.), и модные журналы для молодежи транслируют новые «гламурные» образы маскулинности, предельно далекие от классических патриархатных канонов. В результате влияния СМИ происходит смешение уже усвоенных гендерных стереотипов и гендерных ролей с новыми маркетинговыми формами. Новые мужские – метросексуальные – образы преподносятся как идеал современного мужчины.

Исследования, выполненные на кафедре возрастной и педагогической психологии НГПУ, направленные на изучение жизненных сценариев российских женщин различных поколений, подтверждают важнейшее значение социально-экономических трансформаций для изменения направления гендерной социализации в России [Радина Н.К., 2006]. Согласно данным исследованиям, именно социально-экономические трансформации более вероятно влияют на изменения гендерной социализации, нежели, например, семейные сценарии: три поколения, живущие в одной семье, в своих ценностях, сценариях и установках более различны, чем схожи. Новая «современная семья», игнорирующая создание «семейной истории», семейных традиций, совмещает пространственно людей (родителей и детей), психологически и культурно бесконечно далеких друг от друга, толком не знающих об историях жизни друг друга [Радина Н.К., Штылева И.В., 2008].

Механизмы гендерной социализации

Механизмы, обеспечивающие функционирование гендерной социализации, также описаны в целом ряде психологических исследований. Как правило, акцент на различных механизмах гендерной социализации обусловлен методологическим выбором авторов исследований:

- исследователи, специализирующиеся в области психоанализа, концентрируют свое внимание на идентификации ребенка с родителями;

- исследователи, работающие в рамках теории социального научения, – на подражании родительским моделям поведения;
- исследователи, придерживающиеся положений теории когнитивного развития, – на переработке гендерно-маркированного опыта посредством когнитивных структур и т.д.

Таким образом, механизмы гендерной социализации можно рассмотреть в контексте общей матрицы механизмов социализации (таблица 4) [Радина Н.К., 2010].

Таблица 4.
Механизмы гендерной социализации

Конструкты	Эмоциональное	Эмоциональное и рациональное	Рациональное
Активность субъекта социализации		Интерпретация, социальное экспериментирование	Заимствование (или подражание)
Пассивность объекта социализации	Заражение	Идентификация и интернализация	Подчинение
	Конформизм		

Согласно таблице, механизмы, описанные в психологических источниках, представляют преимущественно воспроизводство содержания гендерной социализации. Лишь немногие работы посвящены анализу фактов, раскрывающих трансформации гендерного опыта и представляющих гендерное экспериментирование [см., например: Семенова Л.Э., 2009].

Как мы уже писали в первой главе, субъектами изменений гендерной картины мира и в теоретических, и в прикладных исследованиях чаще называют женщин: именно их социальный опыт бывает более сложен, разнообразен и несогласован с традиционным опытом, что, согласно концепции социального конструирования реальности, обусловливает социальное творчество и социальные изменения. И.С. Кон предполагает, что социальное творчество непосредственно связано с различными институтами социализации, цели которых несогласованны. С нашей точки зрения, содержание гендерной социализации, транслируемой любым из институтов гендерной социализации, отражает доминирующий гендерный порядок (имеет примерно одинаковые цели).

Мы придерживаемся позиции П. Бергера и Т. Лукмана, согласно которой социальное творчество – это продукт нестандартного (в нашем случае нестандартного гендерного) опыта [Бергер П., Лукман Т., 1995]. В том случае, если нестандартный гендерный опыт закрепляется в личностной картине мира, возможно социальное творчество на пространстве «мужского – женского» социального измерения. В пространстве «мужской культуры» контроль за позитивными интерпретациями нестандартного опыта весьма жесткий, поскольку мужской статус в обществе – главенствующий, поэтому любое нестандартное поведение мальчика (которое впоследствии могло бы стать основой социального творчества), грозящее потерей даже условных признаков высокого статуса, преследуется. Девочки, представляющие социально низкостатусную группу, активнее заимствуют элементы мужской культуры и, как правило, не бывают так же жестко преследуемы за социальное творчество (например, эксперименты женщин с брюками и галстуками вполне допустимы, но сложно даже представить такое же свободное экспериментирование в одежде – с бантами, рюшами и т.п. – у мужчин). Таким образом, у мальчиков и девочек разные шансы на получение внешней поддержки с точки зрения социального творчества в области гендерных отношений.

Отлаженное функционирование гендерной социализации способствует формулированию гендерных норм социализированности, то есть тех или иных проявлений, которые должны демонстрировать в обществе социализированные мужчины и женщины в соответствии со своим возрастом.

Гендерная социализация и гендерная идентичность

Процесс гендерной социализации – конструирование гендерной идентичности – исследователи представляют как трехступенчатый, связанный с созреванием личности.

Первая стадия – идентификация, достигаемая к трем годам («осознание половой принадлежности», по И.С. Клециной, и «гендерная идентификация», по Ш. Берн); вторая стадия – компетентность в поведении в 7 – 12 лет («половая дифференциация поведения», по И.С. Клециной, и «социализация Я» – у Ш. Берн); третья стадия связывает-

ся со становлением первичной идентичности и соответствует возрастному этапу развития идентичности, описанному Э. Эриксоном («переоценка гендерной идентичности» у И.С. Клециной и «саморегуляция Я» у Ш. Берн).

Начиная с 80-х годов XX столетия, в русле теории социальной идентичности Г. Тэджфела – Дж. Тернера гендерная идентичность трактуется как одна из подструктур социальной идентичности личности и характеризует индивида с точки зрения его принадлежности к мужской или женской группе, при этом наиболее значимо, как сам человек себя категоризует [Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А., 2001; Радина Н.К., 2002].

С точки зрения Э. Эриксона, одного из основоположников развития идеи идентичности, идентичность личности опирается на осознание временной протяженности собственного существования, предполагает восприятие собственной целостности, позволяет человеку определять степень своего сходства с разными людьми при одновременном видении своей уникальности и неповторимости [Эриксон Э., 1996].

Теория социальной идентичности Г. Тэджфела – Дж. Тернера позволяет представлять идентичность в системе: персональная идентичность (сосредоточенная на осознании уникальности «Я») – социальная идентичность (признание и самокатегоризация себя как члена той или иной социальной группы) [Павленко В.Н., 2000]. Именно в русле теории социальной идентичности, на наш взгляд, возможна эффективная концептуализация проблемы гендерной идентичности личности.

До последнего времени в работах отечественных исследователей, посвященных изучению гендерной идентичности, использовались термины «психологический пол», «полоролевая идентичность», «полоролевые стереотипы», «полоролевые отношения» (В.С. Агеев, И.С. Кон, Т.А. Репина, Я.Л. Коломинский, М.Х. Мелтсас и др.). Однако даже близкие на первый взгляд понятия (как, например, гендерная идентичность и полоролевая идентичность) не являются синонимами.

Гендерная идентичность – более широкое, сложное и емкое понятие, чем полоролевая идентичность, поскольку «гендер» подразумевает не только ролевой аспект, но и включение в целостную систему социальных отношений на всех уровнях, символическую репрезентацию, способ организации власти (доминирования) и т.п.

Понятие «гендерная идентичность» несинонимично также понятию «сексуальная идентичность»: сексуальная идентичность может быть

описана с точки зрения особенностей самовосприятия и самопредставления человека в контексте его сексуального поведения в структуре гендерной идентичности.

Не дискутируя, на какие «идентичности» может распадаться гендерная идентичность, например, в контексте сексуальности, в данном исследовании в качестве основных мы рассматриваем мужской и женский варианты гендерной идентичности личности, более подробно останавливаясь на мужской идентичности.

Мужская идентичность

Итак, в том случае, если человек осознает себя представителем мужской гендерной группы и включен в процесс мужской социализации, на личностном уровне формируется такой социально-психологический феномен, как мужская идентичность. Таким образом, мужская идентичность – категоризация себя как представителя мужской гендерной группы и воспроизведение гендерно обусловленных ролей, диспозиций, самопрезентаций.

Согласно социально-психологическим «мужским исследованиям», в основе становления мужской идентичности лежит «идеология мужественности» (Дж. Плек), которая является составной частью традиционной патриархатной культуры. Структура ролевых норм «идеологии мужественности», как уже было представлено выше, определяется нормой статуса, нормой твердости (физической, умственной и эмоциональной), а также нормой антиженственности. Центральной характеристикой мужской идентичности является потребность доминирования, неразрывно связанная с мужской гендерной ролью.

Норма статуса, или успешности, в свете мужского доминирования обязывает мальчика постоянно стремиться к более высокому и успешному положению в социальной иерархии, норма твердости (физической, умственной и эмоциональной) обязывает демонстрировать силу, компетентность и агрессивность, норма антиженственности – не только игнорировать все, что традиционно связывается с «женским», но и использовать женщин с целью подчинения.

Социализация мальчиков связана с социальными барьерами на пути развития маскулинности, провоцирующими эмоционально-

когнитивный диссонанс, следствием которого является «полоролевая растерянность» либо утрированно маскулинные полоролевые ориентации [Каган В.Е., 1991].

Шон Берн подчеркивает, что во второй половине XX века, вплоть до семидесятых годов, американская психология держалась позиции мужской полоролевой идентичности, согласно которой психологическое здоровье мужчины зависело от его выбора «правильной идентичности». Мужчин, не демонстрировавших соответствующих полу интересов, аттитюдов и моделей поведения, специалисты считали «нуждающимися в лечении».

Психологи, придерживающиеся подобной модели, опасались отсутствия мужских ролевых моделей, изменения женской роли и феминизации школьного окружения при воспитании мальчиков.

Дж. Плек предложил другую теорию, которую он назвал «напряжение мужской гендерной роли». В данной теории он отразил те противоречия и дисфункциональные особенности, которые включает в себя «традиционная мужская культура», а именно: отчуждение чувств, поощрение агрессии и импульсивности, амбивалентность гомосоциальности и т.д.

Ш. Берн считает, что, после того как устоявшееся понимание проблемы было подорвано работами Плека, многие психологи осознали, что помимо позитивных аспектов мужественности, таких как настойчивость и уверенность, для каждого конкретного мужчины существуют и негативные последствия традиционной мужской социализации.

Если мужчине сложно поддерживать стандарт мужской роли или обстоятельства требуют от него проявления женских моделей поведения (например, заботы и сопереживания), которых нет в «мужском ролевом репертуаре» или они есть, но запрещены мужской ролью, возникает стресс. Данный стресс Айзлер называет мужским гендерно-ролевым стрессом и поясняет, что он положительно коррелирует со злостью и повышенным уровнем тревоги у мужчин.

Мужской гендерно-ролевой конфликт по Дж. М. О’Нилу

Схожую идею выдвинул Дж. О'Нил, описавший гендерно-ролевой конфликт – психологическое состояние, появляющееся в ситуациях, когда ригидные, сексистские или ограничивающие гендерные роли

имеют негативные последствия или оказывают негативное влияние на человека и тех, кто с ним контактирует.

Согласно работам О'Нила и его коллег, гендерно-ролевой конфликт включает в себя шесть паттернов [Берн Ш., 2001]:

1. Ограничение эмоциональности.
2. Гомофобия.
3. Социализация контроля, власти и соревнования.
4. Ограничения в сексуальном поведении и демонстрации привязанности.
5. Навязчивое стремление к успеху.
6. Проблемы с физическим здоровьем, возникающие из-за неправильного образа жизни.

Таким образом, то, что О'Нил с коллегами описывают в терминах гендерно-ролевого конфликта, И.С. Кон, Э. Томпсон, Дж. Плек и другие психологи рассматривают как основные требования традиционной «мужской культуры». Сходство позиций О'Нила, Томпсона и Плека заключается в осмыслении последствий реализации норм «мужской культуры» на индивидуальном уровне. Исследователи подчеркивают, что носители «традиционной мужественности» страдают снижением настроения, тревогой, депрессиями, падением самооценки. В межличностной сфере у них ухудшаются показатели достижения интимности, уменьшается удовлетворенность отношениями, происходят конфликты на работе, актуализируются вопросы власти и контроля в паре, возникают эпизоды физического и сексуального насилия.

Мужская идентичность и идея вариативности

Как уже было отмечено, в настоящее время исследователи мужественности высказывают идею о том, что более корректно было бы говорить о многочисленных мужественностях [Кон И.С., 2002; Синельников А., 1998, и др.]. С точки зрения анализа условий развития мужской идентичности это означает, что взрослеющим мальчикам для усвоения предлагается уже не монолитная «мужская культура» в жестком перечислении правил и норм, а некое содержание, предполагающее большую вариативность.

Если ранее, ориентируясь на единые требования мужской культуры, мальчик более или менее успешно воспроизводил доминирующую патриархатную гендерную культуру, конструируя на индивидуальном уровне более или менее определенный патриархатный вариант мужской идентичности, то в изменившихся социокультурных условиях появился шанс конструирования непатриархатных вариантов мужской идентичности («альтернативных», по Н.А. Нечаевой).

Динамичные социокультурные изменения, в том числе и в области гендерных отношений, ставят социальных психологов в сложные рамки дефицита адекватного психодиагностического инструментария. Действительно, условия развития личности принципиально изменяются, а у психологов отсутствует какой-либо «измерительный» инструмент для диагностики личностных последствий возможных трансформаций.

Социальный конструктивизм, ориентированный на анализ социальных изменений, делает ставку на качественный подход, в том числе и в области гендерных исследований [Малышева М.М., 2001]. Тем не менее невозможно исключать исследователей, предпочитающих на количественные методы, из общего современного исследовательского контекста гендерных отношений, поэтому следующие главы данного пособия будут посвящены непосредственно психодиагностическому инструменту в области этих отношений как в традициях качественного, так и с позиций количественного подходов.

2.3. Социокультурные особенности мужественности в российском обществе

Акцент на социокультурном аспекте, который в предыдущих разделах предстал как гендерное измерение, предполагает учет и других измерений, например этнокультурных, поэтому здесь мы проанализируем исследования, помогающие сформулировать специфику «российской мужественности» в общем контексте «мужских исследований».

Мы сознательно используем термин «российская», а не «русская», поскольку придерживаемся конструктивистских позиций и к тому же считаем, что социокультурное российское пространство включает особенности разных этносов, объединенных общим историческим и политическим опытом, что наиболее важно для идентификации и анализа гендерного порядка.

Несмотря на то, что в социальных науках «российская мужественность» находится в центре внимания небольшого круга исследователей, в общекультурном контексте, например в кинематографе, схемы конструирования художественной реальности бытия «русским (постсоветским) парнем» можно считать в целом устоявшимися (см., например, постсоветские блокбастеры режиссера Алексея Балабанова «Брат» и «Брат-2», «Бумер» Петра Буслова, нашумевший сериал «Бригада» Алексея Сидорова).

«Мужское» в гендерных исследованиях достаточно часто анализируется именно в контексте символической визуализации, в том числе в визуальных образах, касающихся образа страны: «*Америку всегда представляли в гендерном виде. На первом уже известном изображении наш континент возникает как индейская женщина. После революции политические амбиции нового народа проявляются в классических чертах – чертах белой расы – божества Колумбии. Такая репрезентация сохраняется до начала Гражданской войны, когда гендер Америки драматически становится и эта перемена отображается в аллегорических конструкциях в прозе, поэзии, живописи и политической риторике. В конденсированном виде эта перемена отображается в образе "Дяди Сэма", в нескладной фигуре, вобравшей в себя ранние идентификации американцев с неуклюжей деревенщиной "Братом Джонатаном" (аналогом британца Джона Буля), однако с волнующей добавкой, нашедшей выражение в столь же нелепой, но харизматической фигуре Авраама Линкольна*» [Сэмюэлс Ш., 1998, с. 94].

Стереотипы маскулинности в России

Традиционно Россию представляют в «женских образах», что не мешает тем не менее размышлять о том, какова же специфика российской мужественности.

И.С. Кон утверждает, что гендерный порядок и стереотипы маскулинности в России всегда были противоречивы, хотя древнерусское общество было типично мужским и патриархатным [Кон И.С., 2001]. При этом европейских путешественников и дипломатов удивляла высокая степень самостоятельности русских женщин, а старые и новые философы, считает И.С. Кон, активно развивают идею имманентной женственности русской души. Российский политический деспотизм и недостаток предприимчивости, по Кону, обусловливают дисфункции «российской мужественности», отцы и мужья в российских нарративах, как правило, безвольны и практикуют деструктивные формы маскулинности – бесшабашную удаль, пьянство, драки.

Известная гендерная исследовательница в области истории России Н.Л. Пушкарева в работе «”Странные мужчины” в русской национальной традиции», посвященной образу мужественности в русском фольклоре, предполагает, что инвариант российской мужественности – это негегемонная мужественность «женственных» мужчин [Пушкарева Н.Л.].

Исследовательница называет носителя «российской мужественности» Иванушкой-дурачком, убедительно доказывая, что психологические ресурсы сказочных героев русских народных сказок (уступчивость, отзывчивость, доброта и т.д.) позволяют героям не только выстоять в условиях сказочных трудностей и испытаний, но и стать залогом «гендерного баланса» (в данном случае позиции И.С. Кон и Н.Л. Пушкаревой являются взаимодополняющими, так как один исследователь считает инициатором гендерных изменений женщин, а другой описывает мужскую группу как обеспечивающую «гендерный баланс»).

«Нестандартная» российская мужественность

Н.Л. Пушкарева представляет негегемонную мужественность допетровской Руси как инвариант «российской мужественности» в целом,

полагая, что фольклорные Иванушки-дурачки реально существуют и в современной России.

К патриархатности мужских сценариев развития дореволюционной России, обусловленных ортодоксальностью православия и политической деспотией, склоняются гендерные исследовательницы семьи и «частной жизни» [см., например: Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М., 1999, и др.]. В этих исследованиях покорность и терпение предстают как условие поддержания гендерного неравенства.

Таким образом, некое противоречие можно констатировать уже на данном этапе анализа российских мужских образов: определенно, речь идет о российской «множественной мужественности», о неоднозначной трактовке «российской маскулинности». Возможно речь идет об идентификации российского прочтения «архетипических» мужских ролей «солдата», «первопроходца», «эксперта», «кормильца» и «повелителя», каждая из которых предполагает реализацию некоего сценария [Тартаковская И., 2003]?

Чтобы разобраться и с количеством, и с качеством «российской мужественности», обратимся к аналитическим исследованиям И. Тартаковской, Е. Здравомысловой и А. Темкиной для представления особенностей гендерной системы общества в советский и постсоветский периоды [Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2002; Тартаковская И.Н., 2005].

Мы полагаем, что исследования, анализирующие в целом гендерную систему данных исторических периодов России, позволят глубже понять специфику «российской мужественности».

Итак, по мнению исследовательниц, в СССР, с одной стороны, существовала прогрессивная и даже протекционистская социальная политика, которая позволила женщинам достичь действительно высокого образовательного уровня и в полной мере реализовать свое право на труд и независимый заработок, а с другой стороны, вертикальная и горизонтальная сегрегация на рынке труда, незначительное участие женщин в политике, их загруженность домашней работой (неравенство полов во всех основных сферах социальной жизни) реально оказывались немногим меньше, чем в классических капиталистических странах Запада.

И. Тартаковская подчеркивает, что советскую и постсоветскую систему гендерных отношений следует оценивать как существенно отличную от западной. Создание особой гендерной системы в СССР об-

условлено не степенью «освобождения» мужчин или женщин, а конструированием совершенно нового типа общества и нового типа личности, и главным содержанием этой новой социальной жизни было отнюдь не освобождение, а дисциплина. Политика большевистского государства не была направлена на освобождение женщин от мужчин, – она подразумевала освобождение женщин от власти патриархатных семейных отношений, с тем чтобы подчинить женщин, как и мужчин, власти государства [Тартаковская И.Н., 2005].

Е. Здравомыслова и А. Темкина предлагают называть гендерную систему советского общества этакратической и патримониальной (то есть жизнь советских людей строго определялась властью государства как в публичной, так и в приватной сферах).

Этакратическая и патримониальная гендерная система СССР

Этакратическая система воспроизводилась нормативными документами, идеологическими кампаниями, механизмами государственно организованного социального контроля, средствами массовой информации. Считалось, что в Советском Союзе окончательно решен «женский вопрос».

С первых лет советской власти, поясняют Е. Здравомыслова и А. Темкина, партия и государство рассматривали женщин в качестве особой социальной категории и разрабатывали специальные меры регулирования их социального положения. Партийно-государственная политика позиционировала женщин как объект особой заботы. Социальные гарантии и льготы, связанные с совмещением функций занятости и материнства, превращали женщин в специфическую государственно-зависимую группу, обеспечивали этой категории советских граждан особую позицию в обществе, что служило потенциалом гендерной поляризации и конфликта.

И. Тартаковская предполагает, что у советского государства была идеологическая задача: для подчинения женщин политическому контролю было необходимо разрушить традиционную семью, вывести женщин из подчинения родственникам-мужчинам и найти для них но-

вые роль и арену деятельности. Именно трудовые коллективы, поясняет И. Тартаковская, считались важнейшими агентами социализации и для мужчин, и для женщин, а работа – главным содержанием жизни. Для решения грандиозных задач индустриализации была крайне необходима женская рабочая сила.

С изменением роли семьи в воспитании детей И. Тартаковская связывает и маргинализацию позиции отца в советской семье: эта роль была узурпирована государством. Материнство, как и отцовство, в СССР подлежало контролю со стороны государства.

Однако традиционной роли мужчины лишались преимущественно в семье, их доминирование в публичной сфере по-прежнему не подвергалось сомнению. Советские мужчины всячески поощрялись к тому, чтобы реализовываться в сфере труда и занимать в ней лидирующее положение, поэтому неудивительно, что они имели высокий статус и абсолютно доминировали на всех властных позициях во всех сферах общества.

Таким образом, характерными чертами гендерной системы советского общества исследовательницы считают следующие:

1. Женщины использовались советским режимом для осуществления социальных трансформаций:
   - массовое вовлечение в общественное производство давало женщинам определенную экономическую и социальную независимость по отношению к мужчинам;
   - политизация материнства при относительном пренебрежении ролью отца легитимизировала контроль женщины над детьми и подрывала позиции мужчины в семье;
   - государство различными путями помогало женщинам контролировать поведение мужчин.
2. Барьеры на пути контроля сферы частной жизни людей обоего пола советским государством были практически уничтожены.

Кризис маскулинности в советском обществе

Е. Здравомыслова и А. Темкина в своих работах описывают изменения, происходящие в гендерной системе советского государства,

и отмечают, что начиная с 70-х годов соответствующее поколение мужчин рассматривалось обществом как когорта неудачников. Гегемонная советская маскулинность, которая строилась на основе служения мужчины Родине (государству), была в значительной степени девальвирована. В качестве ее альтернативы могли бы использоваться:

- традиционная патриархатная маскулинность «домостроевского типа»;
- либеральная «западная маскулинность» независимого собственника, профессионала и кормильца семьи.

Однако первая стратегия не имела под собой идеологической или религиозной основы (были воспитаны поколения советских женщин, активно участвующих в общественной жизни). Для реализации второй оказались недостаточными экономические условия: советская семья не прожила бы с одним мужчиной-кормильцем.

Гендерная система в постсоветском обществе

Анализируя постсоветский период, исследовательницы подчеркивают, что советское общество, в противоположность дореволюционной России, было преимущественно матрилокальным. На женщинах – матерях и бабушках – часто лежала огромная общественно-трудовая и домашняя нагрузка, именно они, как правило, стояли во главе семьи.

Советские мужчины монополизировали наиболее влиятельные и престижные социальные позиции, однако всегда находились под пристальным вниманием государственных органов.

Крах советской системы фактически стал крахом и гендерной системы советского общества: женщинам больше не гарантировались рабочие места, система социальных льгот не оказывала реальной помощи; материнство стало частным институтом и частной ответственностью; массовое падение зарплаты в таких традиционных «мужских» отраслях, как тяжелая промышленность, угледобыча, металлургия, «оборонка», обострило «кризис маскулинности».

С одной стороны, постсоветская эпоха, в воспроизводстве гендерной системы общества опиралась на сформированные ранее ценности

и стереотипы, а с другой – из-за отстранения государства от формулирования гендерной политики гендерные отношения обострились.

Мужчины, обладающие высоким социальным статусом, по-прежнему сохранили доминирование в публичной сфере, однако большинство мужчин из-за проблематичности реализации традиционных ролей профессионала на рабочем месте и кормильца в семье в условиях экономической нестабильности переживают «кризис идентичности», выход из которого некоторым видится весьма деструктивно (так, в конце XX века Россия занимала второе место в мире по самоубийствам). Женщины, лишившись институциональной поддержки государства для выполнения привычной роли работающей матери и при «натренированном» удалении отца от семейных проблем, оказываются «один на один» с трудностями выживания семьи и воспитания детей.

Исследовательницы подчеркивают, что отсутствие четкой гендерной политики государства в постсоветский период проблематизирует гендерные отношения, что негативно сказывается на социальной стабильности общества.

«Несостоявшаяся маскулинность»?

В работе «”Несостоявшаяся маскулинность” как тип поведения на рынке труда» И. Тартаковская поясняет, ссылаясь на работы С. Ашвина, С. Кухтерина, С. Мещеркиной, что советский тип мужественности складывался под сильнейшим влиянием политики гипермаскулинного милитаризованного государства [Тартаковская И., 2003].

С точки зрения И.С. Кона, в России в связи с войнами и политическим кризисам во многие исторические периоды был востребован именно герой-воин, что существенно повышало вес так называемых «маскулинных качеств» [Кон И.С., 2002]. «Настоящий мужчина» самореализовывался только на «службе Родине», за которую должно было отдать жизнь. Мирная жизнь при такой идеологии максимально приближалась к военным действиям (И. Тартаковская в качестве примера «риторики боя» в мирной жизни приводит «битвы за урожай»).

Е. Здравомыслова и А. Темкина описывают кризис «позднесоветской маскулинности» как своеобразную теорию виктимизации мужчин, со-

гласно которой они рассматривались в качестве пассивных жертв собственной биологической природы или структурно-культурных обстоятельств [Здравомыслова Е., Темкина А., 2002]. Аргументы для данной теории представлялись в демографическом (мужчины составляют количественное меньшинство населения), биологическом (мужчины как биологический вид менее жизнеспособны) и модернизационном (модернизация и развитие технологии несут угрозу для мужчин) аспектах.

Утверждая несостоятельную мужественность позднесоветского периода, исследовательницы называют четыре нормативные модели мужественности, идентифицированные в процессе исследований. Это гегемонная советская маскулинность (образ отца – участника героической индустриализации страны и Великой Отечественной войны), традиционная русская маскулинность (в двух версиях – мужик и аристократ) и западная гегемонная маскулинность (образ ковбоя, независимого, благородного, уверенного в себе, одинокого, строящего жизнь в согласии с кодексом чести, готового и способного защитить слабого) [Здравомыслова Е., Темкина А., 2002]. Однако все нормативные модели успешной мужественности, подчеркивают исследовательницы, были несостоятельными по историческим и экономическим причинам.

Характеристики постсоветской мужественности

И. Тартаковская, признавая успешность мужественности как ключевую характеристику, среди специфических культурных черт постсоветской российской маскулинности называет отказ от личных амбиций в пользу коллективистской идеологии, готовность довольствоваться малым, помещение в центр мужской идентичности профессионального успеха, опору на отличие от женщин, если по другим критериям не удалось добиться положительных результатов. Также исследовательница отмечает недостаток позитивных версий легитимного маскулинного сценария [Тартаковская И.Н., 2003].

Военизировав советскую мужественность и лишив советского мужчину защищенного семейного статуса, советская идеология обезоружила частную жизнь. Насилие в современной семье со стороны мужа или отца, по данным социологических исследований, признает каждая

четвертая москвичка и треть разведенных женщин [Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М., 1999, и др.].

Новая мужская идентичность в постсоветский период, по мнению Е. Здравомысловой и А. Темкиной, строится на основе недостижимых в советское время нормативных моделей «настоящего мужчины», складываясь из фрагментов идеализированных прежних Других [Здравомыслова Е., Темкина А., 2002].

Это модель нового мужчины-карьериста, ориентированного на видимость и потребление, с профессионализированной личной сферой (с редуцированной семьей) и персонализированной деловой [Юрчак А., 2002].

При этом происходит не только персонализация сферы бизнеса, но и маскулинизация – выдавливание из деловой сферы женщин, лишение их власти, воспроизводство иерархий и стереотипов, основанных на мужском шовинизме. Однако А. Юрчак считает, что данная новая модель не является уникальным российским достижением, а процессы персонализации сферы бизнеса и профессионализации личной жизни во многом следуют универсальной логике глобального рынка позднего капитализма.

Новые модели: карьеристы, денди и другие

«*Понятие успешной маскулинности в российском бизнесе, как и в японской корпоративной культуре, определяется не только через полное доминирование мужчин, но и через пространственную, временную и эмоциональную непрерывность сферы бизнеса. Этот мужчина занят бизнесом, в той или иной форме, постоянно – на работе, в семье, в любви, в сексе, в дружбе, на отдыхе и т.д. Такая модель маскулинности легче объективируется и контролируется по принципам и задачам бизнеса. Она не только дает преимущества в сфере бизнеса именно мужчинам, воспроизводя властные отношения по идеологии мужского шовинизма, но также выступает как технология по постепенному переустройству человеческого существования по принципам рынка*» [Юрчак А., 2002, с. 251].

Другая новая модель – денди – считается новой отчасти, поскольку является «хорошо забытым старым». Б.Д. Бэр подчеркивает: «*Денди*

уже не воспринимается как символ декадентствующего Запада; сегодня этот образ – и весь комплекс представлений, с ним ассоциирующихся, – превращается в понятие, противопоставляемое советскому канону, и являет собой одну из возможных альтернатив в постсоветском обществе» [Бэр Б.Д., 2002, с. 557].

Е. Мещеркина в качестве новых моделей предложила рассматривать модели маскулинности среднего и рабочего класса, при этом представители среднего класса (бывшая техническая интеллигенция) более, чем представители рабочего класса, склонны к идеологическим представлениям о предназначении женщины, нагруженным патриархатными стереотипами, то есть более склонны к сексизму и фрустрации относительно проблематизации мужской роли [Мещеркина Е., 2002].

Поиск специфики «российской мужественности» Э. Боренстейн находит на страницах российских (постсоветских) мужских журналов [Боренстейн Э., 2002]. «Русскость» читателей-мужчин на данных страницах конструируется посредством национализма и сексуальной состоятельности (жестко-гетеросексуальной), с акцентуацией внимания на угрозе исчезновения (вымирания) «русского мужика». Данная модель мужественности конструируется как идеологический проект по компенсации травмы, связанной с утратой позиций мирового господства, а секс становится магической формулой, которая необходима «русскому мужчине» для того, чтобы справиться с перенесенным шоком.

Негегемонный инвариант «женственной» российской мужественности, представленный по мотивам фольклора Н.Л. Пушкаревой, с трудом просматривается в описываемых исследователями образах (пожалуй, только среди рабочих в исследовании Е. Мещеркиной возможно найти классического «Ивана-дурака/царевича»). Идентифицированные исследователями модели преуспевающей постсоветской мужественности, «выходящей из кризиса маскулинности», помещая попрежнему в центр «мужской истории», «мужского нарратива» гегемонную патриархатную мужественность, утверждают и множат приемлемые версии мужественности, ориентированные на потребление и гедонизм.

ЧАСТЬ II. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ГЛАВА 3. Психодиагностика в «мужских исследованиях»

3.1. Анализ психодиагностического инструмента для изучения мужской идентичности

В настоящее время, несмотря на активное развитие российских гендерных исследований в области социальных наук (Е. Баллаева, О. Воронина, Е. Здравомыслова, Е. Мещеркина, И. Клецина, Т. Клименкова, И. Кон, Е. Омельченко, И. Тартаковская, А. Темкина, Л. Попова, Н. Пушкарева, З. Хоткина, Н. Шведова, Л. Штылёва, Е. Ярская-Смирнова и др.), проблемы гендерной социализации остаются по-прежнему недостаточно изученными.

Современный мир динамичен, в результате происходящих изменений во многих сферах человеческой жизни изменяется гендерная культура общества, а значит – и содержание гендерной социализации. Необходимы научные исследования, раскрывающие и отслеживающие изменения содержательных и структурных сторон гендерной социализации, их детерминация развития личности современных детей, подростков и взрослых. В этом ключе сложная и актуальная задача – изучение того, как воспроизводится и изменяется «мужественность» как социокультурный конструкт и конструкт, формирующий личность мужчины, конструкт, субъектное прочтение которого приводит на индивидуальном уровне к построению мужской идентичности.

Однако необходимо констатировать, что на сегодняшний день для изучения особенностей конструирования мужской идентичности практически отсутствует адекватный психодиагностический инструментарий.

Бинарная оппозиция
в психодиагностическом
инструменте

С одной стороны, проблема социальной идентичности в принципе сложна для изучения, в том числе и при использовании стандарти-

зированных методик, с другой стороны, именно «мужская» или «женская» идентичность не могла быть представлена в психодиагностическом контексте из-за недостаточно разработанного теоретического аппарата. Так, долгое время изучались маскулинные и феминные «черты» (особенности, качества личности), которые считались строго дихотомическими, взаимоисключающими, и всякое отступление индивида как представителя определенного пола от стандартов маскулинности или феминности (в зависимости от биологического пола) воспринималось как патология или шаг к ней [Кон И.С., 2002].

В 30–60-х годах XX века психологами было создано несколько специальных шкал для измерения «маскулинности – феминности» (например, шкала маскулинности-феминности опросника MMPI, шкала маскулинности Дж. Гилфорда, шкала «феминности-маскулинности» Р. Кеттела и др.). Все эти шкалы предполагали, что в пределах некоторой нормы индивиды могут различаться по степени выраженности у них «маскулинных» и «феминных» качеств, свойств, но сами свойства по-прежнему представлялись альтернативными, взаимоисключающими: высокая маскулинность должна коррелировать с низкой феминностью, и наоборот, причем для мужчины нормативна, желательна высокая маскулинность, а для женщины – высокая феминность [Кон И.С., 1981][7].

Мужское и женское: возможность андрогинии

Постепенно жесткий нормативизм уступил место идее континуума маскулинно-феминных свойств.

Примером создания подобного «единого пространства» маскулинного и феминного стала концепция психологической андрогинии Сандры Бем, которая явилась противопоставлением традиционной психологии маскулинности и феминности [Bem S., 1974].

«Андрогиния»[8] – понятие, характеризующее людей, успешно сочетающих в себе как традиционно мужские, так и традиционно женские

[7] Данный подход к изучению гендерной идентичности, безусловно, опирается на выводы ортодоксального психоанализа, гласящего, что мужественность и женственность – противоположные и взаимодополняющие социально-психологические конструкты.

[8] Андрогины – мифические существа, перволюди, соединяющие в себе мужские и женские половые признаки [Платон. «Пир», речь Аристофана].

психологические качества. Понятие «психологическая андрогиния» впервые было использовано К. Юнгом при анализе коллективного бессознательного мужчин и женщин [Юнг К.Г., 1995].

К. Юнг утверждал, что бессознательное каждой женщины содержит «мужской архетип» Анимус, а бессознательное каждого мужчины – «женский архетип» Анима. Таким образом, психологически каждый человек несет в себе и мужское, и женское начала.

Если внимательно вчитаться в современные исследования, посвященные «психологии пола», то становится ясно, что они не особенно согласуются с первоначальным «посланием» К. Юнга об «андрогинности» психической жизни человека, склоняясь скорее к идее стремления согласования, «резонанса» «биологического» и «психологического» пола [см., например: Разумникова О., 2004, и др.].

Тем не менее минимальное разрешение на «свободу» было получено, большинство психологов по следам возможной «андрогинии души» стали склоняться к тому, например, что мужчина может быть сильным и энергичным, не будучи при этом непременно грубым и агрессивным, а женская нежность не обязательно пассивна [Каган В.Е., 1989].

Таким образом, появление в научном психологическом аппарате понятия «психологическая андрогиния» и рассмотрение его в рамках нормы давало конкретной личности возможность не следовать абсолютно во всем полоролевым нормам, свободнее переходить от традиционно женских занятий к мужским и при этом не быть маркированной как «отклоняющаяся от нормы» [Bem S., 1974].

На основе концепции андрогинии С. Бем создала опросник по изучению маскулинности-феминности. В соответствии с предположением о «психологической андрогинии», он состоял из пары двухполюсных конструктов (феминное/маскулинное) и разделял все поле значений на четыре области – группы (таблица 5).

Таблица 5.
Типы на основе психологии пола С.Бем

Маскулинность / **Феминность**	***Выражена***	***Не выражена***
Выражена	Андрогинный тип	Феминный тип
Не выражена	Маскулинный тип	Недифференцированный тип

Концепция андрогинии оказалась психологически привлекательной, но не особенно продуктивной в понимании «социального конструирования» обществом мужчин и женщин, поэтому в дальнейшем С. Бем предложила концепцию «гендерных линз» в качестве более адекватного инструмента для анализа гендерной социализации и гендерной идентичности [Бем С., 2004].

В теории «гендерных линз» С. Бем подвергла критике саму идею приписывать человеческим качествам и поведению маркеры мужского и женского (то есть в целом категорически отвергла свой прежний подход, на котором базировался опросник по изучению маскулинности-феминности).

В новой теории исследовательница убедительно доказала, что представления о мужчинах и женщинах, укоренившиеся в культуре и социальных институтах, трансформируются в представления индивида и «саму его психологию». Анализируя механизмы, посредством которых формируется система познания на основе пола, С.Бем в своем новом исследовании продемонстрировала, как в такой системе половые признаки искусственно связываются с огромным количеством (так, смелость и власть приписываются мужчинам, а робость и пассивность – женщинам) [Ходырева Н.В., 2004].

На основе выделения трех основных линз гендера (андроцентризма, гендерной поляризации и биологического эссенциализма) автор рассматривает, как социальное восприятие через данные линзы выражается в социальной практике – дискриминации женщин и сексуальных меньшинств. Но, несмотря на важность и научную новизну теории «гендерных линз» в понимании процессов гендерной социализации и конструирования гендерной идентичности, новый психодиагностический инструментарий в данной работе предложен не был.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что все представленные выше дискуссии касаются зарубежной психологии. К сожалению, приходится констатировать, что в России в данной области существует отставание – практически столетнее, то есть в работах российских психологов и педагогов по-прежнему можно встретить понимание маскулинности и феминности как дихотомических черт.

Так, выдвигались идеи о том, что залогом физического и психического благополучия является поведение, строго соответствующее полу индивида, то есть феминное у девочек и маскулинное у мальчиков.

В рамках данного подхода учеными выдвигается тезис об опасности размывания нравственных и «психических граней» между мужчинами и женщинами – исторически сложившимися культурными стереотипами мужественности и женственности [Гарбузов В.И., 1985, 1994, и др.], а также доказывают необходимость дифференцированного воспитания и обучения [Пижурина, 1998; Сычева, 1997; Еремеева, 1984].

Возможно, на этом фоне бесконечной теоретической и методологической отсталости концепция «психологической андрогинии» Сандры Бем в России по-прежнему выглядит и более гуманистически, и более научно, а ее опросник по определению взаимосвязи «феминных» и «маскулинных» характеристик личности оказывается удобным психодиагностическим инструментом, что позволяет многим российским психологам использовать и устаревший теоретический аппарат «психологической андрогинии», и психодиагностический инструмент С. Бем.

Мы в свою очередь разделяем новую концепцию «гендерных линз» С. Бем, а также социально-конструктивистский подход в понимании гендера, поэтому долгое время находились в поиске адекватного психодиагностического инструментария для изучения гендерной идентичности личности.

Гендерная идентичность в социальном конструктивизме

В начале этого поиска мы опробовали качественный подход и его возможности в изучении мужской идентичности, а именно фокус-группу и интервью [по данной проблеме см., например: Радина Н.К., 2003].

Традиционно гендерные исследования ориентированы именно на качественный подход и качественную методологию как более «чувствительную» к индивидуальности [Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2000; Мещеркина Е.Ю., 2001; Семенова В.В., 1998, и др.].

Однако на следующем этапе, когда исследовательские задачи потребовали более широких обобщений (например, в изучении закономерностей гендерной социализации), мы неизбежно обратились к количественному подходу и опросникам [Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М., 1989].

Поскольку нами не были обнаружены адекватные опросники для изучения гендерной идентичности, мы использовали стандартные опросники для изучения персональной идентичности [Радина Н.К., Терешенкова Е.Ю., 2006], однако разделяли выборку на мужскую и женскую и анализировали особенности гендерной идентичности, опираясь на идею связи персональной и социальной идентичности [Павленко В.Н., 2000].

Несмотря на то что подобная стратегия оказалась результативной, а исследование дало результаты, которые впечатляюще и логично согласовывались с гендерной теорией, мы все более определенно осознавали потребность в новом количественном психодиагностическом инструменте для изучения гендерной идентичности – мужской или женской – как части социальной идентичности личности. Итогом этого поиска стал опросник, который представлен в приложении, позволяющий, учитывая субъектность и индивидуальную свободу, присущую социальному конструктивизму, анализировать, как развивается «мужская идентичность».

3.2. Качественные методы в изучении мужской идентичности: биографическое интервью

Значительное число гендерных исследований в социальных науках выполнено по ряду причин в русле качественной методологии. Утверждение самого термина «гендер» стало возможно благодаря развитию в социальных науках социально-конструктивистской парадигмы, опирающейся на качественный подход в исследованиях. С другой стороны, именно качественный подход многие методологи считают оптимальным на этапе освоения нового пространства, каким и является понимание социальной сконструированности гендерных отношений (таблица 6).

Таблица 6.
Характеристики качественных и количественных методов

Основания для сравнения	Качественные методы	Количественные методы
Цель использования	Знакомство с проблемой, переход на новый уровень понимания проблемы	Выявление закономерностей
Статистические процедуры	Игнорирование методов математической статистики	Акцент на методах математической статистики
Выборка	Меньшая	Большая
Парадигма	Близка к «понимающей психологии», индуктивный анализ	Близка к естественнонаучной парадигме, дедуктивный анализ
Происхождение	Из гуманитарных наук	Из естественных наук
Методики	Нестандартизированные	Стандартизированные
Проблематика	Более частная	Более общая
Преимущества	Открытое восприятие разнообразия феноменологий социально-психологических явлений, более глубокий анализ, экономичность	Больший охват, возможность больших обобщений, относительная легкость обработки результатов
Недостатки	Большая вероятность субъективизма в анализе, сложность анализа полученных данных, необходимость участия высококвалифицированных исследователей	Заданные рамки в анализе социально-психологической реальности, невозможность исследовать те явления, которые не укладываются в исходную концепцию

Качественный подход предполагает изучение субъективной ценности, значимости какого-либо предмета или явления для человека, исходя из его социального опыта. Результаты качественного исследования анализируются не математически, а путем аналитического раскрытия их субъективного смысла. Как правило, качественные методики используются при изучении нетипичного индивидуального опыта, а также в новых исследовательских ситуациях, где нужно понять природу неизвестного феномена, детально описать новые аспекты уже известных проблем или раскрыть субъективные смыслы или механизмы функционирования социальной практики, недоступные при массовых опросах.

Качественные методы конструктивистского исследования

Гендерные исследования на основе количественного подхода, как правило, используют элементы гендерного анализа, а именно социально-конструктивистские интерпретационные схемы на этапе обобщения результатов проведенного исследования. Однако в рамках качественного подхода возможно последовательное и строгое соблюдение требований, предъявляемых к социально-конструктивистскому исследованию на всех этапах планирования и проведения исследования.

Поскольку интервью может быть построено в русле как качественного, так и количественного подхода, отметим, что российскими социологами для изучения гендерной идентичности рекомендуется использовать глубинное биографическое интервью, представляющее именно качественный подход в социальных науках [Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2000, и др.].

Благодаря глубинному биографическому интервью возможно идентифицировать специфику конструирования гендера (и в частности, мужественности) в процессе гендерной социализации.

Мы полагаем также, что полуструктурированное биографическое интервью А. Кроника (психологическая методика «Линия жизни») [Кроник А.А., Ахмеров Р.А., 2008], включающее как элементы качественного, так и элементы количественного подхода, также может быть использовано для изучения развития гендерной идентичности.

Проанализируем возможности глубинного и полуструктурированного биографических интервью и стоящих за ними исследовательских стратегий, проясняя специфику работы с исследовательским инструментарием, а также результаты, которых возможно достичь с использованием этих вариантов биографического интервью.

Биографическое интервью и герменевтические традиции

Е.Ю. Мещеркина определяет биографическую самопрезентацию как доступ к процессу интернализации социального мира в процессе социализации, доступ к правилам упорядочения биографического опыта, вычленению его образцов с целью ориентации в социальном мире. Биография интегрирует различные жизненные практики, а в случае с гендерной социализацией – гендерномаркированные практики, в единое целое и вследствие этого принадлежит к центральным методам. Фактически можно утверждать, что биографический метод отражает осознание и вербализирует социализацию личности в обществе, при этом коммуникация в процессе нарративного интервью сходна с коммуникацией в повседневности: развивается структура разговора и обеспечивается понимание [Мещеркина Е.Ю., 2001].

Предлагая биографическое интервью в качестве инструмента для изучения мужской идентичности, необходимо, таким образом, подчеркнуть, что в интервью нам раскрывается гендерная (например, мужская) социализация (как процесс), а ее результат на личностном уровне (понимание собственно гендерной идентичности) из текста интервью будет необходимо «извлечь», то есть получить при помощи специальных техник анализа и интерпретации.

Е.Ю. Мещеркина в построении глубинного биографического интервью рекомендует двухступенчатую форму: основной биографический рассказ (без наводящих вопросов и подсказок) и фазу нарративных расспросов, уточняющих детали после основной биографической части.

Исследовательница предлагает следующую схему организации глубинного биографического интервью: после первого знакомства интервьюируемому предлагают, концентрируясь на ранних воспоминаниях, рассказать свою жизнь, в то время как интервьюер заинтересованно выслушивает рассказчика. Начало беседы Е.Ю. Мещеркина рекомендует построить следующим образом: «*Мы интересуемся тем, какое влияние оказали пережитые события на вашу жизнь. Речь идет не о больших исторических событиях, а о глубоко личном их переживании, то есть мы просим вас рассказать о пережитом вами, как это начиналось,*

происходило и заканчивалось» [Мещеркина Е.Ю., 2001, с. 178]. Исследовательница отмечает важность оптимистичного расставания интервьюера и рассказчика, что во многом обусловлено подготовкой и профессионализмом социолога-качественника.

Полученный текст интервью транскрибируется вне литературной корректуры, с фиксацией пауз, сохранением всех паралингвистических реакций и других речевых особенностей. Также интервьюеру рекомендуется делать записи по процедуре интервью.

В качестве инструментов для интерпретационных действий, ссылаясь на традиции герменевтики, Е.Ю. Мещеркина предлагает реконструктивный анализ и селективный анализ. Цель реконструктивного анализа – отличного от индукции и дедукции – поиск структуры общего типа. Секвенциональный анализ означает генерирование возможных гипотез по поводу эмпирических данных, формулирование следствий из гипотез о возможном дальнейшем развитии (гипотезы-следствия) и контрастирование или сравнение с фактически произошедшим событием [Мещеркина Е.Ю., 2001, с. 183].

Генетический и секвенциональный анализ биографического интервью

В случае биографического анализа рассказанных историй жизни Е.Ю. Мещеркина рекомендует проводить секвенциональный анализ в двух аспектах: генетический анализ, то есть анализ процессов воспроизводства и трансформации в биографии (речь идет о реконструкции наслоений опыта и пережитого в истории жизни в порядке хронологического времени), и текстуальный анализ, анализ биографии как конструкта в плоскости рассказа (отдельные темы здесь – элементы одного тематического поля).

Важно отметить, что у социологов-качественников и у психологов, ориентированных на консультирование, например, в клиент-центрированной парадигме, в понимании текста совпадает оценка субъективного опыта как самоценного вне биографической правдоподобности, «интерпретации подлежит изображение событий, а не собственно биографический опыт» [Мещеркина Е.Ю., 2001, с. 185]. В

дальнейшем, на этапе интерпретации, рекомендуется, реконструируя при генетическом анализе последовательность событий и тем, а при секвенциональном – секвенции, темы, сравнивать оба уровня анализа текста.

Поскольку Е.Ю. Мещеркина описывает глубинное биографическое интервью вне специальной проблематики изучения гендерной идентичности, для исследователя, выбравшего данный метод изучения, необходимы дополнительные действия, чтобы в итоге получить желаемое, разобраться, как же конструировалась гендерная (а случае интервью с мужчиной – мужская) идентичность. Самая простая рекомендация в данном случае может состоять в том, чтобы при анализе текста биографии пользоваться теоретической схемой гендерной социализации, включающей краткое описание содержания, институтов и агентов для сопоставления «теоретического видения» и практической реализацией (в виде описания действий, переживаний, мыслей, репрезентирующих гендерную идентичность личности в интервью). Рассмотрим, как это может выглядеть в реальной исследовательской практике.

Пример отрывка глубинного биографического интервью

<u>Г., 23 года студент:</u>

Ну, начнем с того, что мой отец, скажем так, приняв волевое решение, э-э… отдал меня в детский дом. Но все началось как бы задолго до этого… э-э... как бы… когда это произошло в первый раз, скажем так, я попал в этот детский дом №... г. Санкт-Петербурга. Э-э, у меня у мамы после моего рождения появились некие психические отклонения, в связи с чем как бы соседи… ну, в один прекрасный день им, в общем-то, это надоело и они вызвали «скорую». Ну, значит, маму увезли и меня, соответственно, в детское учреждение отдали. Вот. Как бы... ну, вот я попал туда, там, по-моему, жил год или полтора. Мне было где-то три, четыре или пять лет, где-то так. Ну, скорее всего, что было именно три, скорее всего, было года четыре-пять, вот так вот. Ну да, скорее всего, было три с копейками, я там прожил года четыре или пять. Тот директор, который там сейчас у нас, в то время была моя воспитательница. Логопед, которая тоже там сейчас работает, тоже была моей воспитательницей, вот. М-м, ну и... как бы я там пожил недолго, меня назад забрали. Причем, я не помню сейчас, кто меня забрал, потому что непонятно, кому отдавали. Потому что по идее забирали меня как-то тетя и бабушка, а забирал, получается, я так понял, что отец...

Итак, генетический анализ предполагает реконструкцию последовательности жизненной истории, и в данном случае мы начинаем анализ с выстраивания логики перемещения ребенка, лишенного родительского попечения, которую сохранил в своей памяти интервьюируемый. Если же соблюдать требование интеграции генетического и секвенционального анализа, мы одновременно в тексте интервью выделяем секвенции (темы) – тематизируем текст. Необходимо также в процессе анализа зафиксировать волнение и эмоциональное напряжение интервьюируемого, которое проявилось в тексте в виде путаницы с датами перемещения ребенка из семьи в интернат и снова в семью. В итоге этой длительной и творческой аналитической работы мы можем получить реконструированную биографию, однако историей конструирования «мужской идентичности» она станет или благодаря фазе нарративных расспросов, или благодаря анализу, сфокусированному на нормах «мужской социализации».

Биографическое интервью и этнометодология Гарфинкеля

Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина предлагают несколько иную схему анализа глубинного биографического интервью, при этом подчеркивая, что в их варианте это именно методика изучения гендерной идентичности, которую они называют «анализ категоризации взаимодействия» (методологическая основа – этнометодология Г. Гарфинкеля) [Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2000].

Исследовательницы описывают гендерную идентичность как совокупность смыслов, приписываемых полу в разных взаимодействиях и контекстах, и зафиксированность в определенных категориях, поэтому задачей исследования гендерной идентичности становится выявление того, каким образом вербально создаются мужская и женская идентичности во взаимодействии «лицом к лицу», в каких сферах и каким образом они поддерживаются и воспроизводятся.

Исследовательницы считают, что реконструкция гендерной идентичности участников взаимодействия осуществляется на основании интерпретации ими своего опыта, поэтому данный опыт необходимо идентифицировать, зафиксировать (описать) и проинтерпретировать.

Тексты собранных интервью должны анализироваться (интерпретироваться) экспертной группой на основе принципа триангуляции (перекрестная интерпретация фрагментов текста несколькими исследователями). Интерпретация предполагает выделение в тексте:

- категорий (существительных и прилагательных);
- лексем, обозначающих виды действий и отношений (глаголы и отглагольные формы);
- моральной оценки, которой наделяются категории и соответствующие им действия и отношения.

Результатом анализа со стороны исследователя будет «насыщенное (плотное) описание» – то есть обнажение совокупности смыслов взаимодействия, представленной с точки зрения действующего лица.

В примере, который исследовательницы более подробно разбирают в статье, презентирующей эту методику изучения гендерной идентичности, дана «сексуальная биография», что, с одной стороны, облегчает решение поставленной задачи представления методики (в тексте интервью определенно возникают герои – гетеросексуальные пары – во взаимодействии), с другой стороны – затрудняет его (может произойти, особенно у начинающих гендерных исследователей, слипание понимания взаимодействия между полами и сексуального взаимодействия).

Биографическое интервью и методика А. Кроника

Полуструктурированное биографическое интервью на основе методики А. Кроника «Линия жизни» [Сколько Вам лет?.., 1993] также может быть использовано для изучения идентичности личности – как персональной, так и социальной (в том числе гендерной). Однако если в варианте Е.Ю. Мещеркиной эта задача решается благодаря фазе нарративных расспросов, а в варианте Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной – благодаря акценту на взаимодействии в тексте рассказа, то в данном варианте исследователю следует самостоятельно разработать систему вопросов для идентификации интересующего материала в биографии на каждом этапе работы с методикой.

Поскольку вариант А. Кроника был разработан в традициях российской психологии, мы считаем, что его идейной основой являет-

ся субъектно-деятельностный подход, согласно которому «образ мира» (по А.А. Леонтьеву), реконструируемый в процессе рассказа о своей жизни, есть отражение направленности личности [Леонтьев А.А., 1997].

Полуструктурированное биографическое интервью А. Кроника построено таким образом, что интервьюируемый разделяет всю жизнь на этапы, при этом также планирует будущее, на каждом этапе определяет «значимых других», и наиболее существенные, «значимые события».

Данная методика также предлагается и в компьютерном варианте [Кроник А.А., Ахмеров Р.А., 2008], однако тогда она теряет вариативность с точки зрения целей исследования, «ручная» же обработка, при всей ее затратности, позволяет управлять фокусом исследовательского внимания.

В целом, неся потери в области своеобразия представленной истории, полуструктурированный вариант биографического интервью А. Кроника позволяет выделять общие единицы анализа и использовать некоторые количественные процедуры, интегрируя качественную и количественную стратегии, что в итоге дает возможность исследователю сравнить представленные биографии, определить общее и различное у групп, а не только у индивидов [Радина Н.К., Павлычева Т.Н., 2010].

Размышляя о возможностях использования биографического интервью для целей изучения мужской идентичности, необходимо отметить следующее:

- интервью дает уникальный материал для исследовательского анализа, однако этот метод весьма затратен на стадии обработки;
- классическое биографическое интервью необходимо модифицировать под задачи исследования, а для грамотной модификации значима квалификация исследователя;
- необходима экспертная группа для формулирования адекватных суждений и интерпретаций по итогам анализа текстов;
- для осуществления анализа текста интервью необходимы опыт и высокая квалификация экспертов;
- предпочтителен индивидуальный анализ – групповой анализ затруднен или требует дополнительных исследовательских действий.

Таким образом, признавая интервью как гибкий и информативный исследовательский метод в изучении мужской идентичности, для дальнейшего развития гендерных исследований необходимо искать и апро-

бировать и другие исследовательские методы, в традициях как качественного, так и количественного исследований.

3.3. Изучение мужской идентичности при помощи качественных методов: фокус-группа

В одном из исследований, посвященных реконструкции моделей маскулинности, Е.Ю. Мещеркина использует фокус-группу как метод изучения гендерной идентичности [Мещеркина Е.Ю., 2002]. Проанализируем возможности данного метода с точки зрения интересующей нас проблемы исследования.

Фокус-группа – один из качественных методов социально-психологических исследований [Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В., 1997], который представляет собой групповое фокусированное полустандартизированное интервью, проходящее в форме групповой дискуссии и направленное на получение от участников «субъективной» информации о том, как они воспринимают различные явления [Богомолова Н.Н., Мельникова О.Т., Фоломеева Т.В., 1996, с. 281].

Возможности
фокус-группы

Фокус-группа позволяет реконструировать социальные представления о гендерных нормах в обществе, описать и анализировать структурные и содержательные характеристики гендерной социализации, реконструировать обобщенное, а следовательно, доминирующее понимание мужской и женской идентичностей. Особенно важно отметить, что при использовании фокус-группового метода исследователь всегда открыт к социальным изменениям и способен уловить (а значит, описать и проанализировать) заранее непредсказанные и неожиданные характеристики, например обобщенный образ гендерной идентичности, характерный для той или иной социокультурной ситуации.

Особенности проведения фокус-группового исследования описаны в ряде социально-психологических и социологических источников [Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В., 1997; Мещеркина Е.Ю., 2002; Радина Н.К., 2003, и др.].

К оснащению при проведении фокус-группового исследования относят список вопросов («топик-гайд»); карточки с именами для участников дискуссии, в том числе для модератора и наблюдателей; демонстрационную доску, стол и маркеры, также может использоваться видеокамера или магнитофон.

Порядок фокус-группового исследования предполагает три этапа. На первом этапе составляется и обсуждается список вопросов, состав приглашенных участников дискуссии, на втором – проводится групповая дискуссия, далее зафиксированные результаты дискуссии обрабатываются и анализируются.

Особые требования предъявляются к рекрутированию участников групповой дискуссии (шесть – восемь человек для одной фокус-группы). Возможные критерии отбора – социально-демографические, статусные, материальные и т.д. характеристики, связанные с задачами исследования. Исключаются неконтактные и неуравновешенные люди. Качество рекрутирования участников фокус-группы во многом определяет успех исследования.

«Топик-гайд» содержит вопросы для вступительной части («разогрева»), фоновые вопросы (10 минут), основные вопросы (не более часа), дополнительные вопросы (10 минут) и вопросы, подводящие итог дискуссии (5 – 8 минут).

Процедура фокус-группового исследования

Основные требования, определяющие порядок работы в фокус-группе:

1. Вопросы следуют в логическом порядке.
2. До групповой дискуссии устанавливается доверительный контакт группы и модератора, членов группы друг с другом.
3. Дискуссия завершается вежливо и логично.

Во вступлении (не более 15 минут):

- дается краткая характеристика исследования, в котором собравшиеся примут участие (акцент на серьезном отношении к проблеме и внимании к собственным мыслям и чувствам по поводу к обсуждаемого вопроса);

- акцентируется ценность каждого мнения;
- знакомятся все, начиная с исследовательской группы;
- поясняется роль наблюдателей, а также необходимость технических средств (видеокамера, магнитофон).

Фоновые вопросы можно задавать в начале работы. Благодаря фоновым вопросам создается непринужденная дружеская обстановка.

Следует избегать раньше времени говорить по теме исследования, лучше выбрать нейтральные темы (погода, спорт, дети).

Не следует обсуждать вопросы, которые вызовут полярные мнения (религия, политика и т.д.) и настроят членов фокус-группы враждебно по отношению друг к другу.

Первый вопрос модератора «разбивает лед». Его итогом должен стать вывод, что участники могут иметь общее мнение.

Модератор сужает дискуссию, естественно переходя от общих к основным вопросам.

Обсуждение в группе начинается с открытых вопросов, которые дают разнообразный «веер» мнений.

В конце обсуждения модератор задает закрытые вопросы, чтобы получить информацию о конкретных проблемах.

Завершение фокус-группы предполагает контроль заданных вопросов из предварительного списка и благодарность участникам дискуссии.

Задача модератора заключается в том, чтобы добиться от участников откровенного обмена опытом и мнениями.

Модератору в процессе проведения групповой дискуссии стоит обратить внимание на следующие вопросы:

- знание текста вопросов наизусть для полной свободы ведения дискуссии;
- максимально комфортное расположение участников фокус-группы;
- поддержание атмосферы доверия в группе;
- внимание к «языку тела» участников дискуссии;
- соблюдение регламента [Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В., 1997].

Необходимые психологические характеристики модератора: хорошая память, умение слушать, устанавливать контакт, искренний интерес к другим людям, доброжелательность, толерантность, чувство времени, отличные речевые навыки (как письменные, так и устные), чувство юмора.

К сконструированным характеристикам внешности модератора для обеспечения успешности исследования, как правило, относят его сход-

ство с участниками группы. Прическа, одежда (и даже, по мнению ряда исследователей, пол) модератора должны быть идентичными таковым членов группы, насколько это возможно.

К профессиональным умениям относится высокая коммуникативная компетентность.

К типичным ошибкам при проведении фокус-группового исследования относят следующие:

- модератор не может скоординировать дискуссию так, чтобы «нейтрализовать» некоторых чрезмерно активных испытуемых;
- модератор ведет фокус-группу так, что участники могут догадаться о его мнении по изучаемому вопросу;
- в помещении присутствуют «дополнительные наблюдатели», что сказывается на качестве и свободе дискуссии;
- участник фокус-группы уже имеет опыт участия в групповой дискуссии;
- участник фокус-группы является экспертом в изучаемом вопросе;
- в процессе дискуссии говорят несколько человек, перебивая друг друга, что усложняет расшифровку полученных данных;
- используется несколько микрофонов с магнитофонами, запись идет на разные магнитофоны, тем самым затрудняя анализ результатов групповой дискуссии;
- не используется стол, испытуемых сажают в круг, как во время тренинга [Богомолова Н.Н., Мельникова О.Т., Фоломеева Т.В., 1996; Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В., 1997].

Отчет по фокус-групповому исследованию

После проведения групповой дискуссии данные расшифровываются, представляются в виде текста, который в дальнейшем анализируется, на основе чего составляется отчет.

Как правило, в процессе исследования одной теме посвящают 5 – 10 групповых дискуссий, в которых участвуют в общей сложности от 30 до 80 человек.

В процессе анализа результатов фокус-группового исследования ответы и мнения участников группы по каждому из обсуждавшихся вопросов группируются на одном или нескольких листах бумаги.

В том случае, если групп несколько, используют ручки или карандаши разных цветов.

При анализе высказываний каждой группы по тому или иному вопросу можно использовать цитаты, четко и конкретно выражающие важную точку зрения. Эти цитаты включаются в отчет как иллюстрация определенной позиции.

Примеры фиксации ответов на вопросы в процессе фокус-группового исследования

Вопрос № 1: Что, с Вашей точки зрения, означает выражение «быть настоящим мужчиной»?	
Девушки (6 участниц)	Юноши (2 участника)
Большинство девушек конструируют образ «настоящего мужчины» на основе характеристик, демонстрирующих включение мужчины в социальное окружение: *«хорошо воспитан», «имеет хорошие манеры», «галантный, уважающий женщину», «хорошее чувство юмора», «знает много анекдотов»* и т.д.	Юноши преимущественно конструируют образ «настоящего мужчины» посредством описания внешних характеристик: «настоящий мужчина» обладает *«мужским (либо мужественным) тембром голоса», «рост выше среднего, уверенные взгляд и походка», «его облик хотя слегка грубый и небрежный, но в целом – положительный»* и т.д.

Аналогичным образом описывается каждый обсуждаемый вопрос с примечанием, какая примерно доля группы выразила то или иное мнение (все, большинство, многие, несколько, немного, один или два, имевшие особый опыт или особую позицию), и дословно записываются при этом важные цитаты.

Итогом являются выводы по материалам групповой дискуссии, представленные в виде отчета.

Фокус-группы, как и любой качественный метод, особенно информативны на начальном этапе вхождения в проблему, в условиях исследовательского «кризиса» (эффективны при поиске выхода из исследовательского тупика), в условиях отсутствия стандартизированного инструмента.

3.4. Принципы конструирования опросника «Изучение развития мужской идентичности (ИРМИ) "Я и другие мужчины"»

Выше мы представили современную социальную ситуацию как эпоху радикальных социокультурных трансформаций, в том числе и в области изменения стандартов гендерной культуры, что существенным образом влияет на содержание гендерной социализации вообще и мужской в частности. Также мы описали процесс гендерной социализации как субъектный процесс, в котором социализирующийся индивид выбирает культурный материал и способы его репрезентации, а кроме того, может пытаться изменить гендерные стереотипы.

Мы также старались показать несоответствие между пониманием «мужских исследований» как части социальной психологии и устаревшим психодиагностическим инструментом, оценивающим «психологический пол» личности.

Таким образом, мы вплотную подошли к проблеме конструирования опросника для изучения мужской идентичности, адекватного социальной теории и практике.

В области теории данный опросник должен опираться на гендерные исследования в социальных науках за рубежом (Ш. Берн, Дж. Плек, Э. Томпсон и др.), и на гендерные исследования российских психологов и социологов (Т. Бараулина, Т. Барчунова, О. Воронина, Б. Гладарев, М. Голик, Д. Громов, Ю. Гусева, Н. Данилова, Е. Здравомыслова, И. Кон, М. Котовская, Е. Мещеркина, А. Никитина, Е. Омельченко, Н. Радина, Л. Семенова, А. Синельников, И. Тартаковская, А. Темкина, Е.Терешенкова, О. Ткач, Ж. Чернова, Н. Шалыгина и др.), а конструкторски – сохранять хотя бы в общих чертах свободу и субъектность опрашиваемого в построении его гендера (в нашем случае – мужественности), будучи при этом стандартизированным.

Содержание опросника ИРМИ «Я и другие мужчины»

Кроме того, в идеале опросник должен отражать идею «множественной мужественности», то есть расширить понимание «социокультурной нормы» в области практики мужественности.

До этапа конструирования опросника было проведено пилотное исследование для идентификации «социокультурного материала» – основы образа мужественности в сознании современных российских молодых людей. Оно проводилось в 2006 – 2008 гг. в Нижнем Новгороде (задействованы образовательные учреждения: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, НГТУ им. Р.Е. Алексеева, гимназии № 1 и лицея № 40). Всего в исследовании приняло участие 176 человек (79 девушек и 97 юношей).

Участникам исследования предлагалось вспомнить и записать встречу с «настоящим мужчиной». Тексты полученных сочинений подвергались кодированию и обработке, что позволило в дальнейшем идентифицировать категории, благодаря которым создавался образ «настоящей мужественности», рассмотренный в «основном варианте» и «альтернативном варианте».

В процессе исследования были идентифицированы:

а) основные категории-конструкты (созвучные результатам анализа социально-психологических исследований), а именно:

- *норма статуса/успешности* (гендерный стереотип, утверждающий, что социальная ценность мужчины определяется величиной его заработка и успешностью на работе);
- *норма физической твердости* (предполагается, что мужчина должен обладать физической силой и высокой биологической активностью);
- *норма умственной твердости* (стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен быть знающим и компетентным);
- *норма эмоциональной твердости* (предполагает, что мужчина должен испытывать мало чувств и быть в состоянии разрешать свои эмоциональные проблемы без помощи окружающих);
- *норма антиженственности* (стереотип, согласно которому мужчинам следует избегать специфически женских занятий, видов деятельности и моделей поведения; у некоторых мужчин проявляет-

ся в виде страха показаться женственным, что, возможно, связано со стереотипом теории сексуальной инверсии, согласно которому женственность у мужчин – это признак гомосексуализма);

б) альтернативные категории-конструкты, которые включали характеристики и особенности созданного образа «идеальной мужественности», не вошедшие в список «норм» в психологических исследованиях, а именно:

- *описание внешнего вида* (в эту категорию вошли высказывания, посвященные описанию внешности мужчины, его манере одеваться и некоторым особенностям поведения);
- *особые социальные качества* (сюда были включены качества «настоящих мужчин», которые обеспечивают успешное социальное взаимодействие, например хорошее воспитание, наличие чувства юмора и т.п.);
- *стереотипно «феминные черты»* (характеристики, которые в традиционной культуре воспринимаются как исключительно женские: заботливый, ласковый, понимающий и др.).

Пилотный этап исследования убедил, что выделенные конструкты, как основные, так и альтернативные, активно используются современными молодыми людьми в описании норм мужественности и, следовательно, могут быть использованы для конструирования опросника.

Кроме того, данное исследование подтвердило идею о существовании различных вариантов «мужественности» в отличающихся социальных группах.

По итогам пилотного этапа был сформулирован основной текст опросника, состоящий из 70 пар утверждений о мужчинах.

Каждая пара утверждений представила альтернативные предложения, отражающие два полюса отношения части мужчин к определенному вопросу, поведению, действию.

Форма представления утверждений

Согласно инструкции, в процессе исследования опрашиваемого просят выбрать группу мужчин, к которой он себя относит, и оценить степень схожести с данной группой («полностью подходит для меня»,

«частично подходит для меня»). Форма представления позиций для идентификации заимствована нами у С. Хартер (опросник «Самовосприятие подростков» [Harter S., 1986]).

Опросник С. Хартер позволяет идентифицировать у личности «установки на себя», реконструируя варианты развития персональной идентичности личности [Радина Н.К., Терешенкова Е.Ю., 2006].

Выясняя «установки на себя» в контексте отношения со своей гендерной группой, по нашему замыслу, новый опросник позволяет реконструировать индивидуальную специфику мужской идентичности.

Инструкция опросника гласит: «Перед Вами – позиции двух групп мужчин с различными взглядами на современный мужской мир.

После прочтения каждого высказывания опросника необходимо выбрать ту группу мужчин, чье мнение Вам более подходит (т.е. Вы выбирайте одну из альтернатив высказывания), а затем следует отметить (любым значком) только один вариант согласия с выбранным вариантом («полностью подходит для меня» или «частично подходит для меня»)».

Ниже представлен пример формы бланка опросника.

Таблица 7.
Форма бланка опросника

Полностью согласен	Частично согласен		№		Частично согласен	Полностью согласен
	+	Одни мужчины не могут скрывать свои переживания.	1	Другие умеют «держать» чувства внутри.		
		Одни мужчины считают, что должны много зарабатывать.	2	Другие мужчины считают, что важнее интерес к работе и возможность самореализации.		+

Данная форма вопросов позволяет избежать ориентировки опрашиваемых на «норму», предоставив изначально несколько ответов, ко-

торые «все являются правильными», что, в свою очередь, позволяет отчасти снять проблему социально желаемых ответов.

Этот структурно альтернативный формат отличается от формата ответов «правда/неправда», «да/нет», который часто используется в стандартизированных самоотчетах и не дает опрашиваемым достаточной свободы в определении с ответом. Именно способ создания опросника, направленный на деконструкцию «социальной нормы» в ответах, позволяет говорить о нем как о психодиагностическом инструменте «нового поколения».

Шкалы опросника ИРМИ

Составленный опросник предполагает разнесение вопросов по семи шкалам. Пять шкал соответствуют концепции о нормах мужественности, основанной на разработках Дж. Плека и Э. Томпсона (нормы эмоциональной, физической и умственной твердости, нормы статуса и нормы антиженственности). Шестая шкала – шкала метросексуала – была предложена на основании результатов пилотного исследования по конструированию образа эталонной маскулинности в юношеском возрасте (в данном случае мы учли, что, описывая «стандарты мужественности», достаточное число молодых людей воспользовались представлением об особой «ухоженной внешности» современного «эталонного мужчины»). Седьмая шкала – шкала риска – отражает степень готовности к рискованному поведению, которое, по мнению И.С. Кона и некоторых других отечественных психологов и социологов, является обязательным атрибутом российской маскулинности.

Рассмотрим более подробно шкалы представляемого опросника.

1-я шкала «Нормы эмоциональной твердости»: отражает степень соответствия стереотипу, согласно которому каждый мужчина должен контролировать чувства и быть в состоянии разрешать свои эмоциональные проблемы без помощи окружающих (например, утверждение № 17: «Одни мужчины не могут скрывать свои переживания, другие умеют "держать" чувства внутри, не демонстрировать их окружающим»).

2-я шкала «Нормы умственной твердости»: выявляет подверженность стереотипу, согласно которому мужчины должны быть всезнаю-

щими и компетентными (например, утверждение № 58: «Одним мужчинам очень сложно признать свою ошибку, другие без проблем могут сказать, что были неправы в чем-либо»).

3-я шкала «Нормы физической твердости»: демонстрирует степень соответствия стереотипу, согласно которому любой мужчина должен обладать физической силой и высокой биологической активностью (например, утверждение № 33: «Одни мужчины считают неприемлемым отвечать ″кулаками“ в ответ на словесные провокации, другие мужчины запросто используют свою физическую силу в разрешении конфликтов»).

4-я шкала «Нормы статуса»: выявляет степень подверженности стереотипу, согласно которому мужчины должны быть уважаемыми, обладать властью, общественным признанием. Также данная шкала описывает отношение мужчин к работе, заработку и карьерному росту (например, утверждение № 7: «Одни мужчины хотят обязательно добиться высокого положения в обществе, другие мужчины довольны жизнью “обычного человека”»).

5-я шкала «Нормы антиженственности»: показывает выраженность стереотипа, согласно которому мужчинам следует избегать специфически женских занятий, видов деятельности и моделей поведения (например, утверждение № 8: «Одни мужчины могут выполнять разную домашнюю работу, не разделяя ее на ″женскую“ и ″мужскую“, другие считают, что у женщин свой круг домашних дел, у мужчин – свой и они не должны смешиваться»).

6-я шкала «Шкала метросексуала»: определяет наличие у респондентов основных характеристик метросексуалов (направленность личности на себя, внимание к внешнему виду, тщательный уход за телом, приемлемость «женских» способов «сохранения красоты» и т.п.) (например, утверждение № 26: «Одни мужчины смотрятся в зеркало, только когда бреются и причесываются, другие мужчины в течение дня периодически смотрятся в зеркало, проверяя, все ли в их внешнем виде так же безукоризненно»).

7-я шкала «Шкала риска»: оценивает степень готовности мужчин к рискованному поведению (например, утверждение № 5: «Одни мужчины предпочитают размеренную и спокойную жизнь, другие не могут жить без приключений»).

Каждая шкала опросника состоит из 10 вопросов. Максимальное количество баллов, которое можно получить за один вопрос, – 4, мини-

мальное – 1. Соответственно, максимальное количество баллов по шкале, которое может получить опрашиваемый, – 40, минимальное – 10.

В зависимости от того, по какой шкале юноша или мужчина получает высокие баллы, а по какой – низкие, можно говорить, какой вариант мужской идентичности он конструирует, воспроизводя тот или иной сценарий мужской культуры на индивидуальном уровне.

Возможные варианты развития мужской идентичности

Анализ социологической, культурологической и социально-психологической литературы показал, что все варианты развития мужской идентичности можно условно представить в рамках биполярного конструкта «патриархатная мужественность – альтернативная мужественность». Ключевой признак, на основании которого происходит идентификация полюса данного конструкта, – признание равноценности женщин как гендерной группы.

К патриархатной мужественности относят ее наиболее яркий и жесткий вариант – гегемонную мужественность. Кроме того, указывают на наличие «компенсаторной» мужественности, которая строится преимущественно на антиженственности [Берн Ш., 2004].

Что касается альтернативных вариантов развития мужской идентичности, в научных (как правило, социологических) работах описывают эгалитарную мужественность; культурологические работы, кроме того, представляют метросексуальную мужественность.

Гегемонная мужественность

По Коннеллу, гегемонные формы маскулинности – наиболее почитаемые и желанные в конкретных контекстах [Коннелл Р., 2000]. Данный тип мужественности является своего рода доминирующим идеалом, культурно господствующим и самым престижным в обществе (классический пример – образ мачо). Его основные признаки создаются и поддерживаются в процессе гендерной социализации с помощью определенных социальных институтов.

По мнению ряда исследователей (И.С. Кона, Е.Ю. Мещеркиной и др.), гегемонная маскулинность характеризует мужчин, стоящих на вершине гендерной иерархии. Гегемонные формы маскулинности отражают суть мужского превосходства и выражаются в сочетании авторитета и маскулинности, что в свою очередь предполагает практику взаимоотношений не только между полами, но и внутри полов. Высокие стандарты норм мужественности, описанные Ш. Берн, можно отнести к «гегемонной мужественности». Мужчины, не соответствующие принятым стандартам мужественности, в этом контексте, скорее всего, имеют подчиненную или маргинальную маскулинность. К ним можно отнести людей с гомосексуальной ориентацией, заключенных, безработных, инвалидов, представителей другой, не белой расы [см., например: Тартаковская И.Н., 2003].

«Компенсаторная» мужественность

Ш. Берн определяет «компенсаторную» мужественность как совокупность качеств, с помощью которых мужчины вынуждены компенсировать свое несоответствие общепринятому стандарту мужественности.

Мужчины, обладающие «компенсаторной» мужественностью, могут демонстрировать чрезмерную эмоциональную и физическую жесткость, стремление доминирования над женщинами (доходящее до насилия).

Другие варианты мужественности

Альтернативные формы существования мужественности – это прежде всего непатриархатные варианты практики мужественности. К подобным формам проявления мужественности относят то, что в рекламных стратегиях называется «мужчина-метросексуал».

Среди альтернативных форм мужественности также – эгалитарная мужественность, в основе которой лежит идеология гендерного равенства и примата индивидуального над социально-стереотипизированным.

Все эти теоретические конструкты нашли отражение в стратегиях интерпретации результатов опросника. Способы анализа и возможные интерпретации результатов, полученных при помощи опросника «Изучение развития мужской идентичности “Я и другие мужчины”», подробно представлены в главе 3.

Поскольку данный опросник направлен на изучение социальной идентичности, он рекомендован к использованию в тех возрастных категориях опрашиваемых, которые, согласно теоретическим положениям, могут обладать социальной идентичностью. Следовательно, речь идет о возрастных этапах «старший подростковый возраст (юношество)», а также «взрослость».

Поскольку нормы/требования мужской культуры едины для всех возрастных категорий социализирующихся субъектов мужской гендерной группы, мы не стали создавать модификаций данного опросника для разных возрастных групп, надеясь в дальнейшем, на практике, выяснить, как в процессе гендерной социализации изменяется отношение мужчин к социокультурным нормам, каковы возрастные различия в принятии «мужской культуры» и построении мужской идентичности.

ГЛАВА 4. Апробация опросника ИРМИ «Я и другие мужчины»

4.1. Основные этапы апробации. Определение содержательной валидности как первый этап апробации

После предварительных исследований и конструирования текста опросника была проведена его апробация, которая проходила в течение 2008–2009 годов.

Алгоритм апробации и все используемые математические критерии и подсчеты осуществлялись на основе норм профессиональной этики, а также стандартных требований к разработке и апробации психологических тестов [Анастази А., Урбина С., 2006; Нормы профессиональной этики для разработчиков и пользователей психодиагностических методик, 1991; Ким В.С., 2007; Клайн П., 1993].

Апробация опросника проходила в несколько этапов. На первом этапе был проведен экспертный опрос для проверки *содержательной валидности* теста.

Теоретическая обоснованность

Содержательная валидность характеризует тест по степени его соответствия предметной области и означает систематическую проверку содержания теста на предмет «адекватности» изучаемому феномену [Анастази А., Урбина С., 2006].

Для достижения содержательной валидности данного теста нами были предприняты значительные усилия. Учитывая, что социальная идентичность – «ментальный конструкт», характеризующий доминирование определенных концепций в социальных науках, а также, что в прикладной психологии реальных психодиагностических инструментов, изучающих какой-либо вид социальной идентичности, крайне мало [см., например: Солдатова Г.У., Рыжова С.В., 2008], для формулирования содержания опросника, представляющего развитие мужской идентичности, мы спланировали действия как в теоретической, так и в эмпирической области.

С одной стороны, были проанализированы исследования, направленные на описание «мужской культуры» как системы требований и норм, предъявляемых к социализации мальчиков и мужчин, при этом учитывались современные подходы, предполагающие, что «мужественность» может быть многозначна и вариативна. Теории и концепции, на которые содержательно опирается опросник, представлены нами в первой главе.

С другой стороны, на разных выборках были собраны эмпирические данные, позволившие убедиться в обоснованности современных теоретических концептов, описывающих в повествовательном ключе основные измерения «мужской идентичности» [Никитина А.А., 2007].

На основании сопоставления теоретических концептов и выявленных социально-психологических феноменов были сформулированы «тезисы опросного листа» – 70 вопросов для описания особенностей развития «мужской идентичности» опрашиваемого, представляющие объект оценивания с точки зрения экспертизы содержательной валидности опросника.

Определение содержательной валидности в отношении конструирования опросника предполагает выполнение следующего алгоритма [Ким В.С., 2007]:

1. Указание категории лиц, для которой предназначен тест.
2. Составление списка характеристик, подлежащих тестированию.
3. Выполнение внешней экспертизы полученного списка на предмет его полноты и обоснованности.

Содержательная валидность ИРМИ: работа экспертной группы

Таким образом, для определения содержательной валидности была создана экспертная группа из пяти экспертов, представляющих различные области гуманитарного знания (филологи, психологи, философы):

1. А.А. Федоров, доктор философских наук.
2. Л.Э. Семенова, кандидат психологических наук.
3. О.В. Лебедева, кандидат психологических наук.
4. А.Н. Смирнов, кандидат психологических наук.
5. А.Н. Немова, кандидат филологических наук.

Текст опросника был представлен экспертам для оценивания логичности присутствия каждого его пункта в определенных шкалах, а также для определения непротиворечивости представленных пунктов и их литературного оформления.

Экспертиза текста дала положительный результат и позволила продолжать работу по апробации опросника[9].

На втором этапе было проведено исследование на выборке старших подростков (16 – 18 лет) и молодых людей (19 – 23 года), направленное на изучение конструктной валидности опросника. В процессе исследования была использована батарея психодиагностических средств, включающая: сам опросник ИРМИ, Опросник по изучению маскулинности – феминности (С. Бем), Шкалу оценки потребности в достижениях (Ю.М. Орлов), Опросник диагностики степени готовности к риску (автор Г. Шуберт). Далее было проведено ретестирование на той же выборке с использованием опросника ИРМИ.

Ретестирование проходило через полтора месяца после проведения первого среза и, по нашему замыслу, должно было показать надежность полученных результатов.

Для определения внешней валидности опросного инструмента также были собраны данные на выборке мужчин от 16 до 60 лет.

На заключительном этапе все полученные данные были подвергнуты вторичной математической обработке с целью анализа показателей надежности и валидности нового психодиагностического инструментария.

Рассмотрим более подробно итоги следующих этапов и основные результаты по апробации опросника ИРМИ.

4.2. Стандартизация опросника. Внешняя валидность. Ретестовая надежность и надежность-согласованность теста

Анализ классических концептов мужественности и пилотное исследование «образов мужественности» позволили создать текст из 70 вопросов, который был изучен экспертами на предмет содержательной валидности.

Далее были определены ретестовая надежность и надежность – согласованность опросника. Итогом стандартизации стала достаточно

[9] Авторы опросника выражают благодарность экспертной группе за помощь в его разработке.

значительная база данных, полученных при помощи ИРМИ, для определения внешней валидности опросника.

Стандартизация опросника ИРМИ

Стандартизация теста была проведена на материале «сырых» данных 341 мужчины (109 старших подростков 16–18 лет; 154 молодых человека, преимущественно студенты, от 19 до 25 лет; 57 взрослых работающих мужчин от 26 до 60 лет и 21 мужчина старше 60 лет) (таблица 8).

Таблица 8.
Результаты стандартизации опросника ИРМИ (N = 341)

Шкалы								
Показатель	Группы	Нормы эмоциональной твердости	Нормы умственной твердости	Нормы физической твердости	Нормы статуса	Нормы антиженственности	Шкала метросексуала	Шкала риска
max	16 – 18 лет	39	37	40	40	35	39	39
	19 – 25 лет	38	35	40	38	37	36	36
	26 – 60 лет	32	34	37	39	36	33	35
	Старше 60 лет	34	29	32	30	30	29	24
min	16 – 18 лет	19	15	18	16	13	13	16
	19 – 25 лет	18	13	15	13	11	14	13
	26 – 60 лет	18	11	15	15	15	13	15
	Старше 60 лет	19	14	16	13	13	13	14
Me	16 – 18 лет	28	23,5	27,5	27,5	23	25	24
	19 – 25 лет	26,5	22,5	28,5	27,5	24	25	23,5
	26 – 60 лет	26	20	26	21,5	24	20,5	21,5
	Старше 60 лет	26	19	24	21	22	21	20

Шкалы								
Показатель	Группы	Нормы эмоциональной твердости	Нормы умственной твердости	Нормы физической твердости	Нормы статуса	Нормы антиженственности	Шкала метросексуала	Шкала риска
m	16 – 18 лет	27,143	24,964	26,643	27,714	23,714	25,250	24,607
	19 – 25 лет	26,375	22,750	29,083	27,375	23,625	25,125	24,042
	26 – 60 лет	25,605	21,395	25,421	21,921	23,947	20,947	22,763
	Старше 60 лет	26,182	20,364	24,636	20,182	21,273	20,545	19,909
s	16 – 18 лет	3,182	4,965	4,331	5,927	5,105	5,210	4,317
	19 – 25 лет	3,394	4,252	4,321	5,175	4,810	4,702	4,483
	26 – 60 лет	3,942	5,884	4,360	5,148506	4,865	4,997	5,324
	Старше 60 лет	3,842	4,588	4,202	4,143	5,081	4,344	3,618

Максимальное количество баллов, которые можно получить по каждой шкале, – 40, минимальное – 10. Для каждой шкалы вычислены максимальные, минимальные, средние значения, медиана и стандартные отклонения.

Согласно таблице 8, максимальные значения – 40 баллов – получены по шкалам «Нормы физической твердости» и «Нормы статуса». По этим же шкалам, а также по шкале «Нормы эмоциональной твердости» получены наибольшие средние арифметические значения.

Таким образом, полученные результаты убедительно подтверждают ориентацию большинства мужчин на нормы «гегемонной мужественности» в рамках патриархатной культуры, а именно на нормы физической твердости, нормы эмоциональной твердости и нормы статуса.

Результаты факторного анализа

Ядро мужской идентичности, включающее нормы физической твердости, нормы статуса, антиженственности и рискованности, выявил факторный анализ. Три основных фактора как бы определили два по-

люса «образа мужественности», сконструированных в опроснике: первый фактор фактически отразил патриархатный полюс, второй – полюс альтернативной мужественности (таблица 9).

Таблица 9.
Факторная структура шкал опросника ИРМИ «Я и другие мужчины» после варимакс-вращения (N = 341)

Шкалы	Факторы		
	1	2	3
Нормы эмоциональной твердости			0,712
Нормы умственной твердости	0,685		
Нормы физической твердости	0,684		
Нормы статуса	0,808		
Нормы антиженственности	0,568		
Шкала метросексуала		0,781	
Шкала риска	0,631		
Указаны факторные нагрузки, превышающие по абсолютной величине 0,5.			

Стандартизация опросника показала, что выделенные ранее исследователями конструкты «мужской культуры», которые были положены в основу опросника ИРМИ, релевантны для изучения мужской идентичности современных мужчин.

Надежность – характеристика методики, отражающая точность психодиагностических измерений, а также устойчивость результатов теста к действию посторонних случайных факторов [Нормы профессиональной этики для разработчиков и пользователей психодиагностических методик, 1991]. В рамках апробации опросника ИРМИ «Я и другие мужчины» нами были использованы классические методы оценки коэффициентов надежности – это ретестирование и коэффициент α Кронбаха.

Ретестовая надежность (надежность-устойчивость)

Ретестовая надежность показывает, в какой степени результаты теста можно распространить на различные случаи его применения. То

есть данный вид надежности-устойчивости показывает, насколько полученные каждым испытуемым баллы стабильны по прошествии времени, в течение которого могут произойти какие-либо жизненные события, измениться общий эмоциональный фон или настрой и т.д.

Для проверки надежности-устойчивости через полтора месяца после исследования был проведен ретест на части выборки испытуемых. В ретестировании опросника приняли участие учащиеся 10-х и 11-х классов общеобразовательной школы № 19 г. Нижнего Новгорода и студенты ФФК НГПУ (всего 58 юношей, из них 28 школьников в возрасте 16–17 лет и 30 студентов в возрасте 20–22 года). Показатели ретестовой надежности представлены в таблице 10.

Таблица 10.
Ретестовая надежность по шкалам опросника ИРМИ
(R Спирмена; N = 58)

№	Шкалы опросника	R Спирмена
1	Нормы эмоциональной твердости	0,683717*
2	Нормы умственной твердости	0,715595*
3	Нормы физической твердости	0,653585*
4	Нормы статуса	0,843168*
5	Нормы антиженственности	0,727171*
6	Шкала метросексуала	0,715557*
7	Шкала риска	0,736236*
* p < 0,001		

Из таблицы видно, что при сравнении полученного массива данных по первому срезу проведения опроса и по ретесту наблюдаются статистически значимые показатели корреляции Спирмена.

Показатели ретестовой надежности по шкалам теста составили от 0,65 до 0,85. Все полученные значения являются высокозначимыми ($p < 0,001$).

Таким образом, можно заключить о высокой ретестовой надежности и устойчивости данных, полученных при помощи опросника ИРМИ.

Надежность-согласованность ИРМИ

Далее была определена надежность-согласованность ИРМИ. Для оценки *внутренней самосогласованности* теста был вычислен коэффициент *одномоментной надежности-согласованности* по формуле Кронбаха (N = 99):

$$\alpha = \frac{k}{k-1}\left(1 - \frac{\sum_{j=1}^{j} S_j^2}{S_x^2}\right)$$

где α – коэффициент Кронбаха;
k – количество пунктов теста;
S_j^2 – дисперсия по j-пункту теста;
S_x^2 – дисперсия суммарных баллов по всему тесту.

По результатам тестирования показатель α – коэффициент Кронбаха равен 0, 779, что свидетельствует о достаточно высокой надежности тестовых шкал и внутренней однородности методики. Таким образом, можно говорить о высокой одномоментной надежности-согласованности опросника ИРМИ.

Представленные действия, результаты и показатели стандартизации, факторного анализа, ретестирования и надежности-согласованности вписали опросник «Изучение развития мужской идентичности ″Я и другие мужчины“» в круг достаточно надежных и валидных психодиагностических инструментов, которые так необходимы в современных гендерных исследованиях в психологии.

4.3. Конструктная валидность опросника ИРМИ «Я и другие мужчины»

Традиционно кроме содержательной, внутренней и внешней валидности при создании опросников отслеживают конструктную валидность, обоснованную Л. Кронбахом в 1955 г. Она определяется как способность теста к измерению такой черты, которая была обоснована теоретически.

Стратегии поиска конструктной валидности

К конкретным действиям, направленным на поиск конструктной валидности, относят сопоставление результатов новой методики с результатами, полученными по аналогичным или близким по содержанию методикам, валидность которых уже доказана [Ким В.С., 2007].

Наличие корреляции между показателями, полученными с использованием новой и проверенной ранее методик, будет означать, что они измеряют примерно те же показатели и характеристики.

Смысл конструктной валидности, как подчеркивается в справочниках, состоит в установлении не только сходства, но и различий прежнего и нового психодиагностического инструмента [Ким В.С., 2007].

Так как психодиагностический инструментарий, направленный на изучение мужской идентичности, в настоящее время отсутствует (как, например, в целом инструментарий, позволяющий изучать содержательные стороны социальной идентичности личности), были подобраны методики, которые по тестируемым задачам согласуются с некоторыми шкалами опросника ИРМИ (таблица 11).

Таблица 11.
Соотношение шкал опросника «Изучение развития мужской идентичности» и подобранных для изучения конструктной валидности методик

Шкалы опросника ИРМИ	Подобранный альтернативный тест
Нормы эмоциональной твердости	–
Нормы умственной твердости	–
Нормы физической твердости	Опросник по изучению маскулинности-феминности (С. Бем)
Нормы статуса	Шкала оценки потребности в достижениях (Ю.М. Орлов) Опросник по изучению маскулинности-феминности (С. Бем)
Нормы антиженственности	Опросник по изучению маскулинности-феминности (С. Бем)
Шкала метросексуала	–
Шкала риска	Опросник диагностики степени готовности к риску (автор Г. Шуберт)

Согласно данной таблице, для шкал «Нормы эмоциональной твердости», «Нормы умственной твердости» и «Шкала метросексуала» не удалось подобрать адекватной по диагностируемым задачам методики. Для остальных шкал были подобраны диагностические инструментарии, похожие по тестируемым задачам.

Рассмотрим взаимосвязь полученных результатов по данным шкалам.

Конструктная валидность: шкалы риска и нормы статуса

На данном этапе апробации – изучении конструктной валидности опросника – приняли участие 99 молодых людей (29 мальчиков – старших подростков от 16 до 18 лет и 70 молодых мужчин от 18 до 25 лет).

При сравнении данных по «Опроснику диагностики степени готовности к риску» Г. Шуберта и «Шкалы риска» ИРМИ было выявлено, что последняя значимо коррелирует с данными «Опросника диагностики степени готовности к риску» (при $p < 0,01$ и $p < 0,001$) (таблица 12).

Таблица 12.
Корреляция «Шкалы риска» и опросника Г. Шуберта по Спирмену (N = 99)

Коэффициенты / Группы	R Спирмена (N = 29)	R Спирмена (N = 70)	R Спирмена
От 16 до 18 лет	0,524742*	–	–
От 19 до 25 лет	–	0,416033**	–
Общая выборка	–	–	**0,371645****
*p < 0,01; **p < 0,001			

Из таблицы видно, что коэффициент R Спирмена у группы старшеклассников (N = 29) при сравнении показателей рискованности по «Шкале риска» и опросника Шуберта является статистически достоверным на уровне значимости p < 0,01.

Показатель корреляции еще более достоверен (на уровне значимости p < 0,001) при сравнении данных по вышеописанным методикам у группы более старших – молодых мужчин (N = 70), а также в общей группе (N = 99). Следовательно, «Шкала риска» в структуре ИРМИ измеряет именно данную характеристику.

При сравнении данных по шкале «Нормы статуса» опросника «Изучение развития мужской идентичности» и показателей по «Шкале оценки потребности в достижениях» Ю.М. Орлова наблюдается также значимая корреляционная связь (таблица 13).

Таблица 13.
Корреляция шкалы «Нормы статуса» и опросника «Шкала оценки потребности в достижениях» (R Спирмена; N = 99)

Коэффициенты / Группы	R Спирмена (N = 29)	R Спирмена (N = 70)	R Спирмена
От 16 до 18 лет	0,538451*	–	–
От 19 до 25 лет	–	0,366033*	–
Общая выборка	–	–	0,27368*
*p < 0,01			

Шкала Ю.М. Орлова была выбрана как близкий по содержанию, но не идентичный психодиагностический инструмент, так как она измеряет потребность в достижениях во всех сферах, следовательно, выступает как интегративный показатель, а шкала «Норма статуса» в ИРМИ, согласно описанию норм мужской культуры, характеризует требования и установки в области личных достижений в социальной сфере, связана с потребностью в достижении высокого социального статуса.

Показатель корреляции Спирмена при сравнении данных по шкале «Нормы статуса» и опросника достижений Ю.М. Орлова на всех частях выборки является статистически значимым при $p < 0,01$.

Таким образом, шкала ИРМИ «Нормы статуса» может служить инструментом, достоверно изучающим стремление к достижению высокого социального статуса опрашиваемых.

Конструктная валидность: нормы мужественности по С. Бем

Как представлено в таблице 11, для исследования конструктной валидности ИРМИ была также использована методика Сандры Бем «Маскулинность-феминность». Шкала маскулинности данной методики могла дать высокие корреляции с рядом шкал, предложенных опросником ИРМИ (таблица 14).

Таблица 14.
Корреляция показателей маскулинности по опроснику С. Бем и шкал опросника ИРМИ (R Спирмена; N = 99)

Шкалы опросника	Показатели маскулинности (по С.Бем)
Нормы физической твердости	0,440561*
Нормы антиженственности	0,346837*
Нормы статуса	0,310765*
*p < 0,001	

Согласно таблице 14, показатели маскулинности по опроснику С. Бем значимо коррелируют с тремя шкалами ИРМИ: «Нормы физи-

ческой твердости», «Нормы антиженственности» и «Нормы статуса» при высоком уровне достоверности ($p < 0,001$). Следовательно, «маскулинный тип», по устаревшей типологии С. Бем, вполне укладывается в патриархатные нормы «гегемонной мужественности» и, значит, вполне культурно детерминирован, как и предполагала исследовательница – автор новой теории «гендерных линз».

Таким образом, по результатам исследования конструктной валидности опросника ИРМИ заключаем, что данный психодиагностический инструмент согласован с психодиагностическим инструментарием, проверенным ранее и используемым в психологических исследованиях, а полученные результаты свидетельствуют о высокой конструктной валидности разработанного опросника.

Полученные в процессе апробации ИРМИ позитивные результаты по анализу содержательной, внешней, внутренней и конструктной валидности опросника, высокозначимые коэффициенты по ретестовой надежности и надежности-согласованности, а также соблюдение требований стандартизации методики позволяют утверждать, что данный психодиагностический инструментарий является надежным и валидным и может быть использован в психодиагностике мужественности для решения целого ряда исследовательских проблем в русле психологии гендерных отношений.

4.4. Стратегии интерпретации полученных результатов

Стандартизация опросника, представленная выше позволяет проанализировать, как показатели определенного человека, заполнившего бланк ИРМИ, согласуются с аналогичными показателями других мужчин. В этом разделе более подробно будут рассмотрены стратегии интерпретации полученных данных и описаны значения показателей семи шкал опросника.

Шкалы ИРМИ: значения полученных результатов

Прежде всего представим значения основных шкал.

Нормы эмоциональной твердости. Высокие баллы по этой шкале означают, что опрашиваемый разделяет стереотип, согласно которо-

му мужчина должен контролировать свои чувства и разрешать свои эмоциональные проблемы без помощи окружающих. Мужчины с высокими баллами по данной шкале считают, что они практически всегда выдержанны и уравновешенны; уверены, что ни при каких обстоятельствах не могут демонстрировать окружающим свои «слабости».

Нормы умственной твердости. Опрашиваемый с высокими баллами по данной шкале подвержен стереотипу мужественности, согласно которому мужчина должен быть всезнающим и компетентным. Такие мужчины считают возможным утверждать свою мужественность посредством решения интеллектуальных задач, им сложно признать свои ошибки, они привыкли решать все проблемы самостоятельно и считают, что могут и должны быть самыми компетентными.

Нормы физической твердости. Высокие баллы по данной шкале показывают высокую степень выраженности установки на себя как на человека недюжинной физической силы и высокой биологической (сексуальной) активности.

Нормы статуса. Высокие значения по данной шкале демонстрируют, что опрашиваемый уверен в обладании властью и общественном признании. Мужчинам с подобными установками важен карьерный рост, в построении собственной жизни ими движет возможность утвердиться, подняться по социальной лестнице, больше, чем другие, зарабатывать и преуспевать.

Нормы антиженственности. Высокие значения по данной шкале показывают, что опрашиваемый разделяет установки, согласно которым мужчинам следует избегать «специфически женских» занятий, видов деятельности и моделей поведения. Эти мужчины четко разграничивают сферы деятельности, избегая участия в стереотипно «женских» видах труда (домашнее хозяйство, уход за ребенком и др.). При этом они оставляют за женщинами выполнение бытовых и обслуживающих функций, считая, что интеллектуальный труд, карьерный рост, власть и зарабатывание денег – это прерогатива мужчин. Они стремятся к доминантному положению над женщинами, склонны к дискриминации по гендерному признаку (сексизм).

Шкала метросексуала. Высокие баллы по данной шкале свидетельствуют о наличии у опрашиваемого установки на заботу о себе, в первую очередь предполагающую заботу о внешности. Мужчины с ме-

тросексуальными установками ориентированы на брендовую одежду, стильные аксессуары, посещают не только тренажерные залы, но и салоны красоты.

Шкала риска. Высокие баллы по шкале риска свидетельствуют о готовности мужчины к рискованному поведению. Мужчины с установкой на риск рассматривают неопределенность как неотъемлемую характеристику жизни, считая, что без приключений жизнь пресна, готовы к различного рода авантюрам.

Алгоритм описания вариантов развития мужской идентичности

После того как подсчитаны баллы по шкалам на основе таблицы перевода баллов, следует не только выяснить уровень выраженности тех или иных установок на себя у опрашиваемого, но и определить его вариант развития мужской идентичности в контексте норм и требований мужской культуры.

В предыдущих разделах были описаны варианты развития мужской идентичности, представленные в социологических и социально-психологических исследованиях. При помощи опросника ИРМИ (и на основе анализа значительного массива данных) мы предлагаем следующий алгоритм в определении варианта развития мужской идентичности:

1. Необходимо выяснить, каковы баллы опрашиваемого по шкале антиженственности. Если баллы выше среднего, то опрашиваемый обладает или патриархатным, или гибридным вариантом мужской идентичности.
2. При высоких показателях по шкале «антиженственность» и низких – по шкале «метросексуальность» получаем патриархатный вариант развития мужской идентичности. Она может быть представлена в различных конфигурациях, в качестве основных мы выделяем следующие варианты (таблица 15):

а) все показатели по шкалам выше среднего при низкой метросексуальности – классический гегемонный вариант развития мужской идентичности;

б) показатели по шкалам «норм твердости» (физической, умственной и средней), метросексуальности и рискованности могут быть как средние, так и низкие при высоких показателях по шкале антиженственности – классический «компенсаторный» вариант развития мужской идентичности;

в) при сглаженном профиле (все шкалы имеют средние или ниже показатели, но не выше среднего по шкале антиженственности и метросексуальности) – «мягкий» патриахатный вариант развития мужской идентичности.

3. В том случае если все без исключений показатели опрашиваемого выше среднего, он обладает гибридным вариантом развития мужской идентичности (тип А – *гегемонно-метросексуальный*), если же все показатели – выше среднего при средних и ниже показателях по шкале риска – вторым (тип Б – *гегемонно-метросексуальный нерискованный*).
4. Если показатель по шкале антиженственности ниже среднего, опрашиваемый обладает альтернативным вариантом развития мужской идентичности: *эгалитарным*, – если по шкале метросексуальности средние баллы и ниже, или *метросексуальным*, – если при низких показателях по шкале антиженственности у него выше среднего показатели по шкале метросексуальности.

Таблица 15.
Критерии выраженности показателей по шкалам для определения варианта развития мужской идентичности

Типы	Варианты развития мужской идентичности	Значения баллов по шкалам опросника						
		Нормы эмоциональной твердости	Нормы умственной твердости	Нормы физической твердости	Нормы статуса	Нормы антиженственности	Шкала метросексуала	Шкала риска
Патриархатные	Гегемонный	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.
	Компенсаторный	Средние или ниже среднего				Выше ср.	Ниже ср.	Ср. и ниже
	Мягкий-патриархатный	Средние или выше среднего				Ср.	Ниже ср.	Ср.
Гибридные	А-гегемонно-метросексуальный	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.
	Б-гегемонно-метросексуальной нерискованный	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Ниже ср.
Альтернативные	Метросексуальный	Любые				Ниже ср.	Выше ср.	Любые
	Эгалитарный	Любые				Ниже ср.	Ср. и ниже ср.	Любые

В итоге получаем семь вариантов развития мужской идентичности, что несколько шире и вариативнее теоретических конструкций за счет гибридных вариантов (переходные формы между полюсами «патриархатная мужская идентичность» – «альтернативная мужская идентичность»).

Таким образом, опросник позволяет определить, какой вариант мужской идентичности сложился, на момент опроса, у опрашиваемо-

го в процессе гендерной социализации, при этом учитываются сложный социокультурный материал, который усваивают мальчики/юноши/мужчины в процессе гендерной социализации, а также активность, субъектность личности в процессе присвоения социокультурного материала при построении мужской идентичности.

Анализ вариантов развития мужской идентичности

Как уже сказанно выше, наиболее одобряема традиционным социумом «гегемонная мужская идентичность» (традиционный мужчина-лидер, физически и сексуально активный, способный доминировать над женщинами, эмоционально выдержанный, принимающий решения, рискованный).

«Компенсаторный» вариант развития мужской идентичности построен на сексизме и доминировании над женщинами, при этом сам мужчина не является активным носителем установок на соблюдение «норм мужественности». Велика вероятность того, что мужчина – обладатель «компенсаторной» идентичности склонен к насилию в отношении женщин.

«Мягкая» патриархатная идентичность характеризует мужчин в целом патриархатно-ориентированных, однако установка на соблюдение «норм мужественности» у них едва выражена.

Гибридные варианты развития мужской идентичности являются промежуточными вариантами между патриархатным и альтернативным развитием и предполагают установки на себя и соблюдение норм, присутствующих в данных полярных сценариях развития идентичности.

Альтернативные варианты строятся по принципу «с точностью до наоборот», в основе их развития лежит отход от признания гендерной дискриминации, при этом метросексуальный вариант предполагает более центрированного на себе и своей внешности мужчину.

Как складывается карьера, семейная жизнь и в целом судьба мужчин, конструирующих различные варианты мужской идентичности?

Кто более социально компетентен, кто более счастлив, кто более здоров и проживает более долгую и продуктивную жизнь? На эти вопросы только предстоит ответить, и это в настоящее время возможно, так как опросник ИРМИ «Я и другие мужчины» стандартизирован, прост в применении и, следовательно, «заточен» на решение множества задач в русле «мужских исследований».

ЧАСТЬ III. ПРАКТИКА «МУЖСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ» В РУСЛЕ СОЦИАЛЬНО-КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Глава 5. Развитие мужской идентичности: от мальчика к мужчине

(на основе использования опросника ИРМИ «Я и другие мужчины»)

5.1. Возрастные аспекты развития мужской идентичности

Опросник «Изучение развития мужской идентичности (ИРМИ) "Я и другие мужчины"» отражает количественный подход в гендерных исследованиях, а потому дает возможность проследить некоторые закономерности, связанные с развитием мужской идентичности. В данной главе мы затронем некоторые социально-психологические аспекты развития мужской идентичности, которые изучили при помощи данного нового психодиагностического инструмента. Первое, что нам представляется важным выяснить, – каково распространение тех вариантов развития мужской идентичности, которые были выделены нами на основе изучения теоретиков гендерных исследований и учтены при конструировании опросника.

Варианты развития мужской идентичности: ИРМИ

Как было описано в предыдущей главе, с помощью ИРМИ возможно идентифицировать семь вариантов развития мужской идентичности: три варианта – патриархатного типа (гегемонная, «компенсаторная» и «мягкая»), два – гибридного, и еще два – альтернативного.

«*Гегемонная мужская идентичность*» является своего рода доминирующим идеалом, культурно господствующим и самым престижным в обществе (лидер, физически и сексуально активный, способный доминировать над женщинами, эмоционально выдержанный, принимающий решения, рискованный, классический пример – образ мачо). Гегемонные формы отражают суть мужского превосходства, что предполагает не только иерархические практики доминирования между гендерными группами, но и построение иерархий в группе мужчин.

«Компенсаторный» вариант развития мужской идентичности основан на сексизме и доминировании над женщинами, при этом сам мужчина не является активным носителем установок на соблюдение «норм мужественности».

«Мягкая» патриархатная мужская идентичность характеризует мужчин, чья установка на соблюдение традиционных патриархатных «норм мужественности» едва выражена.

Гибридные варианты развития мужской идентичности являются промежуточным звеном между патриархатным и альтернативным развитием и предполагают установки на себя и соблюдение норм, присутствующих в данных полярных сценариях развития идентичности.

В основе *альтернативных вариантов развития мужской идентичности* лежит отход от признания гендерной дискриминации, при этом метросексуальный вариант предполагает более центрированного на себе и своей внешности мужчину, а эгалитарный вариант включает множество форм, ключевой объединяющий признак которых – признание другой гендерной группы как равноценной.

ИРМИ: распространенность патриархатных и альтернативных вариантов

Нами был опрошен 341 мужчина от 16 до 60 лет и старше (109 подростков 16–18 лет; 154 молодых человека от 19 до 25 лет; 57 взрослых работающих мужчин от 26 до 60 лет и 21 мужчина – старше 60 лет). Результаты этого опроса, описывающие распространение тех или иных вариантов развития мужской идентичности, представлены в таблице 16.

Таблица 16.
Варианты развития мужской идентичности у мужчин разных возрастных групп (%; всего 341 человек)

Возрастные группы, лет	Патриархатные варианты			Гибридные варианты		Альтернативные варианты	
	Гегемонный	Компенсаторный	Мягко-патриархатный	А-Гибридный вариант (рискованный)	Б-Гибридный вариант (нерискованный)	Метросексуальный	Эгалитарный
15–18	12,5	6,5	23,5	11,5	7,5	16	22,5
19–25	14	12	19	13	7,5	15,5	19
26–60	15	17	31	2	1	12	22
Старше 60	14	10	33	–	–	–	43
15–18	42,5			19		38,5	
19–25	45			20,5		34,5	
26–60	63			3		34	
Старше 60	57			–		43	

Согласно результатам исследования, около 15% мужчин всех возрастов претендуют на «практику гегемонной мужественности», около половины конструируют один из патриархатных вариантов мужской идентичности.

К сожалению, с возрастом увеличивается число мужчин, которые выбирают «компенсаторную патриархатную идентичность» в утверждении мужественности (возможно, они обладают негативным опытом конкуренции в своей гендерной группе). При этом примерно пятую часть молодых людей, имеющих незначительный жизненный опыт, можно отнести к колеблющимся (у них на момент опроса сформировалась гибридная мужская идентичность, так называемый промежуточный вариант). У взрослых мужчин «гибридные формы» мужской идентичности трансформируются преимущественно в патриархатные.

Метросексуалы, «созданные» современными маркетологами и «обществом потребления», населяют молодежное сообщество, а для большинства пожилых людей этот вариант конструирования мужествен-

ности неприемлем. Число же мужчин, ориентированных на эгалитарные отношения и построение эгалитарной мужской идентичности, как и «гегемонных», с возрастом не изменяется (исключением вновь является группа пожилых).

К сожалению, в нашей выборке группа пожилых мужчин невелика, тем не менее вероятно, что увеличение среди пожилых числа тех, кто сформировал у себя эгалитарную мужскую идентичность, обусловлено осмыслением жизненного опыта, позволяющим учесть вклад женщин в семью и «мужскую жизнь», дающим возможность пожилым мужчинам иначе, недискриминационно, строить свои отношения с женщинами и свою эгалитарную мужскую идентичность.

Основные координаты «карты» российской мужественности

Однако в целом складывается впечатление, что, если отбросить «эффект когорты» (то есть не сравнивать заведомо различные по культуре взросления группы, например подростков и пожилых), мы обнаруживаем весьма статичную структуру конструирования мужской идентичности современного российского мужчины, где:

- не менее чем каждый десятый оказывается претендующим на гегемонность;
- не менее чем каждый десятый строит свою мужскую идентичность компенсаторно, основываясь не на достижениях в процессе конкуренции в мужской группе, а на пренебрежении к женщине;
- более половины мужчин периода «средней взрослости» сформировали у себя патриархатную мужскую идентичность;
- не менее чем каждый десятый (как правило, молодые мужчины), готов признавать права женщин, сконцентрировав исключительное внимание на себе и своем теле;
- каждый пятый, отчасти разделяя традиционные «мужские нормы», готов к эгалитарным, равноправным отношениям, поскольку его мужская идентичность – эгалитарна.

Подобная согласованная структура различных вариантов развития гендерной идентичности у мужчин, принадлежащих к разным возрастным группам, наталкивает на мысль, что она обусловлена доминиру-

ющей «желательной» ориентацией на патриархатную идентичность, личностной характерологией и субъектностью в решении тех жизненных задач (трудности, травмы, проблемы), с которыми столкнулся мужчина в процессе взросления.

Особое внимание стоит обратить на значительное число тех мужчин, кто принимает идеалы патриархата, а также на тех юных и молодых, кто ориентирован на новые «метросексуальные стратегии» формирования «нового мужчины». Конформизм как основной механизм социализации «работает» на то, чтобы унифицировать личностный ландшафт, и по результатам нашего исследования мы определенно убеждаемся в наличии этой «унификации».

Однако гораздо важнее понимание, что именно «глобальные факторы», связанные с макроуровнем, будь то «доминирующие нарративы патриархата» или новые агрессивные маркетинговые стратегии, во многом определяют развитие личности.

5.2. Социально-психологическая адаптированность старшеклассников с разными вариантами развития мужской идентичности

Стремительные социально-культурные трансформации в России последних десятилетий принципиально изменяют среду взросления современных школьников. Необходимость тщательно исследовать и описывать эту среду взросления, выделяя новые измерения, используя неожиданные стратегии и нестандартный взгляд, провозглашается рядом исследователей детства – педагогов и психологов [см., например: Фельдштейн Б.Д., 2010]. Так, в фокусе научного внимания оказываются подростковые субкультуры, проблемы «культурного разрыва», кардинальные изменения в ценностных системах детей и подростков.

Изменения в области гендерных отношений

Тем не менее не все изменения вызывают тревогу. Изменения в системе гендерных отношений, достижение гендерного равенства позволили

России приблизиться к демократическим странам, чьи ценности центрированы на развитии человеческого капитала [Баскакова М.Е., 2001].

Однако поведение молодых людей вне прежних, понятных полоролевых норм – «асексуально»-романтичное (как, например, у эмо) или демонстративно нестереотипное (как, например, у юношей с метросексуальными установками) – вызывает тревогу у родителей, педагогов, взрослого окружения в целом.

В фокусе данного исследования находится социально-психологическая адаптированность городских юношей, придерживающихся традиционных и модернизированных установок на мужское поведение и мужскую идентичность.

Для изучения мужской идентичности был использован опросник «Изучение развития мужской идентичности (ИРМИ) ″Я и другие мужчины“»), для изучения показателей социально-психологической адаптированности у юношей-старшеклассников, обладающих различными вариантами развития мужской идентичности, – «Опросник социально-психологической адаптированности» К. Роджерса и Р. Даймонда (в адаптации А.К. Осницкого).

ИРМИ: мужская идентичность старшеклассников

В исследовании принял участие 81 старшеклассник из разных городских школ (включая гимназии, лицеи и общеобразовательные школы в «спальных районах»), преимущественно 11-классники.

Результаты исследования позволили выявить статистически достоверные различия (при помощи критерия U Манна-Уитни) между разными группами старшеклассников и проследить ряд социально-психологических закономерностей каждого из вариантов развития мужской идентичности.

Первым итогом данного исследования стало распределение всех старшеклассников из выборки согласно вариантам развития их мужской идентичности (таблица 17).

Согласно таблице 17, наиболее ортодоксальный и патриархатный – *гегемонный вариант* развития мужской идентичности, эталон «идеальной мужественности» на протяжении многих столетий, в настоящее

время не является самым популярным и почитаемым (только каждый десятый юноша из выборки нашего исследования демонстрирует данный вариант развития мужской идентичности).

Таблица 17.
Варианты развития мужской идентичности у старшеклассников (%)

Патриархатные варианты			Гибридные варианты		Альтернативные варианты	
Гегемонный	Компенсаторный	Мягко-патриархатный	Гибридный вариант А (рискованный)	Гибридный вариант Б (нерискованный)	Метросексуальный	Эгалитарный
12,5	6,5	23,5	11,5	7,5	16	22,5
42,5			19		38,5	

Однако в совокупности гегемонный вариант развития мужской идентичности и гибридный вариант типа А у юношей-старшеклассников (оба варианта предполагают одинаково высокие показатели почти по всем шкалам и отличаются наличием высоких показателей по ключевой шкале метросексуальности у гибридного варианта) дают уже 24%, что составляет четверть от общей выборки и свидетельствует о стремлении этой части юношей-старшеклассников сохранить мужское доминирование в обществе.

Более актуальными и часто встречающимися среди старшеклассников являются «мягкие», негегемонные варианты развития мужской идентичности. Так, почти половина всех старшеклассников оказались обладателями двух вариантов развития мужской идентичности – это «мягкий» патриархатный (23,5%) и эгалитарный (22,5) варианты. Следует отметить, что «мягкий» патриархатный вариант – самый демократичный и «мягкий» из патриархатных типов, а эгалитарный – проявление самого высокого уровня неподверженности стереотипным гендерным ролям и моделям поведения.

Кроме того, у 16% старшеклассников был идентифицирован метросексуальный вариант развития мужской идентичности, который также относится к альтернативным, непатриархатным вариантам. Юноши с метросексуальным вариантом развития мужской идентичности отличаются эстетизмом, концентрацией на себе и своем внешнем виде, повышенным вниманием к модным маркам одежды и аксессуарам, возможной нарциссической направленностью личности. Молодые мужчины этого варианта мужской идентичности вне зависимости от сексуальной ориентации (как гомо-, так и гетеросексуальные) практикуют «иную мужественность», приемлют салоны красоты, средства по уходу за кожей и волосами, тщательный уход за собой и другие формы прихорашивания себя, которые в обществе традиционно воспринимаются в рамках «женской прерогативы».

Адаптированность и варианты развития мужской идентичности

Рассмотрим далее социально-психологические особенности адаптированности старшеклассников с разными вариантами развития мужской идентичности (таблица 18).

Патриархатные варианты развития мужской идентичности получили амбивалентные показатели социально-психологической адаптированности.

Наиболее благополучное положение среди обладающих патриархатными формами развития мужской идентичности наблюдается у юношей с гегемонной мужской идентичностью (достаточно высокие показатели по адаптированности и позитивные показатели в «Сфере Я»), однако в данной группе отмечаются низкие показатели по шкале эмоционального комфорта и тенденция к уходу от проблем.

Поскольку гегемонный вариант развития мужской идентичности является одновременно социальножелательным и деструктивным по своему психологическому содержанию, данные по социально-психологической адаптированности и дезадаптированности отражают противоречивость социальных ожиданий от представителей этого варианта развития мужской идентичности, а наличие эмоциональных

проблем полностью согласуется с описанным ранее «стрессом мужской гендерной роли» О'Нила [Берн Ш., 2004].

Дальнейший анализ патриархатных вариантов развития мужской идентичности убеждает в наличии различных проблем у юношей этих двух подгрупп. Если гегемонная патриархатная идентичность требует тотального доминирования (как над мужской, так и над женской гендерными группами), то компенсаторная как бы игнорирует конкуренцию внутри мужской группы и обеспечивает «психологическое доминирование», опираясь на социальные стереотипы «вторичности женщин».

По данным нашего исследования, компенсаторный вариант развития мужской идентичности является самым неблагополучным практически по всем показателям социально-психологической адаптированности (наблюдаются низкие показатели в сферах адаптированности, эмоционального комфорта, внутреннего контроля и уход от проблем).

Компенсаторная маскулинность, по мнению Ш. Берн, представляет собой совокупность качеств, с помощью которых мужчина компенсирует несоответствие основным «мужским стереотипам» (прежде всего статуса) [Берн Ш., 2004].

Вероятно, именно из-за постоянного чувства несоответствия возникают низкая самооценка, эмоциональный дискомфорт, непринятие себя и других людей, бегство от существующих проблем.

Мягко-патриархатный вариант развития мужской идентичности на первый взгляд можно охарактеризовать как менее адаптированный, однако некоторая «неприспособленность» данного подтипа уравновешивается некоторыми конструктивными личностными характеристиками (более высокие показатели эмоционального комфорта, самая низкая склонность к доминированию, самые высокие значения по внутреннему контролю среди патриархатных вариантов и самый низкий балл по уходу от проблем).

Таблица 18.
Социально-психологическая адаптированность старшеклассников с разными вариантами мужской идентичности

Варианты развития мужской идентичности		Показатели социально-психологической адаптированности												
		адаптированность	дезадаптированность	принятие себя	непринятие себя	принятие других	непринятие других	эмоцион. комфорт	эмоцион. дискомфорт	внутр. контроль	внешн. контроль	доминирование	ведомость	эскапизм
Патриархатный	Гегемонный	137	69	51	9	27	15	21	13	48	20	15	12	17
	«Компенсаторный»	131	78	47	15	24	13	20	15	47	21	13	15	18
	«Мягкий» патриархат.	129	68	44	12	25	16	22	13	55	19	11	16	13
Гибридный	Гибридный А	135	68	48	14	23	18	22	16	53	21	13	13	17
	Гибридный Б	132	61	47	12	23	13	23	11	51	14	13	10	15
Альтерн.	Метросексуальный	144	59	54	8,6	28	12	27	9	57	18	13	15	15
	Эгалитарный	156	58	50	10	25	12	27	9	57	17	11	14	16
Различия между группами достоверны на уровне*														
Сравниваемые группы	1 и 3			0,05								0,05		0,05
	1 и 4					0,05	0,05							
	1 и 6							0,05						
	1 и 7	0,05						0,05						
	2 и 3											0,05		0,05
	2 и 5										0,05			
	2 и 6				0,05	0,05		0,05		0,05				0,05
	2 и 7	0,05	0,01					0,05		0,05				
	3 и 7	0,01												
	4 и 5										0,05			
	4 и 7	0,05												
	5 и 7	0,05											0,05	

* Различия были выявлены при помощи критерия U Манна-Уитни, который предназначен для оценки различий между двумя выборками по уровню какого-либо признака, измеренного количественно.

Можно сказать, что юноши-старшеклассники с данным вариантом мужской идентичности обладают положительным социально-психологическим потенциалом для решения проблем (главным образом за счет низких показателей по эскапизму и за счет «эмоционального равновесия»).

Гибридные варианты развития мужской идентичности получили средние по сравнению с другими группами значения адаптированности. Но у юношей – представителей А-гибридного варианта развития мужской идентичности выявлено наибольшее неблагополучие в сфере «Отношения с другими» (низкие показатели принятия других в сочетании с высокими баллами по непринятию других). Кроме того, данный вариант развития мужской идентичности характеризуется низкими по выборке показателями в сфере эмоционального комфорта.

При сравнении А-гибридного (гегемонно-метросексуального) и метросексуального вариантов развития мужской идентичности очевидно, что юноши, обладающие только метросексуальными характеристиками, без гегемонных, являются намного более благополучными в социальном и психологическом плане. Вероятно, именно «гегемонность» как совокупность традиционных патриархатных норм мужественности является причиной дезадаптивности и эмоционального дискомфорта.

Юноши с метросексуальным вариантом развития мужской идентичности демонстрируют высокие показатели адаптированности и эмоционального комфорта, они наиболее позитивно принимают как себя, так и окружающих людей, отличаются хорошо развитым внешним и внутренним контролем.

Представители эгалитарного варианта развития мужской идентичности демонстрируют наиболее высокий показатель адаптированности среди всех групп старшеклассников, кроме того, они отличаются и другими позитивными социально-психологическими показателями: достаточно высокие значения принятия себя и других, позитивные показатели эмоционального комфорта и внутреннего контроля.

В целом можно отметить, что полученные результаты разрушают основные стереотипы и традиционные взгляды на мужественность, согласно которым считается, что наиболее распространенным и социально-психологически адаптированным является патриархатный вариант развития мужской идентичности. Результаты нашего ис-

следования продемонстрировали, что патриархатные варианты развития мужской идентичности занимают уже не абсолютно лидирующие позиции и являются не самыми благополучными по характеристикам социально-психологической адаптации.

Среди патриархатных моделей можно отметить достаточно высокую успешность гегемонного варианта развития мужской идентичности в социальном контексте, но к проблемным зонам «гегемонной мужественности» определенно можно отнести эмоциональное неблагополучие. Наиболее неблагоприятные показатели социально-психологической адаптированности (как среди патриархатных вариантов, так и среди всех групп школьников) наблюдаются у компенсаторного варианта развития мужской идентичности. Вероятно, из-за постоянного чувства несоответствия основным стандартам мужской культуры (прежде всего нормы статуса) у юношей с данным вариантом мужской идентичности формируются низкая самооценка, эмоциональный дискомфорт и другие неблагоприятные характеристики личности, выявленные в нашем исследовании.

Наиболее адаптированные варианты развития мужской идентичности

Согласно проведенному исследованию, метросексуальный и эгалитарный варианты развития мужской идентичности продемонстрировали самые благополучные (статистически достоверные) показатели социально-психологической адаптированности.

Альтернативные варианты развития мужской идентичности снимают проблемы «эмоционального напряжения», присущие другим вариантам развития мужской идентичности, поэтому в целом социально-психологическое благополучие этих категорий юношей более выражено.

Тем не менее два альтернативных варианта развития мужской идентичности социально разнонаправленны: метросексуальный вариант более ориентирован на себя, эгалитарный – на других.

Каковы ценностные предпочтения, социальные планы и социальные успехи группы юношей-старшеклассников с «новой мужской идентичностью», мы планируем изучить в ближайшем будущем.

5.3. Инвариант негегемонной мужественности: современные старшеклассники и герои русских народных сказок

Воздействие словом – рассказывание и чтение сказок с воспитательной целью – на протяжении многих веков используется в человеческой культуре [Радина Н.К., 2006]. Современные исследования относят книги к агентам социализации, поскольку при помощи чтения человек «входит в культуру», понимает, какие события могут с ним произойти и как придется решать те или иные задачи.

Некоторые исследователи проводят настолько жесткую связь между культурой, ее усвоением и психическим здоровьем человека, что буквально ограничивают в лечебных целях круг возможного чтения, особенно когда речь заходит о детях: «*Анализ преобладающего содержания информационной, особенно компьютерной и телевизионной среды, в которую погружены современные дети, позволяет предположить, что данная среда может «отрывать» их от реальной жизни, выхолащивать эмоциональное содержание отношений и стать причиной развития аутизма*» [Сухарев А.В., Кравченко О.Ф., Овчинников Е.В. и др., 2003, с. 69].

Русские сказки и «женственная мужественность»

В предыдущих главах мы анализировали исследования, где российская мужественность реконструировалась на основе материалов художественных текстов, главным образом фольклорных. Так, в статье профессора Н.Л. Пушкаревой, известного специалиста в области российской истории, было идентифицировано описание нестандартной, «немужественной мужественности» русских народных сказок [Пушкарева Н.Л.]. «Немужественные» герои (Емеля, Иванушка-дурачок, Иван-царевич и др.) добиваются успеха и становятся победителями не в силу «мужских достоинств», а, напротив, благодаря мягкости, добросердечию, заботе, терпению, состраданию и т.п. – то есть качествам, традиционно расцениваемым как «женские».

«*Рисуя женщин более умными и практичными <…>, русская сказка – сплошь и рядом противореча основному (мировому) сказочному ка-*

нону – выстраивает необычную для патриархатного общества систему гендерных отношений: персонажи мужского пола не бегут, не скрываются от сильных женщин, не побеждают их – а признают их превосходство <…>. Вероятно, ответ на вопрос об "умных девах" русских сказок надо искать во всей десятивековой истории русских женщин, которая заметно отлична от европейской. В силу распространенности образов "сильных женщин" в произведениях русского фольклора вполне разумно видеть и их корреляты – образы слабых или кажущихся слабыми *мужчин*» [Пушкарева Н.Л.].

Н.Л. Пушкарева, принимая «архетипическое» значение сказок для определения «национального характера», настаивает на необходимости признания российской непатриархатной мужественности как условия «гендерного баланса» в отношениях между полами. Тем не менее на вопрос, насколько реальны и одновременно позитивны в настоящее время «немужественные» российские мужчины, насколько герои сказок созвучны нашим современникам, до последнего времени не удавалось ответить определенно из-за ограничений исследовательского инструмента, используемого в гендерных исследованиях в психологии.

Создавая опросник «Изучение развития мужской идентичности (ИРМИ) "Я и другие мужчины"», безусловно, мы не ставили перед собой цели выяснить, насколько реальны в настоящее время сказочные «Иванушки-дурачки», однако результаты исследований с использованием данного опросника позволили нам согласиться с позицией профессора Н.Л. Пушкаревой.

ИРМИ: поиск негегемонной мужественности

Обратимся к результатам исследования, выполненного на подростковой выборке (81 старшеклассник). Благодаря опроснику ИРМИ мы смогли разделить выборку на тех старшеклассников, кто практикует патриархатные сценарии развития мужской идентичности (42,5%), гибридные (смешанные; 19%) и альтернативные (непатриархатные; 38,5%), подробно описанные в предыдущем разделе (подробнее – см. таблицу 17).

Необходимо отметить, что первоначально, описывая распространенность тех или иных вариантов развития мужской идентичности (патриархатных или альтернативных) у современных юношей-старшеклассников, мы не пытались искать «корреляты» русских народных сказок в «мужской психологии». Идентификация «Иванушки-дурачка» в нашем исследовании произошла позднее, когда мы проанализировали социально-психологические аспекты адаптированности старшеклассников.

Среди обладающих патриархатными вариантами наиболее социально-психологически адаптированными оказались старшеклассники с гегемонными вариантами мужской идентичности. Наиболее неблагоприятное положение в социально-психологическом смысле из всех возможных вариантов – у «компенсаторного» патриархатного варианта. «Мягкий» патриархатный занимает промежуточное положение: при невысоких показателях по адаптированности, тем не менее позитивный психологический ресурс (более высокие показатели эмоционального комфорта, самая низкая склонность к доминированию, самые высокие значения по внутреннему контролю среди патриархатных вариантов и самый низкий балл по уходу от проблем).

У юношей с гибридными вариантами развития мужской идентичности средние показатели по адаптированности при неблагополучных показателях по отношениям с окружающими, а юноши, развивающие у себя альтернативную мужественность, в социально-психологическом плане оказались весьма благополучными (подробнее – см. таблицу 18).

Инвариант российской мужественности

Итак, где же в данном описании скрыты «Иванушки»? Разумеется, это не гегемонный вариант развития мужской идентичности и не варианты гибридного типа. Однако это и не альтернативные варианты мужественности с позитивными показателями по большинству шкал.

Мы полагаем, что наши «Иванушки-дурачки» – это юноши, идентифицированные нами при помощи опросника ИРМИ как носители «мягкой» патриархатной мужской идентичности (почти каждый четвертый старшеклассник из нашей выборки). Если проанализировать

таблицу 18, мы увидим не очень приспособленных юношей недоминантного склада, ведомых и не очень удовлетворенных собой, готовых к компромиссу и сотрудничеству.

Действительно, герои русских народных сказок в целом разделяют патриархатный уклад: «*Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живет с молодой женой – потешается. А службы не забывает* <…>» [«Поди туда, не знаю куда»].

Однако, как и в случае современных «Иванушек», Иван из русской народной сказки недоминантен и принимает инициативу женщин: «*Боролись с утра до вечера – от красна солнышка до закату. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сыру землю. Девица Синеглазка стала коленкой на его белу грудь и вытаскивает кинжалище булатный – пороть ему белу грудь. Иван-царевич и говорит ей: “Не губи ты меня, девица Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними со сырой земли, поцелуй в уста сахарные”*» [Сказка о молодильных яблоках].

Несамостоятельность героя в русской народной сказке не осуждается, а верность и доброта оцениваются выше мудрости и умений: «Обнял его старик и простил. “Спасибо тебе, – говорит, – сынок. В платье заветном прелесть была в книге – мудрость, а в зеркальце – вся видимость мира <…> Все я ей собрал, а того не положил, что в тебе было, – главного таланту”» [«Иван Бесталанный и Елена Премудрая»].

«Мягкая» патриархатность российских мужчин становится основой «гендерного баланса», неконфликтного взаимодействия с сильными и находчивыми российскими женщинами: «*”Обожди меня, матушка, – сказал Иван. – Может, я хлеба тебе принесу”. “Да уж где тебе, – ответила мать, – где тебе, бесталанному, – хлеба взять! <...> Невесту бы где сыскал себе, – глядь, при жене-то, коли разумница окажется, всегда с хлебом будешь”*» [«Иван Бесталанный и Елена Премудрая»].

Основа российского «гендерного баланса»

Таким образом, «немужественные герои» русских народных сказок представляют инвариант российской негегемонной (мягко-патриархатной) мужественности, что можно обоснованно утверждать, опираясь на результаты данного психологического исследования. Их

патриархатность проявляется в попытке возглавить ситуацию, управлять ею. Их «мягкая» патриархатность заключается в том, что они не настаивают на своем решении и, видя, что женщины (матери, жены, дочери) делают что-то лучше, не конкурируют, не пресекают женскую активность, а поддерживают и дают свободу своим женщинам.

Они чувствуют себя самоценными без того, чтобы ощущать себя влиятельным и требовать повиновения. Уступая талантливым женщинам как бы «свою» территорию мастерства, мудрости и власти, они тем самым поддерживают «гендерный баланс» социального пространства.

Убедившись, что феномен негегемонной российской мужественности может быть идентифицирован в реальном социальном пространстве и исследован, мы планируем в дальнейшем проследить, чт*о* в социально-психологическом плане происходит с теми российскими юношами, кто практикует «мягкую» патриархатную мужественность (планируем выяснить, чт*о* происходит в социально-психологическом смысле с современными «Иванушками-дурачками» в процессе их взросления).

Кроме того, перипетии взаимодействий сказочных героев, во многом отражающие социальную организацию общества на время их «рождения» [Пропп В.Я., 1986], созвучные также и жизни наших современников, наталкивают на предположение о возможном частичном сохранении основных социальных структур и сценариев в российской многовековой истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мужчинами рождаются – или становятся? Мы дважды отвечаем «да», соглашаясь с обеими частями данного вопроса.

Да, вслед за С. Бем мы считаем, что мальчик является мальчиком по факту рождения и он вправе утверждать свою мужскую идентичность самыми разными, в том числе и нестандартными, способами (и это не сделает его не-мальчиком).

Да, мы признаем мощь социальной машины, которая оказывает давление на мальчиков и мужчин, выставляя им определенные требования, определяя координаты предпочитаемой мужественности, которым мужчины должны соответствовать, или они вынуждены бороться с внешним давлением, пытаясь отстоять свое видение мира и себя в нем.

В своем понимании социальной психологии мужественности мы утверждаем ценность культурологических и антропологических исследований, позволяющих идентифицировать и глубже понять конкретные социокультурные черты окружающего мира, без чего невозможно спланировать социально-психологическое исследование. Однако социально-психологическое исследование также невозможно без реконструкции социальных систем и рефлексии схем социальных взаимодействий, которые выстраивают исследователи-социологи.

Дискутируя о трудностях в развитии гендерных исследований в социальной психологии, мы полагаем, что данные трудности во многом обусловлены недостатком эмпирических исследований, опирающихся на различные теоретические концепции и модели в русле гендерного подхода. Однако ограниченность эмпирических исследований во многом обусловлена скудностью психодиагностического инструмента в области гендерной психологии. Именно поэтому значительные усилия, предпринятые нами, были направлены на создание опросного инструмента для изучения мужской идентичности, укорененного в гендерную методологию и социальный конструктивизм.

Данный опросник фактически измеряет «установки на себя» в структуре отношений личности с включающей ее гендерной группой, то есть определенно изучает социальную (а именно гендерную) идентичность мужчин.

Тем не менее при определенной модификации с помощью этого же опросника можно изучать «установки на другого», в частности установки женщин на предпочтительный вариант развития мужской идентичности у своих реальных и идеальных партнеров (по браку, по работе и т.д.). Таким образом, при некоторой корректировке инструкции данный опросник может решать более широкий круг психологических исследовательских задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия мысли. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Издательство МГУ, 1990. 240 с.
3. Айвазова С.Г. Патриархат // Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация – XXI век, 2002. Режим доступа: http://www.owl.ru/gender/128.htm [Дата обращения: 1.09.2010].
4. Алешина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 74-81.
5. Анастази А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2006. 688 с.
6. Бараулина Т., Ханжин А. Конструирование мужской сексуальности через презентацию биографического опыта в интервью // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара (Санкт-Петербург, 14-17 ноября 1996) / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. СПб.: ЦНСИ, 1997. Труды ЦНСИ Вып. 5. С. 99-104.
7. Барчунова Т.В. Сексизм в букваре // ЭКО. Новосибирск. 1995. № 3. с. 133-155.
8. Барчунова Т.В. Эгоистичный гендер // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 180-192.
9. Баскакова М.Е. Гендерные аспекты инвестиций в человеческий капитал в современной России // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Отв. ред. О. Воронина. М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. С. 287-310.
10. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 301 с.
11. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
13. Берд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Гендерные исследования. 2006. № 14. Режим доступа: http://www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal-014.shtml [Дата обращения: 01.09.2010].

14. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 320 с.
15. Богомолова Н.Н., Мельникова О.Т., Фоломеева Т.В. Фокус-группы как качественный метод в прикладных социально-психологических исследованиях // Введение в практическую социальную психологию / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. М.: Смысл, 1996. с. 281-304.
16. Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В. Фокус-группы как метод социально-психологического исследования. М.: Магистр, 1997. 80 с.
17. Боренстейн Э. Ах, «Андрюша», нам ли быть в печали… Национализм современных «мужских» журналов // О муже(N)ственности: Сб. статей / Сост. С. Ушакин. М.: НЛО, 2002. с. 360-377.
18. Бранд Г. Гендерные исследования в России: особенности и проблемы // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Н. Попковой, И.Н. Тартаковской. Самара: Изд-во Самарского университета, 2003. с. 23-30.
19. Бурдье П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. с. 286-364.
20. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике / Отв. ред. С.Б. Крымский. Киев: Наукова Думка, 1989. 199 с.
21. Бэр Б.Д. Возвращение денди: гомосексуализм и борьба культур в постсоветской России // О муже(N)ственности: Сб. статей / Сост. С. Ушакин. М.: НЛО, 2002. с. 556-581.
22. В поисках сексуальности: Сб. статей / Под ред. Е. Здравомысловой А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 612 с.
23. Введение в гендерные исследования. Учебное пособие Ч. I./ Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. 708 с.
24. Виноградова Т.В., Семенов В.В. Сравнительное исследование познавательных процессов у мужчин и женщин: роль биологических и социальных факторов // Вопросы психологии. 1993. № 2. с. 63-71.
25. Власть, семья, этнос: гендерные роли в XXI веке. Материалы Международного общественного и научного форума (28-30 ноября 2010 г., Москва). М.: ИЭА РАН, 2010.
26. Воронина О.А. Женщина в мужском обществе // Социологические исследования. 1982. № 2. с. 43-50.
27. Воронина О. Съезд всех съест // Гендерные исследования. 2008. № 18. Режим доступа: http://www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal/18/20.pdf [Дата обращения: 1.09.2010].

28. Воронина О.А. Гендер // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация – XXI век, 2002. с. 21.
29. Гапова Е. Итоги съезда: еще раз о классовом вопросе постсоветского феминизма // Журнал исследований социальной политики. № 4. т. 7. 2009. с. 465-484.
30. Гилиган К. Место женщины в жизненном цикле мужчины // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. с. 166-186. Режим доступа: http://www.cisr.ru/files/publ/Xrest_fem_texts.pdf [Дата обращения: 12.12.2010].
31. Гилмор Д. Загадка мужественности // Введение в гендерные исследования. ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. с. 880-904.
32. Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М.: РОССПЭН, 2005. 264 с.
33. Гладырев Б. В поисках «мужских» пространств: рыбалка // Мужской сборник. Вып. 3: Мужчина в экстремальной ситуации / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: Индрик, 2007. с. 233-243.
34. Голик М. Влияние сказок и мультфильмов на формирование системы ценностей у старших дошкольников // Гендерные отношения в современном российском обществе. СПб.: СЗАГС, НИЯК, 2002. с. 264-268.
35. Горошко Е.И. Особенности мужских и женских вербальных ассоциаций (Опыт качественной интерпретации) // Гендер: язык, культура, коммуникация / Доклады Второй международной конференции. М.: Рудомино, 2002. с. 77-86.
36. Громов Д.В. Изменение психологических характеристик личности в процессе прохождения процедур инициационного типа: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. М., 2002.
37. Громов И.А., Мацкевич И.А. Семенов В.А. Западная социология. СПб.: Издательство ДНК, 2003. 531 с.
38. Грошев И.В. Гендерные образы рекламы // Вопросы психологии. 2000. № 6. с. 38-49.
39. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. М.: МПСИ, 2008. 432 с.
40. Гусева Ю.Е. Дуализм образа мужчины в популярных журналах: брутальный супермен и/или инфантильный муж // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. Материалы международной научной конференции. Иваново, 15-16 сентября 2000 г. ч. II. Социология, политология, юриспруденция, экономика. Иваново: Издат. центр «Юнона», 2000. с. 79-83.

41. Данилова Н. Срочники, пиджаки, профессионалы: разные мужественности участников постсоветских войн // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 5. № 2 (31). с. 110-126.
42. Дворкин А. Порнография: мужчины обладают женщинами // Гендерные исследования, (Харьков). 1999. № 3. с. 79-87.
43. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о человеке в компании птиц и зверей. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 208 с.
44. Жеребкин С. Сексуальность на Украине: Гендерные «политики идентификации» в эпоху козачества // Гендерные исследования. 1998. № 1. с. 228-253.
45. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период (сборник научных статей). СПб.: Центр независимых социологических исследований, 1996. с. 5-13.
46. Здравомыслова Е., Герасимова Е., Троян Н. Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе // Преображение. 1998. № 6. с. 7-18.
47. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Введение. Феминистский перевод: текст, автор, дискурс // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. с. 5-28. Режим доступа: http://www.cisr.ru/files/publ/Xrest_fem_texts.pdf [Дата обращения: 12.12.2010].
48. Здравомыслова Е., Темкина А. Создание гендерной идентичности: методика анализа интервью // Гендерные исследования. 2000. № 5. с. 211-225.
49. Здравомыслова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности: Сб. статей / Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. с. 432-451.
50. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Понятийное поле исследования гендерных отношений // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Н. Попковой и И.Н. Тартаковской. Самара: И-во Самарского университета, 2003. с. 10-22.
51. Зиммель Г. Избранное. В 2 т. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.
52. Иван Бесталанный и Елена Премудрая // Русские народные сказки. Режим доступа: http://www.folk-tale.narod.ru/narodskaz/Russkie-skazki/Ivan-Bestalannyi-i-Elena-Premudraya.html [Дата обращения: 22.12.2010].
53. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории/ Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Издательство Института психологии РАН, 1997. с. 208-268.

54. Каган В.Е. Когнитивные и эмоциональные аспекты гендерных установок у детей 3-7 лет // Вопросы психологии. 2000. № 2. с. 65-69.
55. Каган В.Е. Стереотипы мужественности-женственности и образ Я у подростков // Вопросы психологии. 1989. № 3. с. 40-57.
56. Каган В.Е. Половая идентичность у детей и подростков в норме и патологии: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. Л., 1991.
57. Ким В.С. Тестирование учебных достижений. Уссурийск: Издательство УГПИ, 2007. 214 с.
58. Киммел М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности // Наслаждение быть мужчиной: Западные теории маскулинности и постсоветские практики / Под ред. Ш. Берд, С. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2008. с. 38-57.
59. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: РОССПЭН, 2004. 252 с.
60. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов: введение в психометрическое проектирование. М.: Аспект Пресс, 1995. 271 с.
61. Клецина И.С. Гендерная социализация: Учебное пособие. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. 92 с.
62. Клецина И.С. От психологии пола – к гендерным исследованиям в психологии // Вопросы психологии. 2003. № 1. с. 61-78.
63. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. Монография. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.
64. Клецина И.С. Развитие гендерной компетентности государственных и муниципальных служащих в процессе гендерного образования // Женщина в российском обществе. 2007. № 3 (44). с. 60-65.
65. Клецина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3 (52). с. 29-41.
66. Кон И.С. История и теория мужских исследований // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2002. с. 188-242.
67. Кон И.С. Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках. М.: ИЭА РАН, 2001. с. 9-37.
68. Кон И.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2. с. 47-57.
69. Кон И.С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988. 270 с.
70. Кондратьев М.Ю. Подросток в замкнутом круге общения. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997.

71. Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001.
72. Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. с. 251-280.
73. Котовская М.Г., Шалыгина Н.В. Анализ феномена мачизма // Общественные науки и современность. 2005. № 2. с. 166-176.
74. Крейдлин Г.Е. Проксодика, семантика и прагматика невербального коммуникативного поведения: жесты, позы и знаковые телодвижения женщин и мужчин // Гендер: язык, культура, коммуникация: Доклады Второй международной конференции. М.: Рудомино, 2002. с. 14-26.
75. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. 2-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2008. 294 с.
76. Кузовова В.В. Мужские гендерные номинации в СМИ: семантико-фукциональный аспект. Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/knp/138/knp138_134-137.pdf [Дата обращения: 1.09.2010].
77. Культурно-историческая теория высших психологических функций // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под. ред. А.В. Брушлинского. М.: Издательство Института психологии РАН, 1997. с. 164-207.
78. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.
79. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
80. Лурье С.В. Психологическая антропология. М.: Альма-Матер, 2005. 624 с.
81. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
82. Малышева М.М. Анализ качественных данных в гендерных исследованиях // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой М.: Academia, 2001. с. 146-168.
83. Малышева М.М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М.: Academia, 2001. 352 с.
84. Мезенцева Е.Б. Теоретические подходы к гендерной экономике. // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. Введение М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. с. 109-163.
85. Мезенцева Е.Б. Введение. Гендер в экономическом анализе // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертизы российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – Русская панорама, 2002. с. 13-22.

86. Мещеркина Е. Бытие Мужского Сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(N)ственности: Сб. статей / Сост. С. Ушакин. М.: НЛО, 2002. с. 268-287.
87. Мещеркина Е.Ю. Качественные методы гендерной социологии // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2001. с. 169-187.
88. Мид М. Мужское и женское: исследование полового вопроса в меняющемся мире. М.: РОССПЭН, 2004. 416 с.
89. Нечаева Н.А. Патриархатная и феминистская картина мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради Выпуск первый. / Отв. ред. А.А. Клецин. СПб.: СПб. филиал Ин-та социологии РАН, 1997. с. 17-44.
90. Никитина А.А. «Мужчина моей мечты» в представлениях юношей и девушек: сравнительный анализ // Мужская повседневность: труд, досуг, духовная жизнь. Тезисы международной интернет-конференции / Сост. Д.В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2007. с. 26,27.
91. Никитина А.А. Социально-психологическое содержание конструкта «маскулинность» в работах социологов, культурологов и психологов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. Серия «Психологические науки»: «Акмеология образования». 2008. Т. 14. № 4. с. 147-150.
92. Нормы профессиональной этики для разработчиков и пользователей психодиагностических методик. Стандартные требования к психологическим тестам / Составители: Рукавишников А.А., Соколова М.В., Чернявская А.П. Ярославль: Дебют, 1991. 32 с.
93. О муже(N)ственности: Сб. статей / Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 720 с.
94. Омельченко Е. Изучая гомофобию: Механизмы исключения «другой» сексуальности в провинциальной молодежной среде // В поисках сексуальности: Сб. статей / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. с. 469-510.
95. Павленко В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. 2000. № 1. с. 135-141.
96. Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке / Психологический журнал. 2002. № 3. с. 113-121.
97. Платон. Пир. Речь Аристофана: Эрот как стремление человека к изначальной целостности. Режим доступа: http://autoeros.tripod.com/platon/pir4.html [Дата обращения: 1.09.2010].

98. Поди туда, не знаю куда // Русские народные сказки. Режим доступа: http://www.folk-tale.narod.ru/narodskaz/Russkie-skazki/Podi-tuda---ne-znayu-kuda-prinesi-to---ne-znayu-chto.html [Дата обращения: 22.12.2010].
99. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство ЛГУ, 1986. 368 с.
100. Пушкарева Н.Л. «Странные мужчины» в русской национальной традиции. Режим доступа: http://www.astrasong.ru/index.php/science/article/348/ [Дата обращения: 22.12.2010].
101. Пушкарева Н.Л. Зачем он нужен, этот «гендер»? // Социальная история 1998/1999. М., 1999. с. 155-177.
102. Рабжаева М.В. Андроцентризм // Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация – XXI век, 2002. Режим доступа: http://www.owl.ru/gender/003.htm [Дата обращения: 01.09.2010].
103. Радина Н.К. Об использовании гендерного анализа в психологических исследованиях // Вопросы психологии. 1999. № 2. с. 22-27.
104. Радина Н.К. Гендерная идентичность // Словарь гендерных терминов/ Под ред. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация – XXI век, 2002. с. 31-33.
105. Радина Н.К. Гендерная идентичность // Словарь гендерных терминов/ Под ред. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация – XXI век, 2002. с. 54, 55.
106. Радина Н.К. Гендерная идентичность // Словарь гендерных терминов/ Под ред. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация – XXI век, 2002. с. 154, 155.
107. Радина Н.К. Гендерная идентичность // Словарь гендерных терминов/ Под ред. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация – XXI век, 2002. с. 155, 156.
108. Радина Н.К. Изучение гендерной идентичности методом фокус-группы // Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2003. с. 243-258.
109. Радина Н.К. «Мужская культура» и причины социальной девиации: гендерный анализ дезадаптации переселенцев из России в Германию // Журнал прикладной психологии. 2004. № 2. с. 15-23.

110. Радина Н.К. Путешествие во времени за идентичностью, или Романтические отношения и поколения: психологический анализ // Семейная психология и семейная психотерапия. 2005. № 1. с. 115-125.
111. Радина Н.К. Психологические аспекты социализации личности: к вопросу о моделях классификации социализации // Психологическая наука и образование. 2005. № 1. с. 45-50.
112. Радина Н.К. Жизненные сценарии женщин трех поколений современной России // Семейная психология и психотерапия. 2006. № 1. с. 28-46.
113. Радина Н.К. Истории и сказки в психологической практике. СПб.: Речь, 2006. 208 с.
114. Радина Н.К. Реконструкция системы «мужских» дискурсов социальности: поиск проблемного дискурса // Мужская повседневность: труд, досуг, духовная жизнь. Тезисы интернет-конференции / Сост. Д.В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2007. с. 22, 23.
115. Радина Н.К. К вопросу о «многослойности» культурного содержания социума: роль гендерной культуры в развитии личности // Материалы 2-й Всерос. научно-практ. конференции «Психология индивидуальности». М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. с. 330-332.
116. Радина Н.К. Методологические ресурсы субъектно-деятельностного подхода для гендерных исследований в психологии // Субъектный подход в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2009. с. 205-314.
117. Радина Н.К. Трехфакторная модель А.В. Петровского для анализа «закрытой группы» и «закрытого общества»: Материалы Всерос. науч.-практ. конференции «Социальная психология малых групп», посв. памяти А.В. Петровского. М.: МГППУ, 2009. с. 110-116.
118. Радина Н.К. Гендерная психология. Н. Новгород: НИМБ, 2010. 86 с.
119. Радина Н.К., Конода И.В. Гендерный анализ социальных представлений о «мужественности» и «женственности» // Женщина и мужчина в современном обществе. Сб. статей. Вып. 1. Н. Новгород: Издательство НФ МГЭИ, 2004. с. 112-123.
120. Радина Н.К., Павлычева Т.Н. Рассказы о своей жизни как отражение психологических проблем выпускников сиротских учреждений // Вопросы психологии. 2010. № 5. с. 41-50.
121. Радина Н.К., Терешенкова Е.Ю. Личностный опросник С. Хартер – психодиагностический инструмент нового поколения для изучения персональной идентичности подростка // Психология в школе. 2006. № 4. с. 3-20.

122. Радина Н.К., Терешенкова Е.Ю. Возрастные и социокультурные аспекты гендерной социализации подростков // Вопросы психологии. 2006. № 5. с. 49-59.
123. Радина Н.К., Терешенкова Е.Ю. Гендерная социализация подростков // Мир образования – образование в мире. 2007. № 1. с. 131-138.
124. Радина Н.К., Штылева И.В. Сценарии романтических отношений современных старшеклассников // Психология в школе. 2008. № 4. с. 82-89.
125. Разумникова О.М. Взаимодействие гендерных стереотипов и основных жизненных ценностей при выборе профессии // Вопросы психологии. 2004. № 4. с. 76-83.
126. Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М., и др. Окно в русскую частную жизнь. М.: Akademia, 1999. 272 с.
127. Римашевская Н. Гендер и макроэкономика: теоретические аспекты // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – Русская панорама, 2002. с. 23-38.
128. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории. Минск: Пропилеи, 2000. с. 99-113.
129. Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под. ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 306 с.
130. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 292 с.
131. Семенова Л.Э. Особенности самопрезентации мужчин-педагогов средней школы // Психологическая наука и образование. 2008. № 1. с. 82-89.
132. Семенова Л.Э. Мужские образы и их социальное пространство в современном детском чтении // Библиотековедение. 2009. № 3. с. 65-70.
133. Сидоренко Е. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2002. 350 с.
134. Синельников А. Паника, террор, кризис. Анатомия маскулинности. Гендерные исследования. 1998. № 1. с. 211-227.
135. Сказка о молодильных яблоках // Русские народные сказки. Режим доступа: http://hyaenidae.narod.ru/story2/092.html [Дата обращения: 22.12.2010].
136. Сколько Вам лет? (Линия жизни глазами психолога) / Под ред. А.А. Кроника. М.: Школа-Пресс, 1993. 112 с.
137. Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Гендерные исследования, Харьковский центр гендерных исследований. 2000. № 5(2). с. 142-170.

138. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: Изд-во ПЕР СЭ, 2002. 351 с.
139. Солдатова Г.У., Рыжова С.В. Типы этнической идентичности // Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: СМЫСЛ, 2008. с. 140-146.
140. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
141. Сухарев А.В., Кравченко О.Ф., Овчинников Е.В., и др. Этнофункциональный подход в воспитании и психопрофилактике // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. с. 68-80.
142. Сэмюэлс Ш. Гендер нации: американская иконография и Гражданская война // Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках: Материалы 2-й Международной летней школы по гендерным исследованиям. Харьков, 1998. с. 92-101.
143. Тартаковская И.Н. Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Гендерные исследования. 2000. № 4. с. 246-265.
144. Тартаковская И. «Несостоявшаяся маскулинность» как тип поведения на рынке труда // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Н. Попковой, И.Н. Тартаковской. Самара: Изд-во Самарского университета, 2003. с. 42-70.
145. Тартаковская И.Н. Гендерная социология. СПб.: Невский простор, 2005. 368 с.
146. Тартаковская И.Н. Социальное положение женщин и мужчин: гендерные проблемы постсоветской России // Социальные трансформации в России: Теории, практики, сравнительный анализ. Учебное пособие / Под ред. В.А. Ядова М.: Флинта, Московский психолого-социальный институт. 2005. с. 391-420.
147. Тартаковская И.Н. Гендерная теория как теория практик: подход Р. Коннелла // Социологический журнал. 2007. № 2. с. 5-23.
148. Терешенкова Е.Ю., Радина Н.К. Гендерная социализация: влияние матери на развитие гендерной идентичности ребенка (по материалам фокус-групп) // Гендерные разночтения: Материалы IV Межвузовской конференции молодых исследователей по гендерным проблемам. СПб.: Алетейя, 2005. с. 153-159.
149. Тернер Дж. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2003. 256 с.
150. Ткач О. Патриархат по-советски, или Большая семья на большом экране // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Н. Попковой, И.Н. Тартаковской. Самара: Изд-во Самарского университета, 2003. с. 294-316.

151. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. с. 35-45.
152. Улановский А.М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психологический журнал. 2009. № 2. с. 18-28.
153. Улановский А.М. «Новая парадигма» социальных наук: линии развития современного конструктивизма // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. с. 279-298.
154. Ушакин С.А. Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии. 1999. №5. с. 71-85.
155. Уэст Д., Циммерман К. Создание гендера // Гендерные тетради. Вып. первый / Научный ред. А.А. Клецин. СПб.: СПб. филиал Института социологии РАН, 1997. с. 94-120.
156. Фельдштейн Б.Д. Доклад на выездном расширенном заседании Президиума Российской академии образования при участии Министерства образования и науки РФ и Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России «Задачи научного обеспечения реализации Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» 19 апреля 2010 года в Нижнем Новгороде // Режим доступа: http://www.raop.ru/index.php?id=790 [Дата обращения: 22.12.2010].
157. Фенько А.Б. Психологический анализ отношения москвичей к деньгам // Психологический журнал. 2004. № 2. с. 34-42.
158. Фридман Дж., Комбс Дж. Конструирование иных реальностей. М.: Класс, 2001. 368 с.
159. Хасан Б.И., Тюменева Ю.А. Особенности присвоения социальных норм детьми разного пола // Вопросы психологии. 1997. № 3. с. 33-39.
160. Ходоров Н. Психодинамика семьи / Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. с. 140-165.
161. Ходырева Н.В. Изменяя психологию // Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. с. 5-26.
162. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 304 С. Режим доступа: http://www.cisr.ru/files/publ/Xrest_fem_texts.pdf [Дата обращения 12.12.2010].
163. Цикунова Н.С. Гендерные характеристики личности спортсменов в маскулинных и фемининных видах спорта: Автореферат на соискание ученой степени кандидата психологических наук. СПб., 2003.

164. Чернова Ж. «Мужская работа»: анализ медиа-репрезентаций // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Н. Попковой, И.Н. Тартаковской. Самара: Изд-во Самарского университета, 2003. с. 276-293.
165. Чернова Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. с. 138-168.
166. Чтобы стать математиком, нужно родиться мальчиком? // Семья и школа. 1998. № 6. с. 8, 9.
167. Шведова Н.А. Просто о сложном: гендерное просвещение. М.: Антиква, 2002. 212 с.
168. Эльштайн Дж.Б. Императивы приватного и публичного // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. с. 64-88. Режим доступа: http://www.cisr.ru/files/publ/Xrest_fem_texts.pdf [Дата обращения: 12.12.2010].
169. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер с англ. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
170. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика / Сост. предисл. и пер. с англ. В. Менжулина. Киев: СИНТО, 1995. 236 с.
171. Юрчак А. Миф о настоящем мужчине и настоящей женщине в российской телевизионной рекламе // Семья, гендер, культура: Материалы международных конференций / Под ред. В. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. с. 87, 88.
172. Юрчак А. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь» // О муже(N)ственности: Сб. статей / Сост. С. Ушакин. М.: НЛО, 2002. с. 245-267.
173. Ярская-Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы. Гл. I. Истоки и методы гендерных исследований. М.: ИНИОН РАН, Саратовский гос. тех. ун-т, 2001. с. 7-92. Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/jarskaya_smirnova_b.htm [Дата обращения: 12.12.2010].
174. Ярская-Смирнова Е. Гендерное неравенство в образовании: понятие скрытого учебного плана // Гендерные исследования. 2000. № 5. с. 295-301.
175. Bem S. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. V. 42. p. 165-172.
176. Gender, race, and class in media: A text-reader / Edited by G. Dines, J.M. Humez. Sage publications. London. New Delhi, 1995.

177. Harter S. Manual: social support scale for children. University of Denver, 1986.
178. Stoller R. Sex and gender: on the development of masculinity and femininity. N.Y. Science House, 1968. 383 p.
179. Tannen D. You Just Don't Understand. N.Y.: William Morrow and Company Inc. 1990. 398 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Опросник «Я и другие мужчины»

Инструкция: Перед Вами опросник, представляющий позиции двух групп мужчин. В нем нет правильных или неправильных ответов. После прочтения каждого высказывания опросника необходимо выбрать ту группу мужчин, чье мнение Вам более подходит (т.е. Вы выбираете одну из альтернатив высказывания), затем – отметить любым значком только один вариант согласия («Полностью подходит для меня» или «Частично подходит для меня»). Благодарим за участие в исследовании.

Полностью подходит для меня	Частично подходит для меня		№		Частично подходит для меня	Полностью подходит для меня
☐	☐	Одни мужчины предпочитают активную деятельность (спорт, охота и др.).	1	Другие мужчины предпочитают разговоры по душам.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что техника – не их «конек».	2	Другие мужчины уверены, что должны обязательно разбираться в технике.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины стремятся постоянно увеличивать свою физическую силу.	3	Другие мужчины считают, что та сила, которая дана от природы, достаточна для современной технологической эпохи.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что женщина и мужчина могут быть хорошими друзьями.	4	Другие считают, что настоящим другом мужчины может быть только мужчина.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины предпочитают размеренную и спокойную жизнь.	5	Другие не могут жить без приключений.	☐	☐

Полностью подходит для меня	Частично подходит для меня		№		Частично подходит для меня	Полностью подходит для меня
☐	☐	Одни мужчины считают, что смысл жизни – в служении семье, профессии, в мужской дружбе.	6	Другие мужчины считают, что в первую очередь нужно позаботиться о себе.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины хотят обязательно добиться высокого положения в обществе.	7	Другие мужчины довольны жизнью «обычного человека».	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины могут выполнять разную домашнюю работу, не разделяя ее на «женскую» и «мужскую».	8	Другие считают, что у женщин свой круг домашних дел, у мужчин – свой, и они не должны смешиваться.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что количество завоеванных девушек определяет «крутость» мужчины.	9	Другие мужчины считают, что частая смена партнерши – не их «вид спорта».	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины могут быть мужественными и смелыми в любой ситуации.	10	Другие считают, что быть всегда смелым в наше время неразумно (можно самому попасть в опасную для жизни ситуацию).	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины в ситуации эмоционального напряжения обращаются за помощью к друзьям и близким.	11	Другие мужчины предпочитают разрешать свои эмоциональные проблемы без помощи окружающих.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины уверены, что абстрактное мышление лучше развито у мужчин.	12	Другие считают, что абстрактное мышление зависит от индивидуальных особенностей, а не от пола людей.	☐	☐

Полностью подходит для меня	Частично подходит для меня		№		Частично подходит для меня	Полностью подходит для меня
☐	☐	Одни мужчины предпочитают удобную спортивную одежду, уделяя гардеробу внимание, когда этого требует ситуация (праздник, дресс-код и др.).	13	Другие мужчины предпочитают постоянно следить за тем, чтобы их образ был стильным.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины рискнули бы сесть за руль в состоянии опьянения.	14	Другие мужчины даже после небольшой дозы алкоголя не водят автомобиль (вызывают такси, идут пешком и т.п.).	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины при небольшой спортивной травме могут стойко терпеть боль, не прибегая к помощи врачей и отдыху.	15	Другие, если чувствуют боль, предпочитают сразу обратиться к врачу, прервав при этом спортивные занятия.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают возможным обращаться за помощью, если не могут сами решить какую-либо задачу.	16	Другие считают, что мужчина должен принимать решения самостоятельно, без чьей-либо помощи.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины не могут скрывать свои переживания.	17	Другие мужчины умеют «держать» чувства внутри, не демонстрировать их окружающим.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что недостаточно мужественный мужчина, скорее всего, является гомосексуалистом.	18	Другие уверены, что геи могут быть мужественными мужчинами, а сексуальная ориентация здесь ни при чем.	☐	☐

Полностью подходит для меня	Частично подходит для меня		№		Частично подходит для меня	Полностью подходит для меня
☐	☐	Одни мужчины считают, что могут хитростью или силой победить в любой схватке.	19	Другие мужчины сомневаются, что могут победить любого противника.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины уверены, что должны быстро и правильно решить любую интеллектуальную задачу.	20	Другие мужчины полагают, что некоторые задачи могут быть слишком трудны для решения.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что настоящему мужчине присущи небритость, простая удобная одежда, запах пота и табака.	21	Другие считают, что мужчина должен следить за собой: иметь стильную прическу, стильный внешний вид и изысканный запах.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что должны приобрести дорогой и престижный автомобиль.	22	Другие мужчины считают машину средством передвижения.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что способны находить «общий язык» с криминальным миром для решения проблем.	23	Другие мужчины избегают «криминальных связей».	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины не могут допус-тить, чтобы их жена / девушка зарабатывала больше, чем они, была экономически независима.	24	Другие мужчины спокойно воспринимают экономическую независимость женщины	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины снимают напряжение в драке.	25	Другие мужчины избегают драк.	☐	☐

Полностью подходит для меня	Частично подходит для меня		№		Частично подходит для меня	Полностью подходит для меня
☐	☐	Одни мужчины смотрятся в зеркало только в тех случаях, когда бреются или причесываются.	26	Другие мужчины в течение дня периодически смотрятся в зеркало, проверяя, все ли в их внешнем виде так же безукоризненно.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что они должны продвигаться по карьерной лестнице.	27	Другие мужчины не стремятся к карьерному росту.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины предпочитают оберегать и защищать только близких ему женщин.	28	Другие мужчины всегда готовы защитить любую женщину, нуж-дающуюся в помощи	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины выбирают профессии, где нет риска для жизни и возможности быстро добиться результата	29	Другие мужчины считают, что риск – неотъемлемая характерис-тика мужской стратегии в стремлении к успеху.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины во всем проявляют выдержку и уравновешенность.	30	Другие мужчины бывают эмоциональными и непоследова-тельными в своих действиях.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что женщины могут быть професси-оналами высокого класса, даже в «мужских сферах» занятости.	31	Другие уверены, что женщина не может быть творцом, а, следова-тельно, высококлассным профессионалом.	☐	☐

Полностью подходит для меня	Частично подходит для меня		№		Частично подходит для меня	Полностью подходит для меня
☐	☐	Одни мужчины уверены, что современному мужчине необхо-димо хотя бы раз в месяц посещать салон красоты, так как его ногти, волосы требуют такого же ухода, как и у женщины.	32	Другие мужчины категорически отказываются от услуг салонов красоты, считая, что для мужчин это лишнее.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают не приемлемым отвечать «кулаками» в ответ на словесные провокации.	33	Другие мужчины запросто используют свою физическую силу в разрешении конфликтов.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины уверены, что должны быть самыми компетентными среди своих коллег.	34	Другие считают, что в чем-то могут превосходить, а в чем-то уступать своим коллегам.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают важным выражение нежности и заботы своим близким.	35	Другие мужчины считают, что нежность и заботливость – это женские качества	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины избегают пробовать наркотические вещества.	36	Другие мужчины считают, что умеренные эксперименты с наркотиками разнообразят жизнь.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что всегда должны быть готовыми к сексуальной активности.	37	Другие могут проигнорировать предложения со стороны сексуальной партнерши.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что должны много зарабатывать.	38	Другие мужчины считают, что важнее интерес к работе и возможность самореализации.	☐	☐

Полностью подходит для меня	Частично подходит для меня		№		Частично подходит для меня	Полностью подходит для меня
☐	☐	Одни мужчины считают, что настоящий мужчина не должен пользоваться туалетной водой.	39	Другие считают, что туалетная вода – обязательный атрибут настоящего мужчины.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины уверены, что с интеллектуальной задачей лучше справиться мужчина, чем женщина.	40	Другие считают что в решении интеллектуальных задач мужчины и женщины могут быть одинаково успешны.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что настоящие мужчины никогда не плачут.	41	Другие мужчины думают, что плакать можно как мужчинам, так и женщинам.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что необходимо быть первым во всем	42	Другие мужчины не желают соревноваться, конкурировать и сравнивать себя с другими.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины избегают выпить лишнего.	43	Другие считают, что настоящий мужчина умеет пить много.	☐	☐
☐	☐	Для одних мужчин карьера является главным смыслом жизни	44	Другие мужчины находят смысл в семье, в любимых занятиях или в друзьях.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины любят высокую скорость.	45	Другие мужчины предпочитают умеренную скорость.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины могут взять все тяготы домашней работы и ухода за детьми на себя, так как жена зарабатывает большие деньги, и не может уйти в декрет.	46	Другие считают, что семья, в которой женщина – на работе, а мужчина - дома и воспитывает детей, не может считаться нормальной.	☐	☐

Полностью подходит для меня	Частично подходит для меня		№		Частично подходит для меня	Полностью подходит для меня
☐	☐	Одни мужчины предпочитают доказывать что-либо поступками, а не словами.	47	Другие считают, что слова – главный инструмент в решении проблем.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что нет различий между интеллектом мужчин и женщин.	48	Другие уверены, что существуют «женская логика» и «женская интуиция», которые заменяют женщинам интеллект.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что воевать должны только специально обученные люди - военные.	49	Другие считают, что каждый мужчина в случае необходимости обязан выйти на защиту своей страны.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины предпочитают интеллектуальный и культурный досуг (чтение книг, поход в кино, театр и т.д.)	50	Другие большую часть свободного времени проводят в спортивном клубе, наращивая свою мышечную массу.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что они не могут знать все.	51	Другие считают, что у настоящего мужчины есть всегда ответ на любой вопрос.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины стремятся развить свою силу воли, так как она составляет основу «мужского характера».	52	Другие могут показать окружающим свои слабости.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что из женщин могут получиться хорошие руководители.	53	Другие считают, что руководящая работа - только для мужчин.	☐	☐

Полностью подходит для меня	Частично подходит для меня		№		Частично подходит для меня	Полностью подходит для меня
☐	☐	Одни мужчины положительно относятся к использованию мужчинами средств, закрашива-ющих седину, кремов от морщин - это позволяет сохранить внешнюю привлекательность	54	Другие мужчины отрицательно относятся к использованию подобных средств.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины уверены, что «гуманитарные способности» присущи женщинам.	55	Другие считают что «гуманитарные способности» могут быть как у женщин, так и у мужчин.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что могут сами о себе позаботиться: приготовить еду, постирать, убрать свой дом.	56	Другие мужчины считают, что без женщины в быту не обойтись.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины заботятся о своем внешнем виде, только когда идут на работу, учебу.	57	Другие мужчины считают, что всегда необходимо быть одетым «с иголочки», даже если вышел «в магазин за хлебом».	☐	☐
☐	☐	Одним мужчинам очень сложно признать свою ошибку.	58	Другие без проблем могут сказать, что были неправы в чем-либо.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что в особых случаях мужчина может заплакать.	59	Другие мужчины считают, что ни при каких обстоятельствах нельзя плакать.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают возможным обратиться к услугам пластических хирургов для омоложения	60	Другие считают, что мужчины не должны стараться выглядеть моложе.	☐	☐

Полностью подходит для меня	Частично подходит для меня		№		Частично подходит для меня	Полностью подходит для меня
☐	☐	Одни мужчины считают, что муж - добытчик, а женщина – хранительница домашнего очага.	61	Другие мужчины считают, что семейные обязанности могут выполнять оба супруга.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины стремятся тщательно и самостоятельно планировать будущее.	62	Другие мужчины открывают свою жизнь неожиданностям, непред-сказуемым поворотам судьбы.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что все мужчины стремятся к максималь-ному числу сексуальных партнерш.	63	Другие думают, что мужчины могут быть верными в сексуальных отношениях.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что главное в мужчине – его интеллект, ум.	64	Другие считают, что главное в мужчине – это его личность, душа.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины уверены, что физическая сила всегда на «мужской стороне».	65	Другие мужчины считают, что и женщины физически могут быть очень сильными.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что быть красивыми и ухоженными - удел женщин.	66	Другие мужчины уверены, что их красота и ухоженность помогают им в жизни и в карьере.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что мальчиков надо с раннего детства учить сдерживать эмоциональ-ные переживания.	67	Другие думают, что переживания – естественная часть жизни, требующая выражения.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что женщина не может вмешиваться в «мужские проблемы».	68	Другие мужчины полагают, что не существует особых «мужских проблем».	☐	☐

Полностью подходит для меня	Частично подходит для меня		№		Частично подходит для меня	Полностью подходит для меня
☐	☐	Одни мужчины считают, что должны сами позаботиться о своей семье.	69	Другие уверены, что, если их не станет, о семье может позаботиться кто-то другой.	☐	☐
☐	☐	Одни мужчины считают, что настоящий мужчина имеет дорогие фирменные часы и ботинки.	70	Другие не придают значения фирменным вещам.	☐	☐

ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РАБОТЫ С ОПРОСНИКОМ ИРМИ

Соответствие шкал и вопросов: ключ

Шкалы	Номер утверждения
Нормы эмоциональной твердости	№ 1, 11, 17, 30, 35, 41, 47, 52, 59, 67
Нормы умственной твердости	№ 2, 12, 16, 20, 34, 40, 51, 55, 58, 64
Нормы физической твердости	№ 3, 10, 15, 28, 33, 37, 49, 50, 63, 65
Нормы статуса	№ 7, 9, 22, 23, 27, 38, 42, 44, 61, 70
Нормы антиженственности	№ 4, 8, 18, 24, 31, 46, 48, 53, 56, 68
Шкала метросексуала	№ 6, 13, 21, 26, 32, 39, 54, 57, 60, 66
Шкала риска	№ 5, 14, 19, 25, 29, 36, 43, 45, 62, 69

Перевод баллов в соответствии с номером вопроса

Полностью подходит для меня (баллы)	**Частично подходит для меня** (баллы)	**№**	**Частично подходит для меня** (баллы)	**Полностью подходит для меня** (баллы)	**Полностью подходит для меня** (баллы)	**Частично подходит для меня** (баллы)	**№**	**Частично подходит для меня** (баллы)	**Полностью подходит для меня** (баллы)
4	3	**1**	2	1	1	2	**36**	3	4
1	2	**2**	3	4	4	3	**37**	2	1
4	3	**3**	2	1	4	3	**38**	2	1
1	2	**4**	3	4	1	2	**39**	3	4
1	2	**5**	3	4	4	3	**40**	2	1
1	2	**6**	3	4	4	3	**41**	2	1
4	3	**7**	2	1	4	3	**42**	2	1
1	2	**8**	3	4	1	2	**43**	3	4
4	3	**9**	2	1	4	3	**44**	2	1
4	3	**10**	2	1	4	3	**45**	2	1
1	2	**11**	3	4	1	2	**46**	3	4
4	3	**12**	2	1	4	3	**47**	2	1
1	2	**13**	3	4	1	2	**48**	3	4
4	3	**14**	2	1	1	2	**49**	3	4
4	3	**15**	2	1	1	2	**50**	3	4
1	2	**16**	3	4	1	2	**51**	3	4
1	2	**17**	3	4	4	3	**52**	2	1
4	3	**18**	2	1	1	2	**53**	3	4
4	3	**19**	2	1	4	3	**54**	2	1
4	3	**20**	2	1	4	3	**55**	2	1
1	2	**21**	3	4	1	2	**56**	3	4
4	3	**22**	2	1	1	2	**57**	3	4
4	3	**23**	2	1	4	3	**58**	2	1
4	3	**24**	2	1	1	2	**59**	3	4
4	3	**25**	2	1	4	3	**60**	2	1
1	2	**26**	3	4	4	3	**61**	2	1
4	3	**27**	2	1	1	2	**62**	3	4

Полностью подходит для меня (баллы)	**Частично подходит для меня** (баллы)	**№**	**Частично подходит для меня** (баллы)	**Полностью подходит для меня** (баллы)	**Полностью подходит для меня** (баллы)	**Частично подходит для меня** (баллы)	**№**	**Частично подходит для меня** (баллы)	**Полностью подходит для меня** (баллы)
1	2	**28**	3	4	4	3	**63**	2	1
1	2	**29**	3	4	4	3	**64**	2	1
4	3	**30**	2	1	4	3	**65**	2	1
1	2	**31**	3	4	1	2	**66**	3	4
4	3	**32**	2	1	4	3	**67**	2	1
1	2	**33**	3	4	4	3	**68**	2	1
4	3	**34**	2	1	1	2	**69**	3	4
1	2	**35**	3	4	4	3	**70**	2	1

Результаты стандартизации опросника ИРМИ (N = 341)

		Шкалы						
Показатель	**Группы**	**Нормы эмоциональной твердости**	**Нормы умственной твердости**	**Нормы физической твердости**	**Нормы статуса**	**Нормы антиженственности**	**Шкала метросексуала**	**Шкала риска**
max	**16 – 18 лет**	39	37	40	40	35	39	39
	19 – 25 лет	38	35	40	38	37	36	36
	26 – 60 лет	32	34	37	39	36	33	35
	Старше 60 лет	34	29	32	30	30	29	24
min	**16 – 18 лет**	19	15	18	16	13	13	16
	19 – 25 лет	18	13	15	13	11	14	13
	26 – 60 лет	18	11	15	15	15	13	15
	Старше 60 лет	19	14	16	13	13	13	14
Me	**16 – 18 лет**	**28**	**23,5**	**27,5**	**27,5**	**23**	**25**	**24**
	19 – 25 лет	**26,5**	**22,5**	**28,5**	**27,5**	**24**	**25**	**23,5**
	26 – 60 лет	**26**	**20**	**26**	**21,5**	**24**	**20,5**	**21,5**
	Старше 60 лет	**26**	**19**	**24**	**21**	**22**	**21**	**20**
m	**16 – 18 лет**	27,143	24,964	26,643	27,714	23,714	25,250	24,607
	19 – 25 лет	26,375	22,750	29,083	27,375	23,625	25,125	24,042
	26 – 60 лет	25,605	21,395	25,421	21,921	23,947	20,947	22,763
	старше 60	26,182	20,364	24,636	20,182	21,273	20,545	19,909
s	**16 – 18 лет**	3,182	4,965	4,331	5,927	5,105	5,210	4,317
	19 – 25 лет	3,394	4,252	4,321	5,175	4,810	4,702	4,483
	26 – 60 лет	3,942	5,884	4,360	5,148506	4,865	4,997	5,324
	Старше 60 лет	3,842	4,588	4,202	4,143	5,081	4,344	3,618

Описание шкал

Нормы эмоциональной твердости. Высокие баллы по этой шкале означают, что опрашиваемый разделяет стереотипное мнение, согласно которому мужчина должен контролировать свои чувства и разрешать свои эмоциональные проблемы без помощи окружающих. Мужчины с высокими баллами по данной шкале считают, что они практически всегда выдержанны и уравновешенны, уверены, что ни при каких обстоятельствах они не могут демонстрировать окружающим свои «слабости».

Нормы умственной твердости. Опрашиваемый с высокими баллами по данной шкале подвержен стереотипу мужественности, согласно которому мужчина должен быть всезнающим и компетентным. Такие мужчины считают возможным утверждать свою мужественность посредством решения интеллектуальных задач, им сложно признать ошибки, они привыкли решать все вопросы самостоятельно и считают, что могут и должны быть самыми компетентными.

Нормы физической твердости. Высокие баллы по данной шкале показывают высокую степень выраженности установки на себя как на человека недюжинной физической силы и высокой биологической (сексуальной) активности.

Нормы статуса. Высокие значения по данной шкале демонстрируют, что опрашиваемый уверен в обладании властью и общественным признанием. Мужчинам с подобными установками важен карьерный рост, в построении собственной жизни ими движет возможность утвердиться, подняться по социальной лестнице, больше, чем другие, зарабатывать и преуспевать.

Нормы антиженственности. Высокие значения по данной шкале показывают, что опрашиваемый разделяет установки, согласно которым мужчинам следует избегать специфически женских занятий, видов деятельности и моделей поведения. Эти мужчины четко разграничивают сферы деятельности, избегая участия в стереотипно «женских» видах труда (домашнее хозяйство, уход за ребенком и др.). При этом они оставляют за женщинами выполнение бытовых и обслуживающих функций, считая, что интеллектуальный труд, карьерный рост, власть и зарабатывание денег – это прерогатива мужчин. Они стремятся к доминантному положению над женщинами, склонны к дискриминации по гендерному признаку (сексизм).

Шкала метросексуала. Высокие баллы по данной шкале свидетельствуют о наличии у опрашиваемого установки на «заботу о себе», в первую очередь предполагающей заботу о внешности. Мужчины с метросексуальными установками ориентированы на брендовую одежду, стильные аксессуары, посещают не только тренажерные залы, но и салоны красоты.

Шкала риска. Высокие баллы по шкале риска свидетельствуют о готовности мужчины к рискованному поведению. Мужчины с установкой на риск рассматривают неопределенность как неотъемлемую характеристику жизни, считая, что без приключений жизнь пресна, готовы к разного рода авантюрам.

Основные варианты развития мужской идентичности

Гегемонная мужская идентичность. Данный вариант развития мужественности является своего рода доминирующим идеалом, культурно господствующим и самым престижным в обществе (лидер, физически и сексуально активный, способный доминировать над женщинами, эмоционально выдержанный, принимающий решения, рискованный, классический пример – образ мачо). Гегемонные формы отражают суть мужского превосходства, что предполагает не только иерархические практики доминирования между гендерными группами, но и построение иерархий в группе мужчин.

«Компенсаторный» вариант развития мужской идентичности. Данный вариант развития мужественности основан на сексизме и доминировании над женщинами, при этом сам мужчина не является активным носителем установок на соблюдение «норм мужественности». Велика вероятность того, что мужчина – обладатель «компенсаторной» идентичности склонен к насилию в отношении женщин.

«Мягкая» патриархатная идентичность. Данный вариант развития мужской идентичности характеризует мужчин, в целом патриархатно-ориентированных, однако установка на соблюдение «норм мужественности» у них едва выражена.

Гибридные варианты развития мужской идентичности являются промежуточными – между патриархатным и альтернативным развитием и предполагают установки на себя и соблюдение норм, присутствующих в данных полярных сценариях развития идентичности.

Альтернативные варианты развития мужской идентичности. В их основе лежит отход от признания гендерной дискриминации, при этом метросексуальный вариант предполагает более центрированного на себе и своей внешности мужчинк, эгалитарный вариант развития мужской идентичности предполагает множество форм, ключевой объединяющий признак которых – признание другой гендерной группы как равноценной.

Критерии выраженности показателей по шкалам для определения варианта развития мужской идентичности

Типы	Варианты развития мужской идентичности	Значения баллов по шкалам опросника						
		Нормы эмоциональной твердости	Нормы умственной твердости	Нормы физической твердости	Нормы статуса	Нормы антиженственности	Шкала метросексуала	Шкала риска
Патриархатные	Гегемонный	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Ниже ср.	Выше ср.
	«Компенсаторный»	Средние или ниже среднего				Выше ср.	Ниже ср.	Ср. и ниже
	«Мягкий» патриархатный	Средние или выше среднего				Ср.	Ниже ср.	Ср.
Гибридные	А-Гегемонно-метросексуальный	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.
	Б-Гегемонно-метросексуально-нерискованный	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Выше ср.	Ниже ср.
Альтернативные	Метросексуальный	Любые				Ниже ср.	Выше ср.	Любые
	Эгалитарный	Любые				Ниже ср.	Ср. и ниже	Любые